77 3/55

1366.

773
55

О

ПРЕПОДАВАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА.

О

ПРЕПОДАВАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА.

СОЧИНЕНІЕ

Ѳедора Буслаева,

СТАРШАГО УЧИТЕЛЯ 3-Й МОСКОВСКОЙ, РЕАЛЬНОЙ ГИМНАЗІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1844.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 24 го Мая, 1844 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
предисловіе	I
предметъ и метода преподаванія	1
педагогическія партіи	16
грамматика	36
1. умственныя упражненія и энциклопедическое ученіе	36
2. обученіе отечественному языку по латинской грамматикѣ	47
3. метода обученія отечественному языку	59
4. отношеніе отечественнаго языка къ прочимъ предметамъ преподаванія	66
5. грамматики	81
6. результаты	84
реторика и піитика	93
1. схоластики и беллетристы	93
2. филологи	100
3. лингвисты и философы	105
4. практика	113
5. педагоги - систематики	116
чтеніе	119
письменныя упражненія	177

Стран.

1. дѣловыя бумаги 177
2. письма 181
3. описанія, повѣствованія и разсужденія на выдуманныя учителемъ темы 185
4. отношеніе письменныхъ упражненій къ прочимъ предметамъ преподаванія 191
5. отношеніе письменныхъ упражненій къ преподаванію отечественнаго языка 197
а. правописаніе 200
б. начальныя письменныя упражненія 204
в. переводы 206
г. переложенія 207
д. извлеченія 209
е. собственныя сочиненія 211
исторія литературы 213
опыты преподаванія 215
1. начальная грамматика 215
2. чтеніе Карамзина 263
3. чтеніе древняго памятника 288
4. чтеніе одъ Ломоносова 297
заключеніе и переходъ ко второй части 328

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимая средину между низшими и высшими учебными заведеніями, Гимназія, за исключеніемъ немногихъ предметовъ, равняется первыми классами съ низшими училищами, а послѣдними съ первымъ курсомъ Университета: потому и говорю о преподаваніи отечественнаго языка вообще, хотя разумѣю, по преимуществу, преподаваніе гимназическое. Имѣю болѣе права говорить о Гимназіи, ибо, будучи въ ней преподавателемъ, частію привожу въ дѣйство на практикѣ тѣ основанія, которыя предлагаю читателямъ въ этомъ сочиненіи. — Раздѣляю его на двѣ части: въ первой метода преподаванія, во второй самый предметъ. Учитель долженъ не только знать свой предметъ, но и умѣть передать, что̀ знаетъ: о знаніи во второй части, объ умѣніи въ первой. Долженъ смотрѣть на науку и глубже и дальше того, сколько сообщаетъ ученикамъ: путь къ дальнѣйшему

изученію во второй части; мѣра, сколько сообщить ученикамъ — въ первой.

Хотя опровергаю всѣ педагогическія начала, которымъ не слѣдую; однако вовсе не съ той дерзкою мыслію, чтобы рѣшительно ихъ уничтожить, а единственно, чтобы показать вредныя ихъ крайности, и разительнѣе выставить основанія, по коимъ бы я всегда желалъ дѣйствовать въ Гимназіи. А по обязанностямъ службы всякъ долженъ поступать по крайнему своему разумѣнію и сознательному убѣжденію. О преподаваніи не льзя говорить слегка, и тѣмъ болѣе, когда касается оно казенныхъ учебныхъ заведеній. Вотъ для чего строго повѣрялъ я свои выводы судомъ опытныхъ педагоговъ, мнѣнія коихъ постоянно цитую. И для чего было бы говорить отъ своего имени то, что сказано уже другими? Однако, надѣюсь, меня не осудятъ въ компиляціи, ибо замѣтятъ, что позади чужихъ мнѣній я старался ставить собственную критику. Въ дѣлѣ общемъ и общественномъ, каково есть обученіе юношества, оригинальнымъ быть не слѣдуетъ: потому моя цѣль единственно та, чтобы показать современное воззрѣніе на предметъ. Какъ же я примѣнилъ оное къ рускому языку, пусть судятъ наши опытные наставники.

Въ настоящее время вопросъ о преподаваніи отечественнаго языка едва ли не болѣе всѣхъ дру-

гихъ вопросовъ дидактическихъ занимаетъ педагоговъ. И дѣйствительно, послѣ Закона Божьяго, нѣтъ ни одного гимназическаго предмета, въ которомъ бы такъ тѣсно и гармонически совокуплялось преподаваніе съ воспитаніемъ, какъ въ обученіи отечественному языку. Постепенное раскрытіе дара слова и законовъ онаго должно быть вмѣстѣ и раскрытіемъ всѣхъ нравственныхъ силъ учащагося: ибо родной языкъ есть неистощимая сокровищница всего духовнаго бытія человѣческаго. — Сверхъ того современные блистательные успѣхи Филологіи и Лингвистики заставили педагоговъ основательнѣе вникнуть въ языкъ. — Кто понялъ сравнительное языкознаніе, для того уже не существуетъ непроходимаго средостѣнія между своимъ, т. е. рускимъ, и между чужеземнымъ. Сполъ же недостаточно изучать только свое, не вѣдая чужаго, какъ и толковать только о чужомъ, ни во что ставя свое. Истинный гуманизмъ вездѣ видитъ и уважаетъ человѣка: сравнительная Лингвистика и въ языкѣ народовъ грубыхъ открываетъ великіе законы творческой силы. — Точно такжe отстали въ наукѣ и тѣ, которые думаютъ, что нашъ древній бытъ не имѣетъ никакой связи съ теперешнимъ. Истинный гуманизмъ, повторяю, вездѣ видитъ человѣка, и сознаетъ, что въ необъятной махинѣ созданія не пропадаетъ ни

единаго волоса съ головы человѣческой. Историческая Лингвистика убѣдитъ всякаго въ настоятельной необходимости изученія всей нашей древности для преуспѣянія настоящему и будущему. — Столько же не правы и тѣ, которые полагаютъ, что изслѣдованіе буквы убиваетъ въ ученомъ всякое сочувствіе къ живой идеѣ. Чѣмъ болѣе вникаешь въ малѣйшія подробности творенія, тѣмъ разительнѣе и глубже созерцаешь неистощимость и многообразіе творчества: а буква есть самая дробная стихія человѣческаго слова. Философія языка только тогда будетъ незыблема, когда глубоко укоренится на изученіи буквы. Кто съ надлежащей точки смотритъ на букву, тотъ понимаетъ языкъ во всей осязательности его, изобразительности и жизненной полнотѣ.

Итакъ основательное изученіе роднаго языка раскрываетъ всѣ нравственныя силы учащагося, даетъ ему истинно гуманическое образованіе, а вмѣстѣ и свое собственное, народное; заставляетъ вникать въ ничтожныя, повидимому, и безжизненныя мелочи, и открывать въ нихъ глубокую жизнь во всей неисчерпаемой полнотѣ ея. — Такъ думаю о своемъ предметѣ: почту себя счастливымъ, если хотя малую частицу этой мысли умѣлъ я выразить въ предлагаемомъ сочиненіи.

Изъ всѣхъ современныхъ ученыхъ преимущественно слѣдую Якову Гримму, почитая его начала самыми основательными и самыми плодотворными, и для науки и для жизни. Въ моемъ сознательномъ выборѣ укрѣпляетъ меня и авторитетъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, Московская Коммиссія которой, принимая на себя разработку матеріаловъ для Академической Русской Грамматики, поставляетъ себѣ образцомъ Грамматику Гримма. (Смотр. Отчетъ по второму отдѣленію ИМПЕРАТОРСКОЙ Акад. Наукъ, за 1842 годъ; въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1843 года, часть XXXVIII.)

Приношу мою искреннюю благодарность Гг. Профессорамъ Перваго Отдѣленія Философскаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, у которыхъ я имѣлъ честь учиться, и 3-й Московской, Реальной Гимназіи, въ которой имѣю честь учить. Первые сообщили мнѣ основанія, по коимъ я впослѣдствіи изучалъ свой предметъ; а вторая дала мнѣ полную возможность примѣнить оный на практикѣ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ НАЧАЛА.

ПРЕДМЕТЪ И МЕТОДА ПРЕПОДАВАНІЯ.

Надобно отличать ученую методу отъ учебной. Ученый, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая никакого вниманія на личность читателя или слушателя: онъ предлагаетъ свою науку единственно тому, кто пойметъ его. Напротивъ того педагогъ долженъ развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имѣетъ свою цѣну, когда прилична тѣмъ лицамъ, коимъ преподается. „По моему глубокому убѣжденію, говоритъ Аб. Жираръ 1), всякая элементарная для дѣтей книга должна быть средствомъ къ воспитанію. Если же она ограничивается только тѣмъ, чтобы дать свѣденія и развить ум-

1) Explication du plan de Fribourg en Suisse, par Girard, 1827.

ственныя способности дитяти: я могу похвалить порядокъ и жизнь, вложенные авторомъ въ его книгу, но не буду доволенъ. Мнѣ даже непріятно видѣть исключительно только учителя языка, Естественной Исторіи, или Географіи и пр., когда я ожидаю бо́льшаго: воспитателя дѣтей, образующаго разумъ для образованія сердца, и вносящаго свѣточь въ души еще новыя, чтобы освѣтить ихъ благоразуміемъ и добродѣтелью. Нѣтъ ни одного предмета въ обученіи юношества, который, въ рукахъ нѣсколько искусныхъ, не могъ бы служить средствомъ къ воспитанію. Всякій предметъ приноситъ свою дань по своей собственной природѣ. Такимъ образомъ великая обязанность и долгъ воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы собрать эти различныя приношенія, соединить ихъ и поставить въ преуспѣяніе чувствъ благородныхъ, честныхъ и великодушныхъ.“ Слѣдовательно: чтобы опредѣлить преподаваніе языка, надобно, вопервыхъ, опредѣлить самый предметъ, т. е. языкознаніе, и вовторыхъ, показать, какимъ образомъ этотъ предметъ долженъ быть средствомъ къ воспитанію, и какимъ образомъ довести учащагося до основательнаго знанія и сознательнаго дѣйствованія.

Два рода изученія языковъ: филологическій и лингвистическій 1). „Для перваго языкъ есть только средство къ изученію древней литературы, но

1) Grimm, Deutsche Grammatik, часть I, предисловіе къ третьему изданію 1840 г.

средство неистощимо богатое содержаніемъ. Цѣль филолога достигнута, если онъ мало по малу сживается съ древнимъ языкомъ, и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться въ него и чувственно и духовно, такъ усвоиваетъ себѣ его образъ и сославъ, что свободно можетъ употреблять его, какъ собственное врожденное достояніе, въ разговорѣ и чтеніи памятниковъ литературы отжившей. Содержаніе и форма взаимно условливаются другъ другомъ, такъ что съ возрастаніемъ уразумѣнія рѣчи и поэзіи, богатѣетъ и содержаніе для Грамматики. Идетъ она шагомъ болѣе твердымъ, чѣмъ смѣлымъ, съ взглядомъ болѣе здравымъ, нежели проницающимъ вдаль на богато-разнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любитъ вскапывать ее въ глубину. Такая Грамматика преимущественное вниманіе обращаетъ на синтаксисъ, которого нѣжная ткань даетъ знать о цвѣтахъ и плодахъ изучаемой почвы, и въ которомъ особенно высказывается душа языка. Она не заботится о происхожденіи измѣнчивыхъ звуковъ и отдѣльныхъ формъ, довольствуясь тщательнымъ и обычнымъ употребленіемъ ихъ въ рѣчи. Въ ученіи объ образованіи словъ занимается она не столько обнаженіемъ корней, сколько производствомъ и сложеніемъ словъ. Всѣ правила языка направляются къ лучшимъ произведеніямъ литературы, и неохотно распространяются на области языка, необработанныя искусствомъ и запущенныя. Все грамматическое изученіе неукоснительно служитъ критикѣ словес-

ныхъ произведеній, полагая въ томъ свое призваніе и цѣль. — Другой родъ изученія, лингвистическій, углубляется въ языкъ, какъ въ непосредственную цѣль свою, и менѣе заботится о живомъ и цѣломъ выраженіи. Дѣйствительно, можно изучать языкъ самъ по себѣ и открывать въ немъ законы, наблюдать не то, что на немъ выражается, а то, что живетъ и вращается въ немъ самомъ. Въ противоположность предыдущему, такое языкоученіе можно назвать членоразлагающимъ, ибо оно болѣе любитъ разнимать по частямъ составъ языка и высматривать его кости и жилы, менѣе заботясь наблюдать свободное движеніе всѣхъ его членовъ, и подслушивать нѣжное его дыханіе. Какъ успѣхи Анатоміи вообще зависятъ отъ сравненія, такъ и здѣсь возникло сравнительное языкоученіе, извлекающее правила изъ сближенія цѣлыхъ языковъ или формъ одного и того же языка, исторически развивающихся другъ изъ друга, хотя различныхъ, однако сродныхъ и между собою соприкасающихся. Это изученіе мало слѣдитъ за ходомъ и судьбою литературы и находитъ себѣ такую же пищу въ языкѣ необработанномъ, даже въ грубомъ діалектѣ, какъ и въ возвышеннѣйшихъ произведеніяхъ классическихъ. Прежде всего берется оно за простѣйшія стихіи въ звукѣ и флексіяхъ и въ гораздо меньшей мѣрѣ занимается синтаксисомъ. Изслѣдователь сравнительнаго языкознанія примѣняетъ свои правила въ безграничной области, которую онъ никогда не можетъ обозрѣть совершенно. Изумляетъ множе-

ство открытыхъ и извлеченныхъ корней изъ почвы изслѣдованія; но трудно побѣдить заманчивость къ разнообразію, легко можно разсѣяться, и послѣдовательные выводы возводятъ иногда на такую крутую высоту, съ которой какъ разъ упадетъ, кто легко спотыкается. Плодоносная жатва, столь надежная на нивахъ вышеописанной филологіи, ограниченныхъ и огороженныхъ, удается сравнительному языкоученію единственно тогда, когда оно медленно и осмотрительно поднимается отъ надежнаго основанія. Оно нашло средство обуздать и скрасить дикую, всѣмъ опротивѣвшую этимологію, и положило конецъ прежнему произволу; но онъ опять вкрался бы, если бы оно загромоздило себя безконечными исключеніями и аномаліями, и не расширило и не укрѣпило своего основанія. Въ органическомъ языкѣ нѣтъ неправильностей, которыя не исходили бы отъ глубоко коренящагося закона, нѣтъ исключеній, которыя, основательно поняты, не подходили бы подъ правило. Все дѣло въ томъ, чтобы дать первенство закону передъ неправильностью и правилу передъ исключеніемъ.“ Филологически обрабатывали Грамматику — греческую Бутманнъ, Германнъ, Тиршъ, Маттіэ, Ростъ, Бернгарди, Кюнеръ и друг.; латинскую — Гротефендъ, Цумптъ, Рамсгорнъ, Биллротъ, Кригеръ, Мадвигъ и др. Лингвистически обрабатывали языкознаніе: Шнейдеръ въ Ausführliche Gram. d. latein. Spr. 1819 — 1821, 3 ч.; Гумбольдтъ, Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java, 1836; Поттъ, Etymologische For-

schungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen, 1833—1836, 2 ч.; Бопп, Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen, 1833 — 1842. Як. Гриммъ хотя совершеннѣйшій лингвистъ въ своей Deutsche Grammatik, однако, примѣняя языкознаніе къ реальнымъ предметамъ, даетъ своимъ лингвистическимъ изслѣдованіямъ и филологическій интересъ, именно въ слѣд. сочиненіяхъ: Deutsche Rechtsalterthümer, 1828; Reinhart fuchs, 1834; Deutsche Mythologie, 1835; 2-е умноженное и улучшенное изданіе 1843 года 1). Отечественный языкъ, по существу своему, необходимо долженъ подвергаться и филологическому и лингвистическому способу изслѣдованія. Хотя лингвистическому слѣдуетъ преимуществовать, ибо намъ неизвѣстнѣе происхожденіе формъ своего языка, нежели употребленіе оныхъ; однако не льзя упускать изъ виду и примѣненія законовъ отечественнаго языка къ литературнымъ памятникамъ, тѣмъ болѣе потому, что для уразумѣнія древней нашей словесности, на коей держится современный языкъ, требуется нѣкоторыхъ усилій, какія полагаетъ филологъ при знакомствѣ съ памятниками классической древности. Сверхъ того безошибочное и точное употребленіе отечественнаго языка на практикѣ не довольствуется однимъ врожденнымъ умѣньемъ, но

---

1) Слич. характеристику философской, сравнительной и исторической Грамматики, въ началѣ 2-й части.

руководствуется извѣстными правилами, и особенно у насъ, потому что произволъ, ложное иностранное вліяніе, мода и педантизмъ весьма много попортили врожденный намъ даръ рускаго слова. До сихъ поръ обучаются у насъ отечественному языку по Граммапикамъ, составленнымъ на образецъ латинской и греческой; слѣд. въ нихъ съ одной стороны не достаетъ элемента лингвистическаго, а съ другой много лишняго, особенно въ мелочныхъ правилахъ при склоненіи, спряженіи, управленіи, согласованіи. Именно за эти ненужныя подробности и оподозрѣна годность отечественной Граммапики въ преподаваніи.

Но для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода. Здѣсь-то и выказывается великій недостатокъ Граммапикъ Востокова и Греча, не смотря на всѣ ихъ ученыя и научныя достоинства. Оба эти филолога смотрятъ на Граммапику только съ ученой стороны, не обращая вниманія на учебную, забывая личность учащагося: между тѣмъ какъ постепенное развитіе сей послѣдней составляетъ важнѣйшую часть отечественной Граммапики. Рускій съ малыхъ лѣтъ умѣетъ ужъ и склоняетъ и спрягаетъ правильно, не ошибется въ согласованіи и управленіи — за исключеніемъ весьма немногихъ частностей, которыя однѣ и должны быть замѣчены въ учебникѣ. Дѣтямъ совершенно безполезно знать, что есть этимологія, синтаксисъ, правописаніе, до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ они предложенія съ частями его, слова и катего-

рій частей рѣчи; до тѣхъ поръ, пока не умѣютъ правильно писать, и отчетливо понимать прочитанное. Самый порядокъ изложенія нашихъ учебниковъ, отъ частей рѣчи восходящій до синтаксиса, противорѣчитъ естественному развитію дара слова. Какъ часть непонятна безъ цѣлаго, такъ и цѣлое безъ частей: часть рѣчи понятна тогда, когда извѣстна рѣчь; а самая краткая и простѣйшая форма рѣчи есть предложеніе. Это начало, выведенное изъ сущности самого предмета, находитъ полное примѣненіе къ личности учащагося: дитя говоритъ предложеніями, а не словами, ему легче понять предложеніе, нежели слово; а начинаютъ обыкновенно съ извѣстнаго, изъ коего извлекаютъ неизвѣстное. Родной языкъ такъ сросся съ личностью каждаго, что учить оному значитъ вмѣстѣ и развивать духовныя способности учащагося. Такимъ образомъ въ самомъ предметѣ преподаванія, въ языкѣ отечественномъ, находимъ мы необходимость педагогической методы.

Не надобно смѣшивать методы съ пріемами преподаванія, зависящими или отъ произвола самого учителя, или отъ личности учениковъ. Такъ иной учитель, заставляя цѣлый классъ писать подъ диктантъ, вызываетъ одного ученика писать на доскѣ; иной не вызываетъ; или, поправляя письменныя упражненія, иной подчеркиваетъ ошибки подъ строками; иной дѣлаетъ замѣчанія на поляхъ, не подчеркивая. Особые пріемы въ способѣ изложенія для дѣтей низшаго, средняго и высшаго сословія,

для дѣтей бойкихъ и тихихъ, быстрыхъ и медлительныхъ, и пр.

Метода можетъ быть принята, вопервыхъ, какъ способъ или образъ ученія; напр. одни считаютъ удобнѣе проходить Исторію этнографически, другіе хронологически, третьи синхронистически. На этой ступени большая часть нашихъ педагоговъ. Въ значеніи, гораздо высшемъ, метода имѣетъ цѣлью подчинить человѣческій духъ, какъ существо учащееся, извѣстнымъ законамъ. Педагогъ психологически вникаетъ въ познавательную способность дѣтей, и, сообразуясь съ общими законами развитія оной, ведетъ учащагося къ изученію какого либо предмета. На этой ступени педагогическаго образованія все вниманіе учителя съ любовью обращено на лице учащееся; предметъ же изученія оспается только средствомъ къ духовному развитію ученика. Такая метода, соотвѣтствующая Кантовой Философіи 1), хотя несовершенна, ибо односторонняя; однако желательно, чтобы какъ можно болѣе у насъ распространилась. Тогда не слышались бы жалобы учителей на скуку толковать въ низшихъ классахъ ежегодно одно и тоже. Интересъ учителя не столько въ наукѣ, сколько въ обученіи, въ наблюденіи за развитіемъ дѣтскихъ способностей: слѣдовательно, съ каждымъ новымъ курсомъ откры-

---

1) Кантъ въ предисловіи ко второму изданію Kr. d. r. V.: die Gegenstände müssen sich nach unsrer Erkenntnisz richten.

вается преподавателю новое поприще дѣятельности, являющее ему новые предметы для наблюденія, новыя заботы и новое удовольствіе. Односторонность этой методы выказывается отъ двухъ побудительныхъ причинъ: первая — дурная: совершенное равнодушіе къ наукѣ, къ сожалѣнію столь часто замѣчаемое въ учителяхъ; вторая — добрая: иные педагоги слишкомъ мало цѣнятъ науку изъ крайней любви къ лицу учащемуся; для нихъ предметъ ученія важенъ не самъ по себѣ, а потому только, что является средствомъ къ образованію ума, духовною пищею, веществомъ, перерабатывающимся въ жизненные соки ученика. Этому мнѣнію діаметрально противополагаются заступники самостоятельности знанія въ обученіи; для нихъ всякая наука, Грамматика, Математика и пр., есть предметъ, постоянно пребываемый и неизмѣнный. Какъ Эвклидъ, говорятъ они, даже для царя не находитъ особаго пути къ изученію Геометріи; такъ же нѣтъ и различныхъ путей къ изученію латинской Грамматики или Геометріи для различныхъ возрастовъ 1). — Такое противорѣчіе должно было разрѣшиться необходимымъ явленіемъ третьей степени методы: направленіе субъективное, ограничивающееся одною личностью учащагося, должно было разшириться, и уничтожить противорѣчіе между личностью ученика и предметомъ обученія. На этой ступени метода требуетъ совокупнаго раз-

1) Mager, Die deutsche Bürgerschule, 1840.

вишія предмета изучаемаго и мыслительности учащагося 1). Она столько же не терпитъ одного формальнаго обученія, сколько и одного матеріальнаго, хотя болѣе наклонна къ послѣднему: ибо матеріальное даетъ учащемуся содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ умственныя способности; формальное же ограничивается только развитіемъ умственныхъ способностей. Такъ напр. выучка наизусть страницы на какомъ нибудь вовсе неизвѣстномъ языкѣ будетъ ученіе чисто формальное, опрѣшенное отъ всякаго матеріальнаго интереса, а только изощряющее память ученика. Если же выучивается что нибудь на извѣстномъ языкѣ, то вмѣстѣ съ упражненіемъ памяти пріобрѣтается и положительное знаніе. Формальное обученіе безъ матеріальнаго возможно: таково обученіе во многихъ плохихъ школахъ, гдѣ заставляютъ дѣтей учить наизусть учебники, изъ которыхъ они не понимаютъ ни слова. Матеріальное же безъ формальнаго быть не можетъ.

Способъ преподаванія двоякій: или заставляютъ ученика самого доискиваться и находить то, чему хотятъ научить его, или же предметъ преподаваемый дается ему готовый, безъ всякаго съ его стороны пытанія. Первая метода называется *гейристическою*, вторая — *историко-догматическою* 2). Иные

---

1) Слова Спинозы: ordo et connexio idearum (idem est ac ordo et connexio rerum — объясняютъ эту методу.

2) Beneke, Erziehungs- und Unterrichtslehre, изд. 2-е, 1842, II, 282.

противополагаютъ гейристическую методу строго-научной или систематической, почитая характеромъ послѣдней нисхожденіе отъ отвлеченнаго къ конкретному, а первой — восхожденіе отъ конкретнаго къ отвлеченному. Несправедливы тѣ, которые полагаютъ сущность гейристической методы въ разговорномъ, діалогическомъ изложеніи, а историко-догматической въ сплошномъ разсказѣ: метода эротематическая и акроаматическая основываются только на внѣшнемъ изложеніи, не касаясь сущности самого дѣла 1). Примѣнительность той или другой методы условливается отчасти предметомъ преподаванія (объективно), отчасти личностью учащагося (субъективно). Такъ все историческое и положительное не можетъ преподаваться гейристически, ибо ученикъ никоимъ образомъ не дойдетъ своимъ собственнымъ разсужденіемъ до факта, подлежащаго только памяти. Напротивъ того эта метода примѣнительна къ математикѣ, философіи и языку отечественному. Впрочемъ, въ отношеніи субъективномъ, гейристическая метода и въ преподаваніи отечественнаго языка требуетъ извѣстныхъ ограниченій: малыя дѣти, безъ запаса наглядnаго знанія и безъ умѣнья выражаться о чемъ либо опредѣленно, не могутъ съ перваго разу обучаться гейристически. По этому весьма ошибаются тѣ, которые употребляютъ такъ называемую *сократическую* методу въ первоначальномъ препо-

1) Diesterweg, Wegweiser für deutsche Lehrer, 2-е изд., I, 142.

даваніи 1); ученики Сократовы были опытные мужи и взрослые юноши, владѣвшіе языкомъ и многими знаніями.

Для желающихъ заняться Педагогикою указываю лучшія сочиненія:

Aug. Herm. Niemeyer, Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Schulmänner, 9-е изд., 3 части, 1834, 1835. Содержитъ въ себѣ теорію, руководство къ практикѣ и исторію воспитанія и обученія.

Fr. H. Chr. Schwarz, Erziehungslehre, 2-е улучшенное изд., 3 части, 1-я въ двухъ отдѣлахъ, 1829. Въ первой части исторія воспитанія, во второй система воспитанія (лучшая часть), въ третьей обученіе. Нимейеръ и Шварцъ въ свое время были свѣтилами въ области педагогической теоріи, и до сихъ поръ еще остаются наставниками и нынѣшнихъ педагоговъ. Оба они сначала были богословами, но прославились не столько Богословіемъ, сколько Педагогикою. Въ ясности и опредѣленности изложенія Шварцъ уступаетъ Нимейеру, богатствомъ же содержанія и психологическими наблюденіями выше его.

Fr. Ed. Beneke, Erziehungs-und Unterrichtslehre, 2-е улучшенное изд., 2 части, 1842. Въ первой о

---

1) Эта мысль Песталоцци; смотр. Krüsi, Erinnerungen aus meinem pädagogischen Leben und Wirken, въ Mager's Pädagogische Revue, Октябрь 1840.

воспитаніи, во второй объ обученіи. Все сочиненіе основано на психологическихъ началахъ, постоянно съ эмпирической точки зрѣнія. Послѣдовательностью и точностью, особенно въ системѣ обученія, Бенеке превосходитъ Шварца.

Herbart, Umrisse pädagogischer Vorlesungen, 2-е пополненное изд., въ одной части, 1841. Дѣлится на три отдѣла: основаніе Педагогики, очеркъ общей Педагогики, отдѣльныя отрасли Педагогики. Второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ управленіе дѣтьми, обученіе, воспитаніе и Педагогику по возрастамъ; въ третьемъ отдѣлѣ о предметахъ преподаванія, о недостаткахъ учениковъ, о домашнемъ воспитаніи и о школахъ. Хотя это сочиненіе, подобно другимъ Гербартовымъ, не отличается стройнымъ органическимъ построеніемъ; однако при удивительной краткости и опредѣленности содержитъ въ себѣ множество мѣткихъ и рѣшительныхъ педагогическихъ началъ.

J. H. Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, 1837. Хотя уступаетъ предыдущимъ въ самостоятельности; однако, какъ спеціальное для Гимназій сочиненіе, смѣло можетъ быть рекомендовано учителямъ Гимназіи, по умѣренности здравыхъ началъ и ясному изложенію. Дѣлится на три части: въ первой о назначеніи Гимназіи, во второй о предметахъ гимназическаго преподаванія, въ третьей о методѣ его; въ заключеніи представленъ краткій очеркъ

гимназическаго преподаванія, какъ органическаго цѣлаго.

Fr. Cramer, Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Alterthume, 2 части, 1832 — 1838. Въ первой части практическое воспитаніе, начиная отъ Китайцевъ, Индѣйцевъ, Евреевъ до Христіянской эпохи. Во второй — теоретическое воспитаніе, также отъ самыхъ древнихъ временъ до Лукіана. Единственное для исторіи древней Педагогики сочиненіе; содержитъ въ себѣ множество фактовъ по всѣмъ отраслямъ преподаванія и воспитанія въ древнемъ мірѣ. Обладая филологическою критикою, авторъ искусно умѣлъ вложить педагогику въ общую историческую картину развитія человѣчества, и такимъ образомъ представитъ исторію воспитанія и обученія въ связи съ исторіею образованности вообще.

K. v. Raumer, Geschichte der Pädagogik vom Wiederaufblühen klassischer Studien bis auf unsere Zeit, 1843. До сихъ поръ 2 части: въ первой отъ Данта до Монтаня, во второй отъ Бакона до смерти Песталоцци; въ третьей будетъ заключеніе Исторіи и характеристика современной Педагогики. Это сочиненіе лицомъ къ лицу знакомитъ съ педагогами среднихъ и новыхъ временъ. Авторъ положилъ себѣ за правило, общее историческое развитіе Педагогики, въ совокупности съ исторіею цивилизаціи, подчинить отдѣльнымъ біографіямъ знаменитыхъ наставниковъ, мнѣнія которыхъ, подробно изложенныя, съ одной стороны являются историче-

скою характеристикою, а съ другой служатъ матеріаломъ для педагогическихъ соображеній.

F. Diesterweg, Wegweiser für deutsche Lehrer, 2-е изд., 2 части, 1838; готовится 3-е изд. Въ первомъ отдѣлѣ общія начала, во второмъ разсужденія объ отдѣльныхъ предметахъ обученія, отъ религіи до пѣнья и рисованья, отъ азбуки до обученія слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ. При такомъ разнообразіи Дистервегъ не могъ самъ основательно и сознательно говорить обо всемъ: потому большая часть этихъ разсужденій писаны людьми, спеціально занимающимися тѣмъ предметомъ, о которомъ писали. Это сочиненіе должно быть настольною книгою всякому учителю, ибо вмѣстѣ съ здравыми началами предлагаетъ самую полную литературу сочиненій по всѣмъ частямъ Педагогики.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

Окончательное рѣшеніе вопроса о преподаваніи отечественнаго языка единственно тогда воспослѣдуетъ, когда, уразумѣвъ другъ друга, примиряпся двѣ враждующія партіи педагоговъ и полюбовно согласятъ свои требованія. Партія древнеклассическая отвергаетъ всякое систематическое обученіе отечественному языку, примыкая его къ латинскому; напротивъ того, реальная, во все отстраняя классическую литературу, слишкомъ разширяетъ объемъ преподаванія отечественнаго языка. На сторонѣ классиковъ или гуманистовъ вѣковой авторитетъ и блистательная обработка древней словесности;

на сторонѣ реалистовъ жизнь дѣйствительная и сама природа съ своими требованіями. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ партіи неправы въ крайностяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и основательны обѣ въ своихъ началахъ. Первая глубоко коренится на историческомъ развитіи европейскихъ школъ, вторая на разумномъ отношеніи современнаго быта къ школѣ. Держась одного преданія, безъ соображенія съ настоящимъ, партія гуманистовъ теряетъ историческую нить, связывающую былое съ теперешнимъ: увлекаясь современностью, реалисты забываютъ тотъ животворящій корень, на которомъ разумно движется настоящее. Столкновеніе и борьба противоположныхъ мнѣній, эта педагогическая діалектика весьма выгодна для науки, придавая ей движеніе и жизнь, и чрезвычайно многое обѣщаетъ въ будущемъ, будучи предтечею твердаго, разумнаго начала, на коемъ построится Педагогика. Противоположное только тогда сольется во едино, когда каждая изъ стихій, утративъ свой первоначальный видъ, какъ бы химически претворится въ другую, себѣ противную. Уже есть попытки такого полюбовнаго соединенія; только не льзя не замѣтить, что всѣ онѣ принадлежатъ людямъ либо той, либо другой партіи: а потому и самое соединеніе является не болѣе какъ безвременнымъ еще столкновеніемъ, въ которомъ, смотря по примирителю, то реализмъ, то гуманизмъ беретъ верхъ надъ своимъ противникомъ. И возможно ли еще теперь примиреніе, когда всякое общественное зло и гуманисты и реалисты взваливаютъ

320186

на плеча враждебной себѣ партіи. Нагель 1) всѣ упреки, возводимые гуманистами на реалистовъ, подводитъ къ пяти главнымъ пунктамъ: 1. въ реализмѣ выказывается матеріальное направленіе нашего вѣка; 2. въ реализмѣ вина безбожію и современной безнравственности; 3. въ реализмѣ возмутительныя начала для быта общественнаго; 4. реализмъ ведетъ къ духу касты, и 5. полагаетъ ложное начало для преподаванія.

И упреки эти и опроверженія ихъ заключаютъ въ себѣ весьма много дѣльнаго, но, вдаваясь въ крайности, и тѣ и другія, по односторонности своей, недостаточны. Такъ Тиршъ 2) возстаетъ на реалистовъ за матеріальное направленіе: одно изъ двухъ направленій, именно идеальное, защищаетъ преданіе, другое—отступается отъ него,- ищетъ одного положительнаго, и думаетъ тѣмъ наставлять современность и поколѣнія будущія: это направленіе называется матеріальнымъ, не потому, чтобы оно не признавало идей, но по своему господствующему характеру. Для направленія идеальнаго современная образованность есть сокровище, переданное словомъ и дѣломъ отъ вѣковъ протекшихъ, сокровище, потребленіе коего связано съ изученіемъ языка, судьбы и обстоятельствъ того времени, откуда пришло

---

1) Die Idee der Realschule, von Nagel, 1840.

2) Ueber den gegenwärtigen Zustand des öffentlichen Unterrichts, 1838, ч. I. стр. 6 и слѣд.

ono. Сюда относятся не только объ Классическія литературы, но и восточныя вмѣстѣ съ Св. Писаніемъ, и языкъ и литература нашихъ предковъ, и все, что исторически вошло въ жизнь нашу; сюда относится и Христіанство съ своими различными формами, и поэзія, и глубокое знаніе исторіи, и Философія. Вся наша народная старина съ своими повѣрьями, убѣжденіями и обычаями, на коихъ покоится общественный и политическій порядокъ современнаго быта, слѣд. все, что есть въ Религіи, въ высшемъ образованіи и въ самомъ Государствѣ, все это покоится на преданіи, и своими по цѣлымъ столѣтіямъ глубоко внѣдрившимися корнями извлекаетъ изъ него себѣ пищу и возрастаніе. Срубите дерево при корнѣ, отлучите настоящее отъ прошедшаго: что станется съ образованіемъ? — Противъ этаго идеальнаго направленія воздвигается другое, обращенное къ барышу, приращенію и потребленію мірскихъ благъ. Это матеріальное начало признаетъ сообразнымъ для себя единственно то, что ведетъ къ его цѣли, т. е. что умножаетъ кучу богатствъ, сопряженныхъ съ благополучіемъ и силою въ обществѣ. Для матеріалиста всякое дѣло ничтожно и глупо, если его нельзя сосчитать на деньги, или смѣрять аршиномъ. И на этомъ-то основаніи хотятъ положить все настоящее для сооруженія на немъ будущаго! Занятія восточными языками и древностями реалисты почитаютъ дѣломъ ненужнымъ, ибо все, чѣмъ полезенъ Востокъ для современности, давно уже приведено въ простое и вразумительное

ученіе Христіянское. Высшее образованіе въ поэзіи и философіи кажется имъ игрою и глупостью. Общеніе съ классическою древностью, по ихъ мнѣнію, выказываетъ незнаніе современныхъ потребностей и нуждъ, и влечетъ за собой порчу въ молодомъ поколѣніи, которое, переселясь такимъ образомъ въ міръ опасныхъ мечтаній, становится непотребно для современности. Имъ дорого единственно то, что насущная польза запечатлѣла клеймомъ своимъ,—желѣзныя дороги, пароходы, сахарныя фабрики и новыя изобрѣтенія по части Химіи, Физики, Механики.—Вотъ что говоритъ противъ этого Нагель за реалистовъ: хотя реализмъ исходитъ отъ сознанія, что одни гуманическія учебныя заведенія недостаточны для потребностей сословія промышленнаго, которому классическая древность излишня; однако не ограничивается однимъ временнымъ и насущнымъ, а стремится къ высшей цѣли. Не всѣ достигаютъ этой цѣли, равно какъ не всякій гимназистъ или студентъ Университета становится ученымъ. Матеріальное направленіе должно вести къ духовной цѣли. Первоначально изъ своего грубаго состоянія человѣкъ дошелъ до образованности постепенною дѣятельностію матеріальною, сооруженіемъ жилищъ, укрощеніемъ звѣрей, обработываніемъ земли, такъ что каждый значительный шагъ дѣятельности матеріальной былъ вмѣстѣ и шагомъ къ духовному развитію. Чѣмъ же именно нашъ вѣкъ сталъ выше древности, какъ не рядомъ изобрѣтеній, кои хотя были устремлены къ вещественву, однако заключаютъ въ себѣ цвѣтъ современ-

наго развитія духовнаго? Чѣмъ бѣдѣе природа, чѣмъ однообразнѣе и проще отношенія ея къ нашему духу, чѣмъ уже физическій горизонтъ нашего зрѣнія, тѣмъ ограниченнѣе и тѣснѣе кругъ умственной нашей дѣятельности. Съ возрастаніемъ сокровищъ, доставляемыхъ намъ природою, обогащается наша умственность и образуется духовная связь разума съ природою. Изощреніемъ нашихъ органовъ производимъ мы духовное вліяніе на природу. Сколько остается тайнаго для ума нашего, когда не достаетъ какого-либо органа! Всякое новое открытіе, коимъ покоряемъ мы природу, есть новый органъ, посредствомъ коего она приходитъ съ нами въ соотношеніе, есть усовершенствованіе собственнаго нашего простаго органа. Какъ зрительная трубка изощряетъ намъ зрѣніе и сближаетъ насъ съ предметами отдаленными, такъ и пароходъ, коимъ духъ человѣческій побѣдилъ бури и непогоды морскія, распространяетъ собственную нашу родину, сближая насъ съ странами самыми отдаленными. Земное назначеніе человѣка быть господиномъ природы. Какъ духъ первоначально возникаетъ изъ плоти, такъ и человѣкъ долженъ образоваться въ природѣ, для того, чтобы воспрянуть отъ нея и овладѣть ею. Вотъ для чего новая промышленная дѣятельность машинами старается замѣнить людей, для того, чтобы люди перестали быть машинами.

Яростно нападаетъ Гинперъ 1) на реалистовъ за безбожіе и безнравственность, говоря: матеріа-

1) Die Realschulen und der Materialismus, 1839.

листы спремятся только къ одному чувственному, корыстному и грѣшному, и не воображая, что ихъ начала въ основаніи своемъ враждебны Церкви. Въ своихъ школахъ, въ кругу самыхъ чувственныхъ и матеріальныхъ наукъ, при односторонности умственнаго образованія, съ гордостію знанія или даже всезнанія, назначаютъ они только два часа въ недѣлю для Закона Божія, возбуждая въ учащихся пытливый и мудрствующій духъ проблематическимъ изложеніемъ ученія Церкви. — Что же спасетъ дѣтей отъ невѣрія и безбожія? — Математика? Но Пиѳагорово ученіе не доказываетъ бытія Божія. — Физика и Химія? Въ нихъ не даютъ мѣста никакой думѣ: все проходится практически, примѣнительно къ жизни. Новые языки — Французскій и Англійскій? Избави Боже отъ такого противоядія! это тоже что у гомеопатовъ similia similibus. Вотъ образованіе реальной школы! Корысть породила ее, къ корысти же и спремится она. Трудъ и болѣзнь принесетъ она въ плодъ свой. Ибо кто не воздаетъ Божьяго Богу, тотъ не воздастъ и Кесарева Кесарю. — Защита Гегеля: дѣйствительно ли нашъ вѣкъ безнравственнѣе прочихъ? Достаточно вспомнить развратъ и безбожіе прошлаго столѣтія, чтобы убѣдиться въ нравственномъ превосходствѣ нашего. Направленіе жизни, нравственное или безнравственное, никакъ не можетъ зависѣть отъ того, чему болѣе учится дитя въ школѣ — латинскому языку или Математикѣ. — Изъ среды самихъ гуманистовъ возставали противъ безнравственности отъ обу-

ченія древнимъ языкамъ. Извѣстно, какую войну поднялъ Ейтъ (Eyth), учитель въ одной Вюртембергской школѣ, противъ языческой и антихристіянской стихіи въ изученіи древнихъ языковъ, будто бы приносящемъ безбожіе и порчу нашему вѣку. Многіе учители возстали тогда на Ейта, и доказали ему, что классическая древность никогда не повредитъ нравственности, и особенно въ низшихъ и среднихъ школахъ латинскихъ, гдѣ учители столько бываютъ заняты внѣшними формами языка, что имъ и не приходитъ въ голову разсуждать о содержаніи прочтеннаго съ дѣтьми классика. Гирцель, защитникъ гуманизма противъ Ейта въ своемъ сочиненіи — Die Classiker in den gelerten Schulen, 1838 — разсказывая, какъ его самаго въ юности занимали больше всего слова и обороты классиковъ, прибавляетъ: „по всему этому должны мы признаться, что Ейтъ не съ надлежащей точки зрѣнія смотритъ на низшія школы, возлагая на дѣтей, не достигшихъ даже пятнадцатилѣтняго возраста, такія требованія въ отношеніи ученомъ и нравственномъ, кои совершенно противорѣчатъ естественному развитію духа человѣческаго.“ Отсюда заключаетъ Нагель: какъ латинскій языкъ не возвыситъ и не унизитъ нравственности дѣтей, такъ и Математика съ Естественною Исторіею. Обвиненіе въ безнравственности преподаванія можетъ быть основано не на содержаніи онаго, а на способѣ и образѣ изложенія.

Далѣе, Тиршъ, а за нимъ и Гинперъ, укоряютъ реализмъ въ возмутительномъ началѣ для жизни общественной. Гинперъ рѣзко утверждаетъ, что реальныя школы возникли на развалинахъ Революціи, что самая Революція и началась и поддерживалась реалистами. Вмѣстѣ съ этимъ гуманисты упрекаютъ своихъ противниковъ въ антинаціональномъ направленіи, подъ вліяніемъ французской образованности. Такъ по этому случаю Шварцъ приводитъ извѣстное двустишіе Шиллера:

Ringe, Deutscher, nach römischer Kraft, nach griechischer Schönheit!
Beider gelang dir; doch nie glückte der gallische Sprung.

Весьма любопытно, что реалисты, защищаясь отъ сихъ упрековъ, съ своей стороны укоряютъ въ революціонномъ началѣ именно гуманистовъ, которые будто бы возбуждаютъ въ своихъ воспитанникахъ возмутительныя мечты изображеніемъ древней свободы.

Гуманисты говорятъ, что реализмъ влечетъ за собой касты раздѣленіемъ сословій на ученыхъ и неученыхъ. Это возраженіе дѣйствительно имѣетъ видъ правды: ибо дитя, которое могло бы со временемъ стать украшеніемъ науки, при самомъ началѣ своего ученія навсегда отстраняется отъ поприща, самой природою ему предназначеннаго. Впрочемъ исключенія войдутъ въ общее правило, и геній, при современномъ просвѣщеніи, всегда найдетъ свою дорогу. При томъ переходъ изъ одной школы въ другую никому не возбраняется. И въ этомъ пунктѣ реалисты хотятъ сложить съ себя обви-

неніе на гуманистовъ, утверждая, что сіи послѣдніе монополіею своего знанія, какъ египетскіе жрецы, скорѣе приведутъ общество къ раздробленію на касты.

Предлагаю начала реалистовъ о воспитаніи и преподаваніи. Замѣчательно, что пропивъ каждаго гуманисты выставляютъ свое, діаметрально противоположное 1).

А.

1. Воспитаніе предполагаетъ только одну внѣшнюю цѣль — образованіе человѣка для его будущаго назначенія въ жизни. Гуманисты напротивъ: воспитаніе имѣетъ свою собственную внутреннюю цѣль въ общемъ образованіи человѣка.

2. Цѣль преподаванія — сообщеніе полезныхъ свѣденій въ самомъ обширномъ объемѣ. По мнѣнію гуманистовъ — образованіе духа.

3. Учи дѣтей предметамъ, а не словамъ; начинай образованіемъ, нужнымъ для свѣта: для высшихъ идей ученикъ еще не созрѣлъ. Гуманисты: начинай идеями и словомъ, какъ выраженіемъ идей; образуй ученика для высшаго міра духовнаго: для здѣшней жизни научитъ его сама жизнь.

Б.

4. При необъятности человѣческихъ знаній самые дѣти должны уже заучивать сколько возможно

1) Mager, Die deutsche Bürgerschule, 230.

больше свѣденій. Гуманисты: множество предметовъ разсѣиваетъ и ведетъ къ поверхностному знанію: non multa sed multum.

5. Изъ множества предметовъ знанія выбирай полезнѣйшіе для жизни практической. Гуманисты: юношескій духъ полнѣе развивается предметами духовными, нежели вещественными.

6. Образованіе никакъ не можетъ быть ограничено одними языками классическими. Гуманисты: предметъ изученія долженъ имѣть классическую форму, а кромѣ древности нѣтъ ничего классическаго.

B.

7. Ученье для дѣтей должно быть игрою; по мнѣнію гуманистовъ — важнымъ занятіемъ.

8. Преподаваніе должно быть разнообразно: потому всѣ предметы проходятся въ одно время; по мнѣнію гуманистовъ — одинъ за другимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

9. Слѣдуй природѣ въ развитіи духовныхъ силъ и съ ранней поры возбуждай и упражняй въ дитяти всѣ высшія способности души, умъ, разсудокъ и т. д. Гуманисты: такъ какъ природа сначала даетъ человѣку память, и потомъ уже разсудокъ: потому сначала упражняй дѣтскую память, и тѣмъ укрѣпляй духъ: tantum scimus, quantum memoria tenemus.

Ученіе распалось на двѣ противоположныя части отъ разсѣченія круга (κυκλός, енциклопедія) на-

укъ на двѣ половины 1). Гуманизмъ произошелъ отъ того, что изъ круга образованности вырѣзали только одинъ секторъ, и отъ этаго сектора — именно наукъ нравственныхъ (историческихъ, антропологическихъ), взяли только сегментъ — классическіе языки и литературы. Первая степень гуманизма — гуманизмъ, основанный на преданіи: онъ ничего не хочетъ знать, кромѣ языковъ древнихъ, отвергая все остальное. Противники Песталоцци возвели его на степень раціональнаго гуманизма, который основывается на образованіи формальномъ, обращая все вниманіе на обученіе мыслить. Оба эти направленія, образуя учащихся эстетически и нравственно, и не упуская изъ виду практическаго примѣненія къ школѣ, въ отношеніи педагогическомъ стоятъ выше новѣйшаго гуманизма, требующаго строгой науки и основательности отъ школьнаго образованія. Эти „основательные“ филологи (точно также, какъ и непедагогическіе учители Математики, Физики, Химіи, Естественной Исторіи, Географіи и т. д.) суть истинная зараза многихъ теперешнихъ нѣмецкихъ школъ: ибо они изъ школы дѣлаютъ академическую или университетскую аудиторію; преподаваніе ихъ, будучи только чисто ученымъ, не имѣетъ въ себѣ ничего всесторонне образующаго, ничего воспитывающаго. — Впрочемъ все-таки гуманизмъ стоитъ выше своего противника. Какъ гуманистовъ можно назвать педагогическими ересиками, однако оста-

1) Mager, Die modernen Humanitätsstudien, 1843, стр. 2-я.

ющимися внутри святилища науки, такъ реалисты суть невѣрующіе, педагогическіе идолопоклонники, стоящіе внѣ. Реализмъ (первоначально извѣстный подъ именемъ филантропинизма) произошелъ въ слѣдствіе противодѣйствія всеобщему обученію полатини. Къ гуманизму относится онъ точно также, какъ, въ области Философіи, философскій матеріализмъ къ спиритуализму, или, въ практическомъ быту, какъ либертинизмъ къ піетизму. Хотя реалисты зашумѣли очень важно: „намъ надобно не слово, а дѣло;“ однако къ этому дѣлу тотчасъ, какъ плевелъ, приросло, и бездѣлье. Еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія многіе нѣмецкіе педагоги совѣтывали въ школахъ читать политическія, ученыя и литературныя газеты, и заставляли учениковъ дѣлать изъ нихъ извлеченія 1)! Изъ круга образованія реализмъ беретъ себѣ, въ секторѣ естественныхъ наукъ, Математику, прибавляя къ ней два новыхъ языка и немножко Исторіи. На низшей степени его учащійся образуется ремесленникомъ: будущій красильщикъ учится нѣсколько Химіи, механикъ — Механикѣ, купецъ — счету и Бухгалтеріи, и т. д. Такимъ образомъ упускается главнѣйшее практическое образованіе, именно образованіе характера: молодые люди не учатся ни чувствовать человѣчески, ни думать, ни

1) Kösters, Prorektors zu Weilburg, Gedanken von den niedern und hohen Schulen, 1765. Слич. Steubers Ueber Gymnasial-Bildung, 1817. стр. 87.

говоритъ. — Высшій реализмъ смотритъ далѣе: онъ съ претензіями на государственную службу и на общественное модное образованіе. И здѣсь основаніемъ также физико-математическое знаніе; однако, такъ какъ порядочно образованному человѣку надобно знать литературу, потому нужно учить новымъ языкамъ и заставлять читать греческихъ и латинскихъ писателей въ переводѣ, для того чтобы умѣть что нибудь сказать о нихъ; нужна также и Исторія для будущаго чиновника. Наконецъ реализмъ доходитъ до ученой степени во французской Политехнической школѣ.

Часто говорятъ, вмѣстѣ съ Гердеромъ и Песталоцци, что умственныя способности можно образовать на какомъ хочешь предметѣ 1). Но такое мнѣніе совершенно несправедливо: это все равно, что сказали бы, будто всякое общество образуетъ юношу, не только сообщество съ людьми необразованными, но даже съ лошадьми и собаками. Нѣтъ, духъ образуется только посредствомъ духовнаго; впрочемъ этимъ не отвергается и приро-

---

1) „Если ножъ наточенъ, говоритъ Гердеръ, то имъ можно рѣзать что угодно. Точно тоже и съ остротою и образованіемъ ума. Изощряй и образуй его на чемъ хочешь; довольно того, чтобы онъ былъ изощренъ и образованъ.“ Сравненіе не доказательство, и Магеръ очень искусно этому Гердерову сравненію противополагаетъ свое собственное равносильное: алмазъ шлифуется только алмазной пылью.

да физическая, какъ предметъ образующій, если будемъ понимать подъ ней не безсвязную груду фактовъ, а органическое, всецѣлое созданіе Божіе, проникнутое тѣмъ же творческимъ духомъ, какъ и нравственный міръ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что изученіе языковъ и литературы всего короче и дружнѣе сближаетъ учащихся съ міромъ духовнымъ, нечувствительно возводя ихъ отъ конкретнаго къ отвлеченному и открывая имъ необозримое поле для дѣятельности всѣхъ нравственныхъ силъ ихъ. Это общее положеніе гуманисты пріурочиваютъ въ пользу языковъ древнихъ; реалисты же (напр. Магеръ, хотя и считаетъ себя примирителемъ) расширяютъ его и на языки новые: послѣднее весьма полезно въ Германіи, гдѣ, при недостаткѣ энциклопедическаго образованія, филологическая ученость такъ сильна и незыблема, что не страшится никакихъ нападокъ. Напротивъ того у насъ, при общемъ недостаткѣ спеціальныхъ знаній, такое начало какъ разъ перейдетъ въ беллетристику, которую такъ рѣзко, но чрезвычайно справедливо, осудилъ Кантъ 1): „Беллетристъ или bel esprit есть гуманистъ, по современнымъ писателямъ на живыхъ языкахъ. Слѣдовательно онъ вовсе не ученый—ибо только мертвые языки почитаются языками учеными—но просто модный ди-

1) Введеніе въ Логику, смотр. Jm. Kant, Sämmtliche Werke, изд. Розенкранца и Шуберта, 1838, часть 3, стр. 213.

лепшанпъ изящнаго, не заботящійся о древнихъ классикахъ. Его можно назвать *обезьяною* гуманиста." Такъ какъ Гимназія даетъ основанія такимъ ученикамъ, которые современемъ имѣютъ быть людьми *учеными*, а не просто образованными: потому и беллетристика въ ней должна совершенно подчинишься ученью классическому.

Руское образованіе еще такъ недалеко ушло на поприщѣ древнеклассической Филологіи, что наши реалисты не имѣютъ ни малѣйшаго права поднимать противъ оной своего голоса. Намъ еще надо дѣлать, а не спорить: и когда гуманическое образованіе принесетъ у насъ свои плоды, тогда не будутъ намъ съ наивностью говорить, что не нужно учиться латинскому языку, потому что нѣтъ такой страны, гдѣ бы говорили теперь полатини. Въ Гимназіи всѣ предметы равно идти не могутъ. Идеально—совершенная Энциклопедія есть воздушный замокъ 1). Математика и языки древніе образуютъ два самостоятельныхъ, противоположныхъ отдѣла: но они мирятся въ первоначальномъ обученіи. Если поставимъ Исторію и Рускій языкъ въ независимости отъ древней Филологіи: реализмъ и

---

1) Гесснеръ даетъ Энциклопедіи высокое значеніе: *κυκλός* est circulus, quae figura est simplicissima et perfectissima simul; nam incipi potest ubique in illa, et ubique cohaeret. *Cyclopaedia* itaque significat, omnem doctrinarum scientiam inter se cohaerere. *Encyclopaedia* est institutio in illo circulo. Смотр. Isagoge I, 40.

беллетристика обуяютъ Гимназію. Еще не пришла пора учителямъ рускаго языка думать, что ихъ предметъ есть сосредоточіе гимназическаго курса. Наша Грамматика и въ половину не дошла до той степени совершенства, на какой стоятъ нѣмецкая и французская; исторіи рускаго языка вовсе еще нѣтъ; попытки сравнительнаго изученія рускаго языка съ родственными и соплеменными еще не доросли до науки; Литература наша, столь богатая для языка и слога, весьма однообразна и скудна родами и видами поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій; Стилистики нѣтъ; Реторика и Піитика ожидаютъ дѣлателей.

Весьма дѣльно и основательно можно примѣнить къ преподаванію многое, что говорятъ гуманисты объ отечественномъ языкѣ, не въ ущербъ его успѣхамъ въ школѣ. Ихъ метода гораздо прочнѣе, потому что держится на преданіи, чуждая опасныхъ нововведеній, строгая нравственностью, скромная и незаносчивая. Предлагаю въ параллели главнѣйшія статьи реалистовъ и гуманистовъ касательно обученія отечественному языку.

1. Реалисты: въ преподаваніи отечественный языкъ преимуществуетъ передъ древними; ибо на немъ дѣти естественнѣе и легче узнаютъ строеніе языка вообще. Гуманисты: отечественный языкъ не можетъ дать дѣтямъ яснаго понятія о грамматическихъ формахъ; ибо онъ такъ тѣсно совпадаетъ съ личностью дитяти, что его никакъ не

льзя представить отдѣльнымъ отъ сознанія предметомъ; языкъ же иностранный, и преимущественно древній, какъ чуждый сознанію съ перваго разу, имѣетъ всѣ выгоды объективности преподаваемаго предмета.

2. Рр: начинать граммат ическое обученіе отечественнымъ языкомъ. Гг: латинскимъ языкомъ.

3. Рр: вмѣстѣ съ формами языка дѣти должны обогатишься обильнымъ запасомъ нагляднаго энциклопедическаго ученія. Гг: энциклопедія ведетъ къ поверхностному знанію и чужда Граммат икѣ; учи только языку.

4. Рр: развивай судительную силу дѣтей умственными упражненіями. Гг: не пріучай дѣтей умствовать попустому, изощряй ихъ память ученіемъ наизусть грамматическихъ формъ и классическаго писателя.

5. Рр: читай съ дѣтьми какъ можно больше различныхъ писателей отечественныхъ, и со всѣхъ сторонъ развивай душевныя способности учащихся. Гг: ограничься весьма немногими, но самыми лучшими писателями.

6. Рр: читай писателей большою частью современныхъ, въ угоду настоящимъ потребностямъ времени. Гг: истинно хорошее никогда не старѣетъ: читай лучше образцовое, даромъ что оно старинное.

7. Рр: чтеніе должно забавлять дѣтей; скука не принесетъ плода. Гг: школа не для забавы; учи-

дѣтей побѣждать и скуку; этимъ возбудишь въ нихъ нравственное чувство долга и обязанности.

8. Рр. отечественный классикъ долженъ читаться въ школѣ съ комментаріями точно такъ, какъ и латинскіе или греческіе. Гг: всѣ комментаріи на новыхъ писателей пошлы и смѣшны; убиваютъ въ дѣтяхъ живую воспріимчивость къ прочтенному; влекутъ къ педантству, а не къ истинному сочувствію съ писателемъ. Отечественнаго, близкаго къ намъ писателя, въ школѣ не изучаютъ.

9. Рр: знакомь дѣтей со всѣмъ, что есть прекраснаго въ литературѣ. Гг: раннимъ эстетическимъ наслажденіемъ не притупляй дѣтскаго чувства. Преждевременное удовольствіе неминуемо влечетъ за собой охлажденіе и разслабленіе.

10. Рр: лелѣя свободную воспріимчивость дѣтей при чтеніи писателя, не принуждай ихъ заучивать наизусть прекрасныя произведенія: иначе они наскучатъ имъ, потерявъ интересъ новости. Гг: у дѣтей память помогаетъ разсудку и укрѣпляетъ его. Чѣмъ болѣе учатъ они наизусть, тѣмъ яснѣе понимаютъ заученное: слѣдуя природѣ, не испортишь ничего.

11. Рр. образуй въ учащихся самостоятельный слогъ чтеніемъ отечественныхъ писателей и разнообразными письменными упражненіями на родномъ языкѣ. Гг: лучшіе писатели научились слогу у древнихъ классиковъ, а создали его своими мыслями. Всѣ

предметы гимназическаго курса совокупною силою образуютъ въ учащемся слогъ.

12. Рр: сочиненія на отечественномъ языкѣ лучше развиваютъ способности учениковъ. Пиша по-латини, они думаютъ только о грамматическихъ формахъ: на родномъ языкѣ свободнѣе выливаются мысли. Гг: прочнѣе крѣпнетъ Грамматика, правильнѣе ложатся предложенія въ латинскихъ упражненіяхъ. Сочиненія на своемъ языкѣ — даръ Божій, на латинскомъ — плодъ науки. Вредно питать въ ученикахъ духъ авторства, заставляя ихъ самостоятельно сочинять. Безвременное авторство ведетъ къ болтовнѣ и посредственности.

13. Рр: излагая Реторику и Піитику, представь характеристику произведеній не только древнеклассическихъ литературъ, но и новыхъ. Гг: отъ учителя не льзя требовать, чтобы онъ зналъ всѣ новыя литературы: греческую и латинскую онъ долженъ знать. Тóлки же обо всемъ понемножку влекутъ къ вредной посредственности. Учитель весьма легко можетъ опошлиться, если будетъ судить съ учениками о такомъ писателѣ, котораго не читалъ въ подлинникѣ, а знаетъ понаслышкѣ.

14. Рр: стройно и соразмѣрно проходи съ учениками и философскую и историческую часть словесности. Гг: давай преимущество знанію историческому, положительному, и въ Граммативѣ и въ Литературѣ.

ГРАММАТИКА.

1. Умственныя упражненія и энциклопедическое ученіе.

Неопредѣленное понятіе о предметѣ преподаванія дало поводъ учителямъ рускаго языка восполнять пустоту своихъ уроковъ различными манерами. Когда пошли въ ходъ умственныя упражненія, учители отечественнаго языка первые хватились за нихъ. Но развѣ умственное развитіе дѣтей исключительно лежитъ на отвѣтственности учителя словесности? А учители Математики, Исторіи неужели не предлагаютъ въ своихъ урокахъ половину того, чѣмъ набиты книги объ умственныхъ упражненіяхъ? Языкъ есть выраженіе мысли; слѣдов. надобно постигнуть законы мысли, чтобы уразумѣть языкъ: а въ умственныхъ упражненіяхъ анализируется строеніе мысли, слѣдов. они предшествуютъ Граммашикѣ и сопровождаютъ ее. Таково оправданіе учителей Граммашики, преподающихъ умственныя упражненія; но къ нему присоединяются два пошатенные повода: личность учителя — по большой части философа, и завлекашельность энциклопедическаго характера умственныхъ упражненій. Слѣдуетъ рѣшить: 1) необходимоли предпосылать логическую пропедевтику изученію грамматики; 2) полезно ли упражнять дѣтей опредѣленіемъ логическихъ категорій; и 3) совмѣстна ли съ преподаваніемъ отечественнаго языка энциклопедія нагляднаго ученія и умственныхъ упражненій?

1. Если языкъ есть выраженіе мысли, то почему же не начинать съ дѣтьми прямо отъ языка, и потомъ уже переходить къ мысли? Ибо, изучая языкъ, они изучаютъ и то, что имъ выражается, т. е. мысль. Для дѣтей логическія категоріи являются гораздо понятнѣе въ языкѣ, въ Граммашикѣ, чѣмъ въ отвлеченныхъ умствованіяхъ. Учитель долженъ въ самой Граммашикѣ, въ чтеніи басни, въ разборѣ предложенія — учить дѣтей мышленію: тогда онъ сохранитъ самостоятельность своего преподаванія. „Развернемъ какую угодно хорошую Граммашику: на всякой страницѣ видимъ категоріи и общія отношенія понятій. Бытіе и дѣйствіе; существенное и случайное; предметъ и свойство; единство и множество; воззрѣнія времени и мѣста; отношенія; содержаніе и форма; внутреннее и внѣшнее; средство и цѣль; причина и дѣйствіе; основаніе и слѣдствіе; возможность, дѣйствительность и необходимость; опредѣленность и неопредѣленность; субъективность и объективность; общность, частность и особенность; всѣ формы сужденій и умозаключеній и множество иныхъ категорій — не выражаются ли въ Граммашикѣ формами языка, не объясняются ли во всѣхъ видахъ и отношеніяхъ, не подлежатъ ли умственному упражненію, и не оживаютъ ли предъ душою? Поелику симъ упражненіямъ лежитъ въ основаніи чувственное вещество — языкъ, потому они и удобовразумительны ученику. Хотя сначала онъ придерживается формамъ, измѣненію и связи словъ и предложеній, но чѣмъ далѣе

идетъ онъ въ граммашической наукѣ, шѣмъ болѣе видишъ въ/ошношеніяхъ словъ ошношенія поняшій. Изъ легкаго учишся онъ шруднѣйшему. Пошому граммашическія упражненія по своему содержанію сушь самыя лучшія и живишельныя логическія упражненія; и пошому въ Гимназіяхъ учашъ языкамъ шолько часшію для языковъ и Лишерашуры, а большею часшію для швердой и живой логики, копорая возрасшаешъ, и долговременно и многоразлично упражняешся въ ученикахъ посредсшвомъ граммашическаго обученія языку, до шѣхъ поръ, пока не спанешъ неошъемлемой собсшвенносшію юношескаго духа“ 1). Если въ изученіи языка умъ дѣшей упражняешся и живѣе, и есшесшвенніе, и легче, нежели въ Логикѣ, шо для чего же занимашь ихъ умсшвенными упражненіями? Но скажушъ: нельзя же девяшилѣшнему ребенку прямо располковашь, чшо шакое имя, чшо шакое глаголъ, когда онъ не имѣешъ поняшія ни о предмешѣ, ни о дѣяшельносши. И дѣйсшвишельно, ему еще рано знашь и глаголъ, и имя, а слѣд. и чшо шакое предмешъ, чшо шакое дѣяшельносшь. Все дѣло вершишся на вопросѣ: чшо дѣлашь съ дѣшьми прежде, нежели начнушъ они Граммашику? Чѣмъ приготовишь ихъ къ Граммашикѣ? Дѣши и приготовляюшся къ Граммашикѣ, и начинаюшъ, и продолжаюшъ, и оканчиваюшъ ее чшеніемъ и письмомъ. Глава изъ Священной Испоріи или одна басня Кры-

1) Der Gymnasialunterricht von Deinhardt. 1837. стр. 58 и 59.

лова и ученику и учителю предложатъ матеріала для умственнаго упражненія гораздо болѣе цѣлой книги нагляднаго ученія или тому подобнаго. Слѣд. не Логика предшествуетъ обученію Граммашики, а наоборотъ Граммашика пріуготовляетъ дѣтей къ Логикѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Гегель: „Трудно оцѣнить достаточно всю важность ученія Граммашики, ибо ею начинается логическое образованіе. Содержаніемъ Граммашики — категоріи, собственныя произведенія и опредѣленія ума; слѣд. въ ней умъ начинаетъ изучать самъ себя. Эти духовные предметы, съ коими она первая насъ знакомитъ, въ высшей степени удобопоняшны для юношества, и нѣтъ ничего духовнаго удобопоняшнѣе: еще ограниченныя силы сего возраста не могутъ обнять всего духовнаго царства въ его многоразличіи; отвлеченности же граммашическія совершенно просты. Онѣ точно отдѣльныя буквы, и притомъ гласныя духовнаго бытія; ими начинаемъ мы складывать и учиться читать оное. Граммашика предлагаетъ сіи отвлеченности по силамъ юнаго возраста, отличая оныя внѣшними признаками, содержащимися въ самомъ языкѣ. Кто можетъ отличить красный цвѣтъ отъ голубаго, еще безъ всякаго опредѣленія цвѣтовъ по Ньютоновой гипотезѣ или по какой иной теоріи, тотъ имѣетъ уже нѣкоторыя свѣденія, и даже великой важности уже и то, чтобы обратить вниманіе на сіе отличіе. Ибо, если умственныя опредѣленія присутствуютъ въ насъ, какъ въ существахъ мыслящихъ, и мы понима-

емъ ихъ непосредственно: то первоначальное образованіе состоитъ въ томъ, чтобы ихъ *имѣть*, т. е. возвести ихъ въ предметъ сознанія и отличить признаками. Такъ какъ грамматической терминологіею обращаемся мы въ области отвлеченія, и такъ какъ сіе ученіе можетъ почесться элементарною Философіею: то Грамматика, и латинская и нѣмецкая, должна быть разсматриваема не только какъ средство, но и какъ цѣль."

2. Изъ предыдущаго легко уже отвѣтить и на второй нами предложенный вопросъ. Опредѣлять всякій предметъ логически, давать всему строгую систему — дѣло лишнее для дѣтей: на первый разъ довольно и того, если они съумѣютъ отличить предметъ по внѣшнимъ признакамъ, въ самомъ языкѣ содержащимся. Всякая философская теорія въ головѣ учителя есть не иное что, какъ личное убѣжденіе, иногда даже вредное для науки: ученикамъ нужно знать самый предметъ, а не умствованія учителя. Скажу болѣе: забивать голову учениковъ первыхъ трехъ классовъ Гимназіи логическими отвлеченностями и философскими опредѣленіями не только безполезно, но и чрезвычайно вредно. Не въ томъ сила, чтобы дѣти знали, что такое понятіе, что сужденіе, а въ томъ, чтобы умѣли понимать и судить. Лѣкарь не объясняетъ больному, что есть пищевареніе и изъ чего состоитъ прописанный рецептъ, а просто даетъ ему лѣкарство. А философы-учители отечественнаго языка только опредѣляютъ и толкуютъ, а не даютъ духовной пищи сво-

имъ ученикамъ. Дѣтямъ надобно сначала больше матеріала для ихъ памяти, больше осязательнаго. Разумѣніе не можетъ быть непосредственною цѣлью: оно есть естественное слѣдствіе развитія духовныхъ способностей учащагося. Только тогда начинаетъ разсудокъ соединять однородное и раздѣлять различное, когда память обогатится достаточнымъ запасомъ 1). Неужели можетъ похвалиться философомъ тотъ учитель, которой вздумаетъ преждевременно выжимать изъ дѣтской головы понятія, опредѣленія и другія отвлеченности, забывая, что все отвлеченное есть плодъ глубокаго соображенія и опытности? Садовники не вытягиваютъ растеній изъ земли, а только поливаютъ ихъ, да выпрямляютъ тычинками. Но возразятъ: опытъ показываетъ, что десяти-и одинадцатилѣтнія дѣти очень легко могутъ вращаться въ логическихъ отвлеченностяхъ. Дѣйствительно, силы юнаго возраста неистощимы; но сколько бывало примѣровъ, что мальчики виртуозы, выростая, получали неодолимое отвращеніе къ тому инструменту, за которымъ преждевременно погубили ихъ музыкальный талантъ? Въ старину и женили десятилѣтнихъ дѣтей. Философствующіе учители отечественнаго языка, думая слыть философами, именно тѣмъ и предаютъ себя, что философствуютъ тамъ, гдѣ и не мѣсто и не

---

1) Günther, Ueber den deutschen Unterricht auf Gymnasien, 1841, стр. 23 и 24.

время философствовать. Тѣ же самыя отвлеченности, надъ коими безвременно и безъ толку дитя ломаетъ голову, въ одно мгновеніе поймешъ въ свое время, какъ подрастешъ: зачѣмъ же насиловать природу, и не слѣдовать ея законамъ? И почему же развивать въ дѣтяхъ только одинъ умъ, оставляя въ сторонѣ и чувство, и нравственность, и даръ слова? А вѣдь умственными упражненіями, кромѣ разсудка, ничего не упражнишь. Не полнѣе ли удовлетворитъ всѣмъ способностямъ дитяти чтеніе автора, соразмѣрнаго его силамъ? Тогда учитель ограничитъ самостоятельно свою науку, и не будетъ бросаться изъ нея во всѣ стороны, выказывая тѣмъ ея безсиліе и несостоятельность. Не чего бояться, что до десяти или двѣнадцати лѣтъ дѣти не съумѣютъ опредѣлить, что есть понятіе, признакъ, сужденіе, что есть причина, условіе и т. д. Впереди остается еще много времени для образованія ума. Напротивъ того, надобно бояться, чтобы раннимъ философствованіемъ не забить голову дѣтей пошлыми общими мѣстами, которыя надолго останутся для нихъ тягостными веригами. Система не даетъ матеріала, а при матеріалѣ будетъ и система: дитя на память учитъ существенное въ наукѣ, и тѣмъ упражняетъ уже свой разумъ. Всякое матеріальное ученіе есть вмѣстѣ и формальное, т. е., развивающее умственныя силы; другими словами: во всякомъ предметѣ ученія есть логика, а тѣмъ болѣе въ Граммашикѣ, какъ показано выше.

3. Впрочемъ, кромѣ формальнаго образованія, метода умственныхъ упражненій и нагляднаго ученія даетъ и матеріалъ ученію, заключая въ себѣ энциклопедію многоразличныхъ свѣденій, начиная отъ Богословія и Философіи до Механики, Технологіи и Ремеслъ. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ очень много занимательнаго и наставительнаго для дѣтей: но для чего же браться за все это учителю отечественнаго языка? Законоучитель, учитель Математики, Исторіи, имѣютъ такое же право толковать о нравственности, статистикѣ, о землѣ и небѣ, о звѣздахъ. Но преподаватели отечественнаго языка пріурочиваютъ себѣ эту энциклопедію на томъ основаніи, что языкъ есть всеобщее выраженіе всякой дѣятельности человѣка. Въ такомъ случаѣ это основаніе можно повернуть и въ другую сторону: такъ какъ и учители Катихизиса, Математики, Исторіи, учатъ дѣтей и языку, ибо учатъ ихъ на немъ выражать свои мысли: то или вовсе не нужно учителя отечественнаго языка, или же онъ долженъ занимать дѣтей чѣмъ либо исключительно принадлежащимъ его наукѣ. Иные педагоги 1) этой энциклопедіи даютъ болѣе систематическій характеръ, построивая ее на развитіи умственной, нравственной и художественной дѣятельности. Упражненіе каждой дѣятельности заключается въ отдѣльныхъ статьяхъ, снабженныхъ изре-

---

1) Напр. Цоллеръ въ своемъ сочиненіи: Das erste Schul-und Bildungsbuch. 1840.

ченіями и примѣрами. Къ чему же такое насильственное разграниченіе способностей? Въ человѣкѣ развиваются и дѣйствуютъ всѣ способности души заодно. Только слѣпыхъ, горбатыхъ, да калекъ пользуютъ цѣмъ, что́ лечитъ ихъ отдѣльный, мѣстный недостатокъ: здоровому же даютъ пищу для питанія всего тѣла.—Другіе педагоги въ такой начальной энциклопедійкѣ ограничиваются только кругомъ наукъ, извлекаютъ общее понятіе науки изъ отношенія человѣка къ міру духовному и вещественному, отсюда выводятъ дѣленіе наукъ съ опредѣленіемъ каждой, отъ Эстетики до Анатоміи. Спрашивается же, въ которомъ классѣ Гимназіи преподавать такую энциклопедію? И какой учитель Гимназіи возьметъ на себя смѣлость добросовѣстно и съ сознаніемъ дать понятіе обо всѣхъ наукахъ? Говоритъ же о всемъ какъ нибудь и что нибудь могутъ только одни шарлатаны. Но систематикамъ непремѣнно хочется, чтобы дѣти, прежде чѣмъ начнутъ Грамматику, знали, какое мѣсто занимаетъ сія наука въ кругу знаній человѣческихъ. Почему же не поступаютъ такъ учители Математики, Катихизиса, Исторіи? А именно потому, что они довольны богатымъ содержаніемъ своихъ наукъ. Дѣйствительно, надобно было замѣнить чѣмъ нибудь старинную методу Грамматики: не ужели же цѣмъ, чтобы пуститься на фокусы наглядnаго энциклопедическаго ученія?—Отбросимъ всѣ крайности энциклопедическаго ученія, множество всего непонятнаго для дѣтей, и возьмемъ самую скромную, по силамъ юнаго возраста написан-

ную книгу въ этомъ родѣ. Если бы она была замѣчательна своимъ слогомъ, остроуміемъ, глубокомыслiемъ, словомъ, если бы она по достоинству была не ниже Естественной Исторіи Бюффона или Басенъ Крылова: то учитель языка могъ бы взять ее въ руководство при чтеніи и грамматическомъ разборѣ. Но гдѣ подобныя книги? Укажите хоть одну. Сочинители дѣтскихъ книгъ пишутъ какъ ни-попало, чтобы только было наивно, просто, да понятно для дѣтей. Но этого мало. Въ школѣ дѣти должны читать и заучивать только то, что имѣло бы для нихъ цѣну и тогда, когда они вырастутъ 1). Басни Крылова учатъ наизусть малыя дѣти, ими же зачитываются и взрослые. Пушкинъ съ удовольствiемъ читалъ Русскую Исторію, написанную Ишимовой для дѣтей. Слѣд. книги для первоначальнаго чтенія ошибочны именно въ томъ, что будучи соразмѣрны силамъ дѣтскаго возраста, слѣдов. удовлетворяя субъективной, временной потребности учащихся, не имѣютъ никакой внутренней, матеріальной цѣнности. Пусть же учитель отечественнаго языка дастъ въ руки своимъ юнымъ питомцамъ такую книгу, чтеніе которой оставитъ

---

1) „Для меня книги тоже, что люди, говоритъ Магеръ въ предисловіи къ своей Французской Хрестоматіи, 1842: лучше никогда не видать того человѣка, котораго не захочешь увидѣть въ другой разъ; лучше никогда не читать такой книги, которую не вздумаешь еще разъ перечесть.

въ ихъ душѣ слѣды на всю жизнь. Мысли классическаго писателя плодотворнымъ сѣменемъ лягутъ въ нѣжной душѣ ихъ, сначала еще не развитыя. Конечно дѣти не все поймутъ въ этихъ мысляхъ, ибо и взрослые различно понимаютъ писателя — одни болѣе, другіе менѣе: но довольно уже и того, что они узнаютъ ихъ хотя съ одной внѣшней стороны, запечатлѣвъ ихъ своимъ дѣтскимъ сознаніемъ. Младенецъ еще не понимаетъ высокаго значенія молитвы, но мать уже учитъ его священному обряду, и онъ молится усердно. Дитя не сознаетъ высокой нравственности самоотверженія, но, по примѣру старшихъ, охотно подаетъ милостыню, и радуется, что утѣшилъ тѣмъ убогаго. Пройдутъ годы — и вмѣстѣ съ возрастаніемъ дѣтей, возрастутъ и окрѣпнутъ въ нихъ и тѣ истины, которыя вычитали они нѣкогда въ любимомъ писателѣ, и, проведенныя черезъ многіе случаи жизни ихъ, оправдаются и уяснятся опытностію. Греки учили малолѣтныхъ по Гомеру; наши предки послѣ азбуки тотчасъ заставляли дѣтей читать Псалтирь. Итакъ пусть дитя узнаетъ и пойметъ великія нравственныя мысли, хотя и не во всемъ ихъ глубокомъ объемѣ: оно учитъ ихъ не для одного мгновенія, а на цѣлую жизнь, въ продолженіи коей онѣ разовьются опытомъ и дѣлами 1).

---

1) Читатель припомнитъ слова Гегеля: „тоже самое нравственное изреченіе въ устахъ юноши, который *весьма правильно понимаетъ оное*, не имѣетъ того объ-

2. *Обученіе отечественному языку по латинской Грамматикѣ.*

Отстранивъ крайность въ ученіи реалистовъ, обратимся къ гуманистамъ. И они, чувствуя несостоятельность отечественной Граммашики, прибѣгаютъ къ посторонней помощи. Какъ все преподаваніе сосредоточиваютъ они къ древне-классической Литературѣ, такъ и ученіе отечественному языку пріурочиваютъ къ Граммашикѣ латинской или греческой. Въ основаніе граммашическому обученію, говорятъ они 1), надобно положить изученіе языка чуждаго. „1. Родной языкъ сросся съ духовнымъ бытіемъ ученика. Онъ какъбы кость отъ костей его и плоть отъ плоти его. Слишкомъ близокъ ученику, и потому не можетъ быть прямымъ объектомъ науки, составляя субъективность самого ученика. Ученикъ даже не можетъ никакъ понять, для чего онъ будетъ учиться тому, что знаетъ и безъ науки. Напротивъ того, чужой языкъ выступаетъ передъ нимъ совершенно объективно. Учащійся принужденъ выдти изъ самого себя, чтобы его усвоить; и напряженность духовныхъ силъ, необходимая для сближенія съ предметомъ вовсе чуждымъ, должна быть несравненно больше, чѣмъ

ема и значенія, какіе получитъ оно въ умѣ опытнаго мужа, для коего раскрывается въ немъ вся сила внутренняго содержанія.“ Логика Ч. I.

1) Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, 1837, стр. 59— и слѣд.

при изученіи отечественнаго языка, отъ котораго не такъ легко можетъ отрѣшиться учащійся. Въ этомъ отношеніи справедливо говоритъ Ф. А. Вольфъ: чужой языкъ сильнѣе возбуждаетъ вниманіе, и заставляетъ насъ подводить явленія къ умственнымъ соображеніямъ, тогда какъ отечественный коренится на внутреннемъ чувствѣ. 2. Съ этимъ соединяется вторая еще важнѣйшая причина, состоящая въ томъ, что черезъ *сравненіе* двухъ языковъ, съ большей ясностью и силою запечатлѣваются въ умѣ отношенія грамматическія и логическія. Только сравненіемъ многихъ языковъ полагается отличіе между отношеніями слова и мысли, между единичнымъ и всеобщимъ. Когда одинъ и тотъ же предметъ выражается и познается въ двухъ различныхъ формахъ, тогда ясно опредѣляется и самое понятіе онаго. Такъ и въ грамматическомъ преподаваніи. Отношенія понятій будутъ выражаться на двухъ различныхъ языкахъ особенными флексіями и различною связью словъ. Какой прекрасный способъ довести такимъ образомъ до сознанія, что всякое содержаніе, какъ нѣчто общее, является существеннымъ въ различныхъ явленіяхъ! Какъ понятіе о жизни пріобрѣтается изслѣдованіемъ ея различныхъ формъ и явленій, такъ и объ языкѣ сближеніемъ по крайней мѣрѣ двухъ различныхъ языковъ. Одинаковость и всеобщность содержанія оживутъ въ различіи и особенности разнородныхъ формъ. Отечественный языкъ предпосылается, какъ извѣстное основаніе, къ которому все должно относиться. Онъ

будетъ мѣриломъ для чужихъ языковъ. Когда ученикъ сознаетъ отношенія граммапическія на своемъ и на чужомъ языкѣ, тогда необходимо извлечетъ для себя изъ различія формъ того и другаго языка понятіе о единствѣ мысли, какъ всеобщаго, которое повторяется и отражается въ многоразличіи.“ Изъ чужихъ языковъ, разумѣется, предпочитаются латинскій и греческій, прошивъ коихъ не устоитъ никакой другой въ богатствѣ содержанія и въ обработкѣ учебныхъ пособій. Вотъ какъ педагоги 1) опредѣляютъ ничѣмъ незамѣнимую пользу обученія древнимъ языкамъ: 1. „Вначалѣ обученіе языку есть упражненіе памяти, котораго важность для юнаго возраста не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Память есть запасъ насущнаго капитала для ума. Чѣмъ меньше у человѣка памяти, тѣмъ меньше и духовнаго содержанія для непрестаннаго употребленія и обработки. Сила человѣка словомъ и дѣломъ, по большой части, зависитъ отъ хорошей памяти. Чѣмъ больше у него духовнаго запасу, тѣмъ сильнѣе и свободнѣе дѣйствуетъ онъ, тѣмъ больше содержанія и объема дѣламъ его. Человѣкъ безъ памяти никуда не годится; достоинство его возрастаетъ вмѣстѣ съ усиленіемъ памяти. Слѣдовательно, упражненіе ея необходимо для практической дѣятельности и для высшихъ силъ духовныхъ, которыя берутъ изъ памяти запасъ и пересоздаютъ его въ слово и дѣло. Съ этой сто-

1) Deinhardt, стр. 197 и слѣд.

роны упражненіе ея является средствомъ къ цѣли. Цѣль въ дѣятельности разумѣнія и воли, для свободнаго развитія коихъ необходима достаточная сила памяти. Она же пріобрѣтается, и развивается, и упражняется въ дѣтскомъ возрастѣ; притомъ тогда имѣетъ и въ себѣ самой конечную цѣль, будучи для дитяти силою воспринимательною. Дитя понимаетъ предметы преимущественно памятью, а не высшею силою духа. Въ человѣческомъ развитіи есть извѣстная степень — степень памяти, совпадающая съ дѣтскимъ возрастомъ. Образованіе познавательной способности и образованіе памяти въ этомъ возрастѣ одно и тоже. Не укрѣпись память въ молодости, на всю жизнь будешъ чувствительнъ недостатокъ. Потому-то дѣти находятъ удовольствіе въ упражненіи ея; потому-то великіе люди, въ лѣта зрѣлыя оказавшіе сильное дѣйствіе на человѣчество словомъ и дѣломъ, отличались превосходною памятью въ своемъ дѣтствѣ. Но чемъ же образовать и упражнить ее? Изученіемъ формъ чужаго языка. Чѣмъ тоньше и незначительнѣе оттѣнки въ измѣненіи словъ, тѣмъ сильнѣе она изощряется. Въ этимологіи заучиваются малѣйшія отличія слоговъ и буквъ. Чтобы приступить къ разумному изученію языка, надобно до такой степени впечатлѣть въ свою память этимологическія формы, чтобы никогда не забывать ихъ. Кромѣ этимологіи, разумѣется заучиваніе и лексикальной части древнихъ языковъ, и потомъ правилъ. 2. Между тѣмъ, какъ этимологическое изученіе языка пре-

мущественно образуетъ память: заучиваніе, уразумѣніе и примѣненіе синтаксическихъ правилъ развиваетъ силу судительную. Вначалѣ заучиваніе правила слово въ слово — есть дѣло памяти. Но какъ скоро синтаксическія правила примѣняются къ примѣрамъ и къ переводу съ чужихъ языковъ на свой и съ своего на чужіе, тотчасъ открывается ученику обширное и силамъ его сообразное поле, гдѣ онъ по преимуществу упражняетъ свою судительную силу. Ибо,—что значитъ судить? Узнавать въ единичномъ всеобщее, возводить единичное къ всеобщему, примѣняя общее къ частному и находя въ частномъ общее. Потому изученіе и примѣненіе синтаксическихъ правилъ есть непрестанное сужденіе. Общее въ сужденіи будетъ правило, а частное—извѣстные примѣры, къ коимъ примѣняется правило. Такъ, при переводѣ съ одного языка на другой, ученикъ въ каждомъ примѣрѣ находитъ примѣненіе заученному имъ правилу. Сверхъ того, при переводѣ съ древняго на родной, узнаетъ онъ въ данномъ примѣрѣ общее правило, и его сужденіе будетъ теоретическое. При переводѣ же съ роднаго на древній, онъ самъ переноситъ правило въ данный примѣръ, и его сужденіе будетъ практическое. Въ первомъ случаѣ беретъ верхъ уразумѣніе, во второмъ дѣйствованіе; въ первомъ онъ какъ бы философъ, въ послѣднемъ художникъ. Когда же примѣры будутъ болѣе подробные, тогда, вмѣсто одного правила, приложится къ нимъ множество. Потому и сужденіе ученика при переводѣ ихъ будетъ трудиѣе, ибо

будетъ состоять изъ совокупности многихъ сужденій. Кто не видитъ въ этомъ стройнаго перехода отъ простаго къ сложному? Слѣдующія правила сопровождаются труднѣйшими примѣрами: хотя главная цѣль въ переводѣ и здѣсь будетъ объясненіе и примѣненіе послѣдняго правила, однако и прежнія правила, по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ, будутъ здѣсь же повторяться. Такимъ образомъ сужденіе постоянно идетъ къ новому и труднѣйшему, постоянно удерживая при себѣ пройденное, простѣйшее. 3. Кромѣ упражненія памяти въ заучиваніи формъ этимологическихъ, и кромѣ упражненія судительной силы на синтаксическихъ правилахъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ развивается и усовершенствуется третья способность, необходимая для изученія всякой науки, именно, вниманіе къ мелочамъ и незначительнымъ подробностямъ. Въ этимологіи малѣйшая перемѣна въ формѣ слова тѣсно связана съ измѣненіемъ его понятія. Ничтожная перемѣна только одной буквы въ словѣ даетъ другое отношеніе понятію. Поелику отъ столь малаго, повидимому, и незначительнаго зависитъ великое и важное, то на этимологіи, болѣе нежели на чемъ другомъ, научишься обращать полное вниманіе на мелочи. Нельзя проглядѣть ни одной буквы, ни одного знака: все требуетъ точнѣйшаго наблюденія въ грамматическомъ обученіи. Во многомъ иномъ и смѣшно и противно съ важностью хлопотать о мелочахъ; въ грамматическихъ же формахъ и естественно и необходимо, ибо отъ ничтожныхъ подробностей въ

буквахъ зависятъ различныя отношенія мыслей.“— Все это весьма дѣльно и основательно для изученія древнихъ языковъ, даже частью и отечественнаго; но какъ же примѣнить къ школѣ? чѣмъ начинать — латинскою или отечественною Грамматикою? Гуманисты рѣшаютъ задачу очень просто 1): „Все нужное для нѣмецкой Грамматики въ этомъ классѣ (Sexta, соотвѣтствуетъ первому классу нашихъ гимназій) достаточно передается въ латинскомъ урокѣ. Хотя и въ нѣмецкомъ языкѣ дитя узнаетъ части рѣчи, падежи, роды, времена, наклоненія и проч.; однако отъ того нельзя сказать, что онъ учится нѣмецкой Грамматикѣ. Упражняясь въ склоненіи mensa ученикъ долженъ узнать, что понѣмецки говорятъ der Tisch, ein Tisch и Tisch. Латинскій учитель вмѣстѣ съ латинскими примѣрами постоянно долженъ упражнять дѣтей и въ отечественныхъ. Уже на первомъ склоненіи ученикъ, хотя и не ясно, узнаетъ членъ, нужнѣйшее изъ средствъ нѣмецкаго языка для означенія падежей и чиселъ. Важнымъ шагомъ будетъ для него изученіе правилъ о родахъ въ связи съ прилагательными. Согласованіе прилагательныхъ съ существительными, въ коемъ онъ никогда не ошибется на родномъ языкѣ, доставитъ ему много труднаго на латинскомъ: но онъ опять уз-

---

1) Günther, Ueber den deutschen Unterricht auf Gymnasien, 1841, стр. 155.

нашъ необходимое и для нѣмецкаго прилагательнаго, именно отличіе между der gute Mann, guter Mann, ein guter Mann, der Mann ist gut, и т. д.“ Ошибка подобныхъ гуманистовъ въ томъ, что они не отличаютъ совершенно противуположныхъ методъ въ изученіи чужаго и своего языка. Если мы возьмемъ въ руководство Грамматики Востокова, Греча, и друг.; то конечно лучше учишься рускому языку по латинскому, ибо эти Грамматики составлены по методѣ Грамматикъ для чужихъ языковъ: начинаются опредѣленіемъ частей рѣчи, склоненіями и спряженіями, съ ненужными для дѣтей подробностями, и потомъ уже предлагаютъ синтаксисъ. Многіе наши педагоги до сихъ поръ все хлопочутъ о спряженіяхъ да склоненіяхъ, и не догадываясь, что Рускіе безъ правилъ умѣютъ правильно и склонять и спрягать. Половцевъ частію примѣнилъ преподаваніе *Рускаго* языка къ требованіямъ *Рускихъ* учениковъ; но и онъ не достигъ своей цѣли, предпославъ этимологію синтаксису, и не связавъ синтаксическимъ разборомъ всѣхъ частей рѣчи въ одно цѣлое. Въ ошибку другаго рода противъ отличія въ преподаваніи отечественнаго языка отъ иностраннаго впалъ Вурстъ 1). Хотя, слѣдуя Беккеру, имѣетъ онъ надлежащее понятіе объ отношеніи этимологіи къ синтаксису;

---

1) Praktische Sprachdenklehre; слич. извлеченіе изъ этой книги: Практическій Синтаксисъ сложнаго предложенія, составл. П. Перевлѣскимъ, 1842.

однако въ своемъ руководствѣ принимаетъ методу латинскихъ и греческихъ Грамматикъ для изученія правилъ отечественнаго языка: передъ каждымъ правиломъ примѣры, а за правиломъ задачи для упражненія въ оном. Всякъ видитъ, что все вниманіе Вурста обращено на правило, какъ средоточіе и примѣровъ и упражненій; а въ этомъ-то и ошибка, ибо правила въ отечественной Грамматикѣ стоятъ совершенно въ другомъ отношеніи къ практикѣ, нежели въ Грамматикѣ иностраннаго языка. Потому, сосредоточившись на правилахъ, Вурстъ упустилъ изъ виду годность примѣровъ и упражненій, ибо его отрывочные примѣры вовсе не идутъ для отечественной Грамматики, составляя не болѣе, какъ подмостки, лѣса, на которыхъ онъ строитъ правила, и которые, какъ ненужный хламъ, ученики выбрасываютъ изъ головы, какъ скоро понято правило. И практическія задачи Вурстова учебника не имѣютъ никакой самостоятельной цѣнности, будучи хвостами тѣхъ же правилъ. Въ Грамматикѣ латинской и пустой примѣръ имѣетъ значеніе, ибо содержитъ въ себѣ матеріалъ для заучиванія въ неизвѣстныхъ ученику словахъ и въ грамматическихъ формахъ, къ которымъ онъ еще не пріучилъ свой языкъ и ухо. Вурстовы же примѣры — Feuchter Lehmen ist weich, Mein Buch ist neu, Dieser Griffel ist spitzig (стр. 28) и т. п. дѣйствительно подлежатъ осмѣянію 1). Немного выиграетъ такая ме-

1) Mager, Die deutsche Bürgerschule, 1840, стр. 134.

шода и шогда, когда эшу болшовшю замѣнимъ мы маленькими опрывочками изъ писашелей образцовыхъ, ибо ошношеніе правилъ къ примѣрамъ осшаешся шоже самое; а клочки изъ писашелей шакже не даюшъ реальнаго содержанія для заучиванія, будучи по большой часши фразами, въ коихъ мысль только въ половину выражена, а иногда и шого менѣе. Въ лашинской же или греческой Граммашикѣ крашкія цишашы изъ классиковъ не только шерпимы, но даже необходимы. Да и въ руской Спилисшикѣ опрывочныя фразы изъ писашелей имѣюшъ свое значеніе и педагогическую цѣнносшь. Но въ ошечесшвенной Граммашикѣ первоначальной являюшся предразсудкомъ, сосшавленнымъ по неумѣнію ошличишь преподаванія языка своего ошъ преподаванія чужихъ. Все, чшо Дейнгардшъ говоришъ о примѣненіи правилъ къ примѣрамъ, касашельно языковъ древнихъ, можешъ бышь ошнесено и къ Граммашикамъ ошечесшвеннымъ, подобнымъ Вурсшовой: здѣсь мѣрило ихъ погрѣшносши. И какъ скучно для учениковъ подробное исчисленіе различныхъ правилъ съ подраздѣленіями и видоизмѣненіями! Справедливо опровергаешъ Гикке подобныя мешоды: „Ошсшраняя всякое подробное изложеніе цѣлой докшрины, говоришъ ошъ 1), и засшавляя учениковъ осшанавливашься на прочишанномъ и пріискивашь въ ономъ примѣры, мы сшавимъ себя рѣшишельными прошивниками другаго сшоль распросшранившагося сло-

1) Der deutsche Unterricht, 1842, 215 — 218.

соба преподаванія. Въ учебникахъ такого рода находимъ, напримѣръ, рядъ простыхъ предложеній, подлежащимъ которыхъ существительное masculini generis, второй рядъ съ подлежащими женскаго рода, третій — средняго; за тѣмъ четвертый рядъ съ двумя подлежащими, сначала мужескаго, потомъ женскаго, наконецъ средняго рода; далѣе новые роды предложеній, въ которыхъ по два подлежащихъ: одно мужескаго, другое женскаго, и т. д. А тамъ пойдетъ таже исторія съ числами: здѣсь отыскиваются предложенія, подлежащія которыхъ имена существительныя: a) не употребляющіяся во множественномъ числѣ, b) не употребляющіяся въ единственномъ, c) имѣющія двоякое множественное; или такія предложенія, въ которыхъ подлежащимъ будетъ: a) сложное, b) производное существительное. Коротко сказать: кажется, будто сочинители такихъ методъ думаютъ, что можно и должно исчерпать всѣ возможныя видоизмѣненія предложеній; покрайней мѣрѣ, будутъ такого мнѣнія бѣдные ученики, живая воспріимчивость которыхъ систематически убивается такой методою. Сочинители, по-крайности, подумали бы вотъ о чемъ: если потребуется нѣсколько дней, даже цѣлыхъ недѣль, чтобы систематически развить всѣ возможныя видоизмѣненія предложенія только съ тремя простыми элементами; то при десяти элементахъ предложенія не достанетъ и жизни человѣческой, чтобы наполнить примѣрами всѣ возможныя случаи сочетанія сихъ элементовъ; да-

же одно только исчисленіе всѣхъ этихъ видоизмѣненій — есть уже дѣло невозможное. Зачѣмъ же хлопотать о томъ, чего и нельзя, да вовсе и не нужно доводить до конца? Или, можетъ быть, такой способъ, дробящій все до безконечности, по преимуществу есть способъ методическій и практическій? Напротивъ того, самый неметодическій и неудобопримѣнительный. — Въ сравненіи съ этимъ хотя еще не до такой степени ошибочна, однако вовсе несообразна съ цѣлію и непримѣнительна къ дѣлу та метода, по которой заставляютъ учениковъ отыскивать примѣры на отдѣльныя правила синтаксиса. Сколько труда стоитъ даже самому учителю найти дѣльный примѣръ на какую нибудь болѣе распространенную форму предложенія. Сколько же труда ученику! и къ чему все это поведетъ? — къ болѣе ясному воззрѣнію, къ сильнѣйшему впечатлѣнію формы предложенія? но нельзя ли всего этого гораздо совершеннѣе достигнуть отысканіемъ примѣровъ въ прочтенномъ?“

На степени того же безразличія между Грамматикою своего и чужаго языка стоитъ La Grammaire mise a la portée de l'enfance, par H. A. Dupont, 1839. Дюпонъ начинаетъ этимологію, отдѣляя ее отъ синтаксиса, и учитъ дѣтей фразамъ и по фразамъ; ибо, говоритъ онъ: Pour nous, l'étude de la grammaire est l'étude des phrases. Въ самомъ началѣ спряженія: „спряженіе можетъ быть изустное и письменное. Думаемъ, что въ началѣ должно быть только изустное, и потомъ уже письменное.

Это упражненіе для нашихъ учениковъ сначала совершенно механическое: дѣти, еще не умѣющіе читать, съ пользою могутъ имъ заниматься“ и проч. Послѣ всего этого не удивительно, что Дюпонъ заставляетъ дѣтей даже зубрить наизусть спряженія отечественныхъ глаголовъ и т. п. Разумѣется, если такими методами захотимъ мы тягаться въ преподаваніи отечественнаго языка съ греческою и латинскою Грамматикою: насъ тотчасъ побьютъ; ибо все то, чѣмъ самостоятельны Грамматики языковъ древнихъ, мы не кстати прикладываемъ къ отечественной, и рядимъ ее въ чужія перья. Гуманисты тотчасъ ихъ ощиплютъ, и все ничтожество методы обнажится.

3. Метода обученія отечественному языку.

Итакъ, гдѣ же искать спасенія самостоятельному и годному для школы преподаванію отечественнаго языка? „Метода 1) всякаго обученія опредѣляется съ одной стороны естественнымъ развитіемъ духа человѣческаго, съ другой сущностью предмета преподаваемаго. Потому мы должны обратить вниманіе на то, съ какими свѣденіями въ языкѣ поступаетъ ученикъ въ школу, и какому развитію подлежитъ онъ сообразно съ природою познающаго духа и съ свойствами познаваемаго предмета. Первыя начатки упражненія въ отечественномъ языкѣ скрываются въ таинственномъ сумракѣ пер-

1) Diesterweg, Wegweiser für deutsche Lehrer, 1838, I, 529 и слѣд.

выхъ годовъ дѣтскаго возраста. — Никто не помнитъ за собою этого начала, ни наступающей за нѣмъ слѣдующей степени развитія; никто не можетъ составить себѣ представленія объ этомъ темномъ состояніи сознанія, когда народившійся человѣкъ еще не умѣетъ отличить себя отъ предметовъ, его окружающихъ. Но съ удивительною быстротою заучиваетъ дитя множество словъ и предложеній, и его радость, при выраженіи своего внутренняго міра, иногда столь велика, что онъ творитъ собственныя свои слова, выговоромъ коихъ радуетъ и счастливитъ своихъ родителей. Словомъ, узнаніе роднаго языка совершается при темномъ сознаніи, какъбы инстинктнымъ подражаніемъ, и восходитъ до совершенно быстраго разговора о всѣхъ пріобрѣтенныхъ представленіяхъ, разумѣется, безъ отличія отдѣльныхъ звуковыхъ частей въ словѣ, и безъ всякаго предчувствія объ органической связи между мыслію и словомъ. Поелику таковъ естественный путь, коимъ всякій человѣкъ узнаетъ свой родной языкъ, то извлекаемъ отсюда первое правило для методы преподаванія: 1) *Приводи дитяти всѣ явленія языка такимъ образомъ, какъ поступаетъ сама природа, то есть, помощію изустнаго выраженія непосредственныхъ представленій, помощію разговора и чтенія.* Этимъ и слѣдующими правилами отдѣляемъ мы методу преподаванія отечественнаго языка отъ методы преподаванія иностранныхъ, ибо отношеніе дитяти къ тому и другому совершенно различно. Чужіе языки, какъ показываетъ самое слово,

чужды духу, стоятъ внѣ его; напротивъ, отечественнымъ языкомъ обладаетъ уже въ нѣкоторой степени даже семилѣтнее дитя; онъ сталъ его духовной собственностью, какъбы всосанною вмѣстѣ съ молокомъ матери; дитя даже не можетъ существовать безъ него. Потому-то и не можетъ онъ преподаваться, какъ чужой языкъ. Отечественный языкъ узнаётъ всякій человѣкъ непосредственно вмѣстѣ съ наглядной воспріемлемостью внѣшнихъ явленій и внутреннихъ ощущеній; потому даръ слова непосредственно связывается съ воспріемлемостью и впечатлѣніемъ, такъ что слова являются сознанію живымъ соотвѣтствіемъ (correlativ) вещей. Въ началѣ изученія чуждаго языка отдѣльное слово не кажется въ соотношеніи съ предметомъ и представленіемъ, а понимается посредственно, именно черезъ слово отечественнаго языка, выражающее тотъ предметъ, или то представленіе. Въ чуждомъ языкѣ каждая форма, каждое слово представляется чѣмъ-то разрозненнымъ и отдѣльнымъ отъ познающаго субъекта, и таковымъ должно быть заучаемо; въ отечественномъ языкѣ умъ обнимаетъ цѣлое, вмѣстѣ все предложеніе, выражающее мысль, и потому отечественная рѣчь есть постоянное выраженіе сужденій, постоянно въ цѣлыхъ предложеніяхъ. Потому твердо полагаемъ мы первымъ правиломъ, что отечественный языкъ не долженъ преподаваться такъ, какъ преподается иностранный, т. е. не наблюденіемъ отдѣльныхъ звуковыхъ видоизмѣненій, не путемъ разсуждающаго

наблюденія, а практическими примѣрами, то есть, сообщеніемъ ученику понятнаго и полезнаго такими словами и формами, съ какими хочешь познакомить ученика. Первое дѣло въ области преподаванія отечественнаго языка состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ практическимъ путемъ узналъ всѣ формы рѣчи, чтобы онѣ являлись ему не однѣ сами по себѣ, но постоянно въ органической связи съ мыслію, ими выраженною, такъ, чтобы ученику вмѣстѣ съ формою непрестанно давалось и содержаніе. Итакъ первое и важнѣйшее дѣло развить практическую способность, состоящую въ томъ, чтобы понимать выраженное формами рѣчи, и пользоваться ими правильнымъ образомъ, т. е. такъ, какъ говорятъ люди образованные. Слѣдовательно умѣнье всему здѣсь основаніе: это умѣнье, какъ данное, предпосылается уже самому началу преподаванія, а преподаваніемъ должно еще тверже укрѣпиться. Такимъ ученіемъ мы продолжаемъ впередъ шествіе самой природы, и изустной рѣчью о предметахъ дѣйствительной жизни, внимательнымъ чтеніемъ яснаго и понятнаго, изустными и письменными упражненіями образуемъ въ ученикѣ способность съ надлежащей легкостью правильно понимать формы рѣчи въ разговорѣ и на письмѣ. На способность говорить обращаемъ мы въ ученикѣ строгое вниманіе, именно на способность выражаться легко, благозвучно, ясно, опредѣленно, съ толкомъ и со смысломъ. Не одинъ отечественный языкъ, но и всѣ остальные предметы преподаванія должны быть направлены къ

образованію въ ученикѣ этой способности, столь необходимой для развитія его умственныхъ способностей, для образованія характера, и вообще для всей жизни. Мы слушаемъ говорящаго сто разъ, прежде нежели однажды прочтемъ имъ написанное. Ужъ по одному этому умѣнье говорить важнѣе всего прочаго. Упражнивъ на преподаваніе языка умѣнье и разумѣніе ученика, мы должны дать ему знаніе, должны объяснить сознанію его то, что болѣе или менѣе ясно представлялось ему; отсюда второе правило: 2) *Формы рѣчи, коими ученикъ умѣетъ уже пользоваться, доводи до его сознанія разборомъ, слѣдовательно, путемъ анализа.* Хотя это правило поставили мы вторымъ, однако это не значитъ, чтобы мы пользовались имъ тогда только, какъ ученикъ достигнетъ высокой степени въ способности дара слова; мы его можемъ примѣнить тотчасъ же, какъ замѣтимъ, что ученикъ достаточно къ тому приготовленъ соотвѣтственнымъ упражненіемъ. Но все-таки наше мнѣніе таково, что упражненіе должно предшествовать разсужденію и сознанію явленій. Ученикъ сначала долженъ пріобрѣсти умѣнье въ отечественномъ языкѣ, и потомъ уже возвыситься до сознанія о его формахъ и законахъ. Необразованная толпа и не достигаетъ того никогда. Ужъ одно то чрезвычайно много бы значило, если бы всѣ правильно говорили и писали. Но образованному человѣку вмѣняется въ обязанность не только правильное дѣйствованіе, но и разумѣніе законовъ, коимъ подлежитъ

дѣйствованіе. Это сознаніе (нельзя сказать *ученіе*, ибо ученикъ еще до вступленія въ школу знаетъ уже всѣ формы, хотя и не умѣетъ ихъ привесть въ порядокъ, произвесть одну отъ другой и проч.), итакъ это сознаніе должно развиваться разборомъ или путемъ аналитическимъ. Весьма естественно. Ибо языкъ есть живое цѣлое; человѣкъ никогда не произнесетъ ни одного слова безсмысленнаго, но всегда говоритъ предложеніями, выражающими мысль. Органическое цѣлое ему извѣстно прежде, нежели отдѣльныя части онаго. Такъ какъ естественный и легчайшій ходъ преподаванія состоитъ въ извлеченіи неизвѣстнаго изъ извѣстнаго, и въ постепенномъ присовокупленіи неизвѣстнаго къ извѣстному: потому въ отечественномъ языкѣ надобно начать съ органическаго цѣлаго, т. е. съ предложенія. Части же его до самыхъ простѣйшихъ стихій, коими заключается процессъ раздробленія, могутъ быть найдены только путемъ анализа. Итакъ въ преподаваніи отечественнаго языка сначала упражненіе, потомъ возведеніе формъ къ ясному сознанію, сначала умѣнье, потомъ знаніе, сначала упражненіе въ языкѣ (Sprechübungen), потомъ упражненія надъ языкомъ (Sprachübungen), сначала практика, потомъ теорія, и къ тому же аналитическимъ путемъ. Само собою разумѣется, что отдѣльныя формы языка, имѣющія между собою нѣчто общее, должны сравниваться и приводиться въ порядокъ; но еще мы не дошли до всеобщихъ законовъ языка: мы заготовляемъ только матеріалы для оныхъ. Путемъ

анализа возведши къ сознанію отдѣльныя частности, преподаваніе слѣдуетъ третьему правилу: 3) *Съ разборомъ соединяй синтезисъ, совокупленіе отдѣльнаго въ практическихъ упражненіяхъ.* Разнообразное упражненіе добрый знакъ хорошаго преподаванія: заучиваніе и сужденіе пусть идутъ обруку съ упражненіемъ и умѣньемъ. Вначалѣ подражаніе, потомъ знаніе; теперь опять упражненіе. Какъ скоро какія-либо формы языка дошли до яснаго сознанія въ головѣ ученика, тотчасъ надлежитъ заставить его, чтобы онъ употребилъ ихъ въ дѣлѣ на задачѣ. Когда, напр., объяснены изъ предложенія падежныя окончанія, ученикъ самъ составляетъ предложенія съ различными падежами; или объяснивъ сослагательное наклоненіе, учитель задаетъ задачу, въ коей ученикъ употребляетъ оное. Такимъ образомъ въ обученіи языку постоянно соединяется знаніе и умѣнье, ученіе и упражненье, восполняя другъ друга. Дѣйствованіемъ начинаетъ ученикъ, имъ же и оканчиваетъ: первое безъ яснаго сознанія, послѣднее совершенно сознательно. Въ серединѣ между тѣмъ и другимъ разсужденіе: оно нужно не для простаго дѣйствованія, но для сознательнаго. Четвертое и послѣднее общее правило: 4) *Соединяй внѣшнее съ внутреннимъ, форму съ содержаніемъ.* Обученіе языку имѣетъ дѣло хотя съ внѣшнимъ, съ формами и плотью языка; однако никогда не должно забывать, что плоть жива только духомъ, что душа важнѣе плоти, что изученіе формъ самихъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣны, и что онѣ не могутъ

быть исключительнымъ предметомъ наблюденія. Всегда и вездѣ ищи значенія представленій и отношеній, выражаемыхъ формами. Иначе ученіе будетъ нестерпимо сухо, отвлеченно и совершенно внѣшнее, образуя только экстенсивно, а не интенсивно. Постоянная связь содержанія съ формою требуетъ, чтобы учитель никогда не разсматривалъ частей рѣчи и отдѣльныхъ формъ — самихъ по себѣ, но постоянно представлялъ ихъ въ органическомъ цѣломъ, въ предложеніи, показывая отношеніе отдѣльностей къ цѣлому, которое даетъ имъ существенное значеніе. Только такимъ путемъ можно образовать посредствомъ обученія языка."

4. Отношеніе отечественнаго языка къ прочимъ предметамъ преподаванія.

Итакъ сущностью самого предмета въ связи съ психологическимъ развитіемъ дитяти опредѣляется метода преподаванія отечественнаго языка, какъ предмета самостоятельнаго, совершенно отличнаго отъ обученія языкамъ иностраннымъ. Вначалѣ отечественная Грамматика является для дитяти самою простою логикою, въ коей отъ удобопонятнѣйшаго и легчайшаго дитя нечувствительно переходитъ къ болѣе трудному, отъ даннаго самою природою къ искомому наукою. Предложеніе есть исходный пунктъ отечественной Грамматики; въ предложеніи же и сущность построенія всякаго языка. Нѣтъ сомнѣнія, что дитя пойметъ латинское выраженіе только тогда, когда пе-

реведетъ его себѣ поруски: потому анализъ предложенія отечественнаго предшествуетъ латинскому. Даже для выгодъ самой латинской Граммашики надобно предпослать нѣкоторое граммашическое знаніе въ языкѣ отечественномъ. Граммашика отечественная должна быть посредникомъ между врожденнымъ ученику даромъ слова и между латинской Граммашикой: т. е., данное природою нечувствительно и постепенно объясняется по руской Граммашикѣ, и потомъ, когда ученикъ уже чувствуетъ отношеніе своей рѣчи къ наукѣ объ оной, надобно будетъ перейти къ иностранной Граммашикѣ, какъ къ высшей степени теоретическаго изученія языка. Въ противномъ случаѣ, преподаваніе языка будетъ безсмысленно: ибо латинскія склоненія и спряженія, неодушевленныя связью предложенія, безжизненны. Руская же Граммашика съ самаго перваго урока знакомитъ дѣтей съ предложеніемъ, и постоянно къ нему примыкаетъ всѣ явленія языка; зная предложенія, слѣдов. глаголъ и падежныя отношенія, дитя чувствуетъ смыслъ латинскихъ спряженій и склоненій, вставляя ихъ въ форму предложенія. Слѣд. первоначальное обученіе отечественному языку относится къ обученію латинскаго, какъ синтаксисъ къ этимологіи, какъ живое предложеніе къ отдѣльнымъ склоненіямъ и спряженіямъ, какъ мысль къ звуку. —

Такимъ образомъ отечественный языкъ постепенно и нечувствительно введетъ ученика въ область науки. Тогда наступаетъ уже время обученія латинскому языку. „Несправедливо поступа-

ютъ, говоритъ Мадвигъ 1), профессоръ Копенгагенскаго Университета, несправедливо поступаютъ, начиная столь рано преподаваніе латинскаго языка, какъ обыкновенно вездѣ заведено. Это предметъ слишкомъ отдаленный и трудный, къ нему дитя не приготовлено еще ближайшимъ и легчайшимъ; потому-то изучается онъ долго и медленно, въ какой-то неясности, которая послѣ съ трудомъ проходитъ. Когда же начинается латинское преподаваніе нѣсколькими годами позднѣе (около двѣнадцатилѣтняго возраста), но съ силами сосредоточенными и съ упражненной способностью заучивать и работать; тогда, думаю я, съ трудомъ, гораздо меньшимъ, можно достигнуть тѣхъ же результатовъ."

Защищая самостоятельность преподаванія отечественнаго языка, мы должны показать отношеніе, въ какомъ стоитъ обученіе языку къ противуположности своей въ области ученія реальнаго — къ Математикѣ 2). „Математика и Грамматика суть такіе предметы преподаванія, цѣль коихъ состоитъ во всеобщемъ и чисто формальномъ образованіи духа. Математика и Грамматика должны быть Логикою для Гимназіи, начиная отъ самыхъ низшихъ клас-

---

1) Bemerkungen über verschiedene Puncte des Systems der lateinischen Sprachlehre, 1844, стр. 14.

2) Der Gymnasialunterricht von Deinhardt, стр. 63 и слѣд. Дейнгардтъ старшій учитель Математики и Физики въ Виттенбергской Гимназіи.

совъ до послѣдняго. Собственно же Логика можетъ преподаваться только въ высшемъ классѣ, и то въ лучшихъ Гимназіяхъ, гдѣ случится для того способный учитель. Въ Математикѣ систематическая форма Логики, въ Грамматикѣ ея содержаніе. Въ Математикѣ ученикъ впервые видитъ образецъ органической науки, и научается доказывающему, основательно и необходимо шествующему впередъ мышленію. Въ Грамматикѣ развиваются, упражняются и примѣняются всеобщія отношенія мыслей, входящія во всякую науку; повторяются и присоединяются къ другимъ новымъ до тѣхъ поръ, пока не станутъ въ душѣ ученика живою его собственностью. Вооружившись систематическимъ мышленіемъ въ Математикѣ и обильнымъ запасомъ категорій въ Грамматикѣ, гимназистъ легко и основательно можетъ проникнуть въ всякій родъ знанія и подчинить его своимъ силамъ." Напрасны всѣ усилія математиковъ замѣнить своею наукою формальную пользу обученія языкамъ, особенно когда дружно, совокупными силами будутъ дѣйствовать руская и латинская Грамматики, какъ живая природа и стройная наука, какъ всеобъемлющій синтезъ и дробящій анализъ, въ непрестанномъ, естественномъ переходѣ отъ практики къ теоріи, какъ постепенное возшествіе къ сознанію, и какъ непрестанное утвержденіе памяти. Математика даетъ дитяти первыя понятія объ отвлеченныхъ воззрѣніяхъ на пространство и время: граммат[illegible]ческое ученіе наполнитъ эту tabulam rasam живымъ, конкретнымъ

содержаніемъ. Въ этомъ отношеніи Граммашика будетъ для формальнаго образованія ученика среднимъ шерминомъ между знаніями реальными, какъ наглядностью міра осязаемаго, и между Машемашикою, какъ отвлеченіемъ всякаго живаго содержанія въ общую форму измѣренія и числа. Ибо на первой степени своей ученіе языка (слѣд. отечественнаго) неотдѣлимо отъ реальныхъ предметовъ преподаванія; на высшей же степени переходитъ въ область отвлеченія. Въ этомъ же отношеніи преподаваніе Машемашики въ низшихъ классахъ Гимназіи приноситъ великую пользу и обученію языкамъ, пріуготовляя дѣтей къ восхожденію отъ наглядnаго ученія къ отвлеченностямъ грамматическимъ.

Отношеніе преподаванія рускаго языка къ языкамъ новымъ не прямое, а посредственное. Ибо между рускимъ и языками новыми стоитъ языкъ древній. Все, чѣмъ полезны языки новые въ формальномъ отношеніи, заключается уже въ обученіи латинскому, только въ большемъ объемѣ. Потому-что не учащіеся древнимъ языкамъ ни чѣмъ уже не могутъ восполнить существеннаго недостатка. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что формы языка рускаго гораздо богаче французскихъ и нѣмецкихъ: а синтаксисъ, сколь важный для формальнаго образованія учениковъ въ языкѣ латинскомъ, весьма бѣденъ въ учебникахъ языковъ новыхъ. Потому въ школахъ реальныхъ, напр. въ Корпусахъ, Коммерческихъ училищахъ и т. п., Граммашика руская получаетъ еще большее значеніе, чѣмъ въ Гимназіяхъ; ибо въ свя-

зи съ церковнославянскою, должна анализомъ формъ замѣнишь лапинскую и греческую: но только въ высшихъ классахъ, гдѣ единственно возможно строгое граммашическое изученіе отечественнаго языка. Отъ французской Граммапики этого шребовашь не льзя: ибо дѣши, не учась полашини, не могушъ узнашь въ корнѣ ни одной французской формы. А нѣмецкая могла бы спашь на ряду съ руской развѣ только историческая Гриммовская; но и въ сей послѣдней постоянныя сближенія съ языками древними и множество историческихъ подробносшей необходимыхъ, но вовсе недосшупныхъ для элеменшарнаго курса. Потому-што учишели новыхъ языковъ избрали ближайшій и полезнѣйшій пушь—пракшическій: вѣрно и прямо ведешъ онъ къ цѣли, подкрѣпляясь пракшическимъ же ученіемъ языка рускаго въ низшихъ классахъ; но по этому-што именно и не можешъ это обученіе замѣнишь шеорешической мешоды лапинскаго. Слѣдовашельно, можно сказашь рѣшишельно, чшо въ реальныхъ школахъ, корпусахъ и ш. п. низшіе классы осшаюшся безъ правильнаго и спрогаго граммашическаго обученія: ибо поруски склоняшь да спрягашь никшо шеперь не учишъ, а новые языки формами бѣдные лапинскаго, и должны изучашься болѣе пракшически. Въ Гимназіяхъ же ошечественный языкъ спошпъ посредникомъ между новыми и древними; шакъ, напр., рускій учишель анализомъ предложенія познакомишъ съ значеніемъ падежей, лапинскій ошдѣлишъ каждый падежъ флексіею; новые же языки къ флексіямъ присовокупяшъ члены и вспомогашель-

ные предлоги, а руская Граммашика укажешъ въ предложеніи на отношеніе падежей къ предлогамъ и ш. п. Касашельно внушренняго содержанія ш. е. лишерашуры, новые языки сполшъ къ рускимъ Гимназіямъ въ шомъ ошношеніи, нежели къ французскимъ или нѣмецкимъ: чѣмъ для прочихъ европейскихъ народовъ были лишерашуры древнія, шѣмъ для насъ, кромѣ древнихъ, и французская и нѣмецкая, ш. е. образцемъ для изученія и подражанія. Конечно, можешъ бышь придешъ и наше время самосполшельнаго дѣйсшвованія; но будущее во власши Божіей. Унизишельно для науки предаваться суешному гаданію о шомъ, чего еще нѣшъ; неушомимая дѣяшельносшь въ насшоящемъ есшь залогъ досшойнаго будущаго, а прозорливый взглядъ на прошедшее — руководсшво для насшоящаго. Не живошворно было для насъ односшороннее изученіе лишерашуръ новыхъ: ибо мы скользили шолько на поверхносши образованія европейскаго, не заглядывая вглубь, ошкуда оно началось, чѣмъ подымалось, и совершенсшвовалось. Предмеши познаюшся ошъ знанія сокровенныхъ элеменшовъ, изъ конхъ они слогаюшся; а прошедшее есшь необходимый элеменшъ жизни народной, слѣд. и лишерашуры: можно ли же узнашь лишерашуру французскую безъ знанія языка лашинскаго, въ исшоріи кошираго заключаешся опредѣленіе многихъ формъ французскаго; или лишерашуру нѣмецкую, возрасшаніе коей лежишъ на изученіи языковъ древнихъ? Ошсюда связь преподаванія языковъ новыхъ съ древними, основан-

ная на понятіи о живомъ организмѣ развитія литературъ европейскихъ. Слѣд. основательное знаніе языковъ французскаго и нѣмецкаго предполагаетъ уже и знаніе древнихъ, какъ необходимаго элемента оныхъ; слѣд. для собственнаго интереса преподаваніе новыхъ языковъ должно заступаться за усиленное преподаваніе древнихъ; слѣд. только въ Гимназіяхъ, и въ школахъ нереальныхъ, можетъ быть истинное образованіе европейское. — Всему своя пора: изученіе національнаго элемента литературъ новыхъ, т. е. изученіе языковъ и образованности среднихъ временъ во всей подробности, придетъ своей чередою: это дѣло Университета. Въ средствахъ Гимназіи — посильное сближеніе исторіи языковъ новыхъ съ латинскимъ, греческимъ и славянскимъ. Отсюда необходимость возведенія русской Грамматики до сравнительной и исторической. Здѣсь посредничество языка отечественнаго между древними и новыми, здѣсь твердое основаніе, отличію національнаго отъ общечеловѣческаго.

Дальнѣйшее объясненіе методы обученія отечественному языку стоитъ въ связи съ остальными предметами преподаванія 1). „Исторію не льзя признать элементомъ (говоря языкомъ химиковъ). Предметы нравственныхъ наукъ имѣютъ свою исторію, но ее не льзя отдѣлить отъ самыхъ предметовъ: какъ исторія догмъ и Церкви относится къ Богословію, исторія Философіи — къ Философіи,

1) Mager, Deutsches Sprachbuch, 1842, VI — VIII.

исторія языка къ Лингвистикѣ; исторія правъ къ Юриспруденціи: такъ и исторія государства къ Политикѣ. Конечно Академія можетъ всѣ эти исторіи, безъ самихъ наукъ, собрать въ сотнѣ фоліантовъ, и назвать общимъ именемъ „Всеобщая Исторія;“ но дѣло останется въ прежнемъ своемъ видѣ: ибо изъ такого собранія всякъ будетъ читать исторію только того предмета, который ему извѣстенъ. Весьма полезно знакомить юношество съ жизнію великихъ людей, съ всемірными событіями и вообще съ историческимъ развитіемъ жизни народовъ въ политическомъ, художественномъ, религіозномъ и въ другихъ отношеніяхъ; даже въ высшихъ классахъ (и именно только въ высшихъ) слѣдуетъ назначить для того особые уроки: но такой предметъ будетъ имѣть цѣнность только въ педагогическомъ отношеніи, и не будетъ онъ Всеобщею Исторіею точно такъ же, какъ и Энциклопедическій лексиконъ. И въ Гегелевомъ смыслѣ Weltgeschichte, т. е. Философія Исторіи, имѣетъ всѣ недостатки остальныхъ книгъ этого рода. Истинною Философіею Исторіи могъ бы быть только средній (историческій) терминъ въ философскомъ обозрѣніи цѣлой области всѣхъ нравственныхъ наукъ: т. е. философія права, воспитанія, нравовъ, государствъ и пр., въ совокупности, составляетъ такъ называемую Философію Исторіи. Итакъ, если справедливо, что Исторія не есть самостоятельная наука, каковы Грамматика или Юриспруденція; что она между науками не имѣетъ права

называться элементомъ; далѣе, если справедливо, что исторія какого-либо предмета, непонятна безъ знанія онаго, слѣдов. исторія человѣка предполагаетъ знанія психологическія, исторія государства — политическія, исторія литературы — эстетическія и литературныя (и vice versa); наконецъ, если справедливо и то, что школьное обученіе должно стремиться къ возможной простотѣ и естественности: то необходимы еще многія перемѣны въ преподаваніи. Въ низшихъ и среднихъ классахъ историческое обученіе должно бы примкнуться къ обученію языкамъ, именно къ чтенію на отечественномъ, французскомъ, латинскомъ и проч.; въ высшихъ же классахъ оно усилилось бы начальными основаніями положительной психологіи, этнологіи, естественнаго права, морали, политики, поэтики и прозаики. Пока не будетъ знанія объ этихъ предметахъ, до тѣхъ поръ и исторія оныхъ будетъ столь же безплодна, сколь недостаточно одно догматическое изложеніе элементовъ сихъ наукъ безъ исторіи. Ясно, какъ много выиграютъ ученики такимъ упрощеніемъ методы: учитель древнихъ и новыхъ языковъ, въ связи съ формальнымъ обученіемъ языка, знакомя ученика и съ Исторіею, и съ этнографическими и статистическими и друг. свѣденіями (математическія и физическія относятся не сюда, а къ преподаванію физико-математическому), увидитъ совершенно иные плоды отъ своихъ уроковъ, чѣмъ спеціальные учители Исторіи, Географіи и пр., которые имѣютъ смыслъ

только въ высшихъ классахъ. Учащіеся узнаютъ такъ называемое *историческое* гораздо основательнѣе, вычитавъ оное изъ самыхъ источниковъ; чуждые языки будутъ казаться имъ полезнѣе и необходимѣе, и они скорѣе имъ выучатся, подобно тому, какъ дѣти — стрѣлять, когда заставляютъ ихъ сшибать свой завтракъ съ шеста. И это также не маловажно, что передъ такимъ преподаваніемъ умолкнетъ крикливая толпа реалистовъ. И преподаваніе языка можетъ назваться реальнымъ столь же справедливо, какъ и физико-математическое обученіе, съ тою только разницею, что содержаніемъ перваго духовное, втораго вещественное, или же отвлеченіе отъ вещественнаго. Пора перестать толковать объ одномъ только формальномъ преподаваніи, или формальномъ образованіи: привидѣній въ наукѣ не бываетъ. Если я отношу языки къ реальному, это не значитъ, чтобы хотѣлъ я возвысить содержаніе прочтеннаго по французски или по латыни въ ущербъ знанію языка грамматическому. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, кои думаютъ, будто классики написаны для того, чтобы подводить къ нимъ комментаріи; не считаю себя и на сторонѣ реалистовъ, по мнѣнію коихъ уголъ или площадь, камень или правка способствуютъ къ образованію болѣе, чѣмъ произведенія человѣческаго духа. Нѣтъ! душа воспламеняется душою, и поелику языкъ есть перворожденный души, потому матеріалъ языка — который я называю *ономатикою* — долженъ быть лучшимъ средствомъ къ образованію.“

Это оспроумное мнѣніе Магера можно принять только подъ условіемъ двухъ необходимыхъ уступокъ: а) Магеръ хотя и желаетъ примирить реальное съ гуманическимъ, однако и самъ подходитъ къ реалистамъ, и именно такимъ, кои иногда задаютъ задачи неразрѣшимыя, и составляютъ планы, которые едва ли можно еще выполнить: такихъ реалистовъ онъ самъ хорошо характеризовалъ 1), назвавъ фантастическими; б) Магеръ постоянно является гегелистомъ, и потому проповѣдуетъ превосходство разума надъ преданіемъ, и вноситъ много философскаго въ школу. Впрочемъ возстановленіе живаго содержанія въ языкѣ, и прямое отношеніе филологіи къ наукамъ нравственнымъ, и преимущественно къ Исторіи, заслуживаютъ полнаго вниманія: это особенно важно для Рускихъ, ибо связываетъ филологію съ изученіемъ лучшаго произведенія нашей литературы, съ Исторіею Государства Россійскаго Карамзина. Что же касается до реальнаго содержанія въ чтеніи на различныхъ языкахъ, то это не болѣе, какъ продолженіе и необходимое слѣдствіе методы нагляднаго энциклопедическаго ученія. Магеръ вовсе неправъ касательно языковъ чуждыхъ: ибо чтенію историческихъ и другихъ источниковъ предшествуютъ года болѣе формальнаго изученія этихъ языковъ. Хорошо, если и съ третьяго класса наши гимназисты начнутъ толковито читать Евтропія и Цезаря. Въ первомъ же классѣ

1) Mager, Die deutsche Bürgerschule, 1840, стр. 233.

надобно учиться имъ склонять да спрягать, а тамъ разбирать конструкцію. Притомъ мы должны изыскивать средства къ улучшенію преподаванія при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ устроены наши школы; а не мечтать объ идеальномъ преобразованіи учителей языковъ древнихъ и новыхъ въ преподавателей Географіи, Исторіи и пр. Слѣд. мысль Магера можетъ примѣниться къ преподаванію обратнымъ отношеніемъ: т. е. если всѣ нравственные предметы ученія могутъ преподаваться учителями языковъ, то, наоборотъ, и прочіе учители могутъ замѣнить учителей языковъ, и по преимуществу рускаго 1). „Учитель чуждаго языка вмѣстѣ есть уже и учитель отечественнаго. Всѣ остальные учители дѣйствуютъ также въ области и въ границахъ своего предмета, способствуя изустному и письменному развитію языка учениковъ; на удѣлъ же учителя языка остается только граммматическое обученіе. — При такомъ содѣйствіи всѣхъ учителей къ образованію въ ученикахъ отечественнаго дара слова, преподаватель языка будетъ стоять въ иныхъ отношеніяхъ противъ прежняго. Если справедливо, что языкъ въ каждомъ возрастѣ жизни есть плодъ совокупнаго образованія всего человѣка; то никакъ не льзя требовать, чтобы учитель отечественнаго языка одинъ могъ дать оное. И вообще это зависитъ отъ учителей только такимъ образомъ, что каждый вкладываетъ свою ча

---

1) K. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843.

спицу въ общее воспитаніе ученика, и за нее только отвѣчаетъ. Такъ точно и учитель отечественнаго языка. Онъ не можетъ одинъ поставовить учениковъ на ту степень образованія, слѣдствіемъ коей точный и чистый языкъ; а если бы онъ и захотѣлъ, то никакъ не долженъ, ибо языкъ безъ содержанія есть ложь. И могъ ли бы онъ въ два урока на недѣлѣ усовершенствовать учениковъ въ томъ, что поршилось бы нерадѣніемъ другихъ учителей въ остальные двадцать уроковъ? Или на одномъ сочиненіи въ продолженіи двухъ-трехъ недѣль улучшить слогъ ученика, когда въ теченіи того же времени двадцать другихъ письменныхъ упражненій увлекаютъ его въ противоположныя направленія?—Задача же учителя собственно отечественнаго языка ограничивается (до четырнадцатилѣтняго возраста дѣтей) правильнымъ и яснымъ чтеніемъ, упражненіемъ въ правописаніи, знакомствомъ съ національною литтературою по сборникамъ, нарочно для того составленнымъ, и наконецъ письменнымъ и словеснымъ повтореніемъ прочтеннаго или сказаннаго.—Мы совершенно убѣждены, что обученію чужому языку не должно предшествовать *грамматическое преподаваніе* отечественнаго: онъ намъ родной, но не по Граммашикѣ. Именно по этому-то и измѣняется отношеніе слѣдующимъ образомъ: невозможно выучиться чужому языку безъ того, чтобы вмѣстѣ не учиться грамматически и своему.—Ибо правила чужаго языка ученикъ понимаетъ посредствомъ своего, постоянно соображаетъ формы перваго съ послѣд-

нимъ, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ сравнительною Грамматикою учится и отечественной. Родной же языкъ мы первоначально узнаемъ непосредственно, не такъ какъ языкъ, но какъ мышленіе, дѣйствованіе, ощущеніе, какъ совокупность того, что имъ выражается. Потому чрезвычайно односторонне во главѣ многихъ грамматикъ стоящее опредѣленіе языка, будто онъ есть средство къ выраженію и сообщенію представленій или мыслей. Скорѣй наоборотъ: такъ какъ мы наслѣдуемъ отъ другихъ мысли и знанія помощію языка, то языкъ есть средство, которымъ пріобрѣтаемъ мысли. Обученіе отечественному языку есть не иное что, какъ развитіе положеннаго въ дитяти сѣмени дара слова. Возрастаетъ оно подобно зрѣнію и слуху, подобно душѣ въ зрѣніи и слухѣ, подобно любви къ душѣ. Основательное же грамматическое изученіе отечественнаго языка не можетъ быть предложено ученикамъ ранѣе четырнадцати-или пятнадцатилѣтняго возраста.“ Въ дополненіе послѣдней мысли припомнимъ слова Дистервега: der Volksschüler soll *in der Sprache*, der Gymnasiast *über die Sprache* denken lernen. Впрочемъ Ваккернагель слишкомъ ограничиваетъ преподаваніе отечественнаго языка, придерживаясь въ своихъ мнѣніяхъ школѣ гуманистовъ, хотя и стоитъ въ этомъ отношеніи выше Тирша. „Казалось бы 1), что, примыкая грамматическое

1) Клумпъ въ рецензіи на Ваккернагеля, смотр. Pädagogische Revue, 1843, N 1.

обученіе отечественнаго языка къ преподаванію чуждыхъ, мы низошли опять на ту же степень, на которой стояли нѣкогда, и которую такъ рѣшительно защищалъ Тиршъ. Но что прежде дѣлалось изъ равнодушія и нерадѣнія, и на чѣмъ упорствовалъ Тиршъ односторонне, то низводится теперь до глубокаго своего основанія; и потому, повидимому, кажущееся одно и тоже, въ сущности совершенно иное. Вопервыхъ, упражненіе въ отечественномъ языкѣ должно и предшествовать и идти рядомъ съ обученіемъ чужихъ языковъ, о чемъ прежде и не думали; потомъ, правила чужихъ языковъ должны придти въ сознаніе при посредствѣ отечественнаго, слѣд. вмѣстѣ съ правилами онаго; и наконецъ, родной языкъ не будетъ употребляться и злоупотребляться попрежнему, какъ служитель, но будетъ обрабатываться, какъ главный двигатель всего духовнаго развитія, и благоговѣйно уважаться, какъ національное святилище."

5. *Грамматики.*

Магеръ 1) въ своей рецензіи на книгу К. Бакернагеля, весьма остроумно раздѣляетъ неудачныхъ преподавателей отечественнаго языка на слѣд. три стапьи: 1. нигилистическій формализмъ: раціональные дидактики учатъ наукѣ нѣмецкаго языка (deutsche Sprachlehre), прежде чѣмъ дадутъ своимъ ученикамъ самый языкъ (Вурстъ, Шерръ, Гонкампъ, Прейссъ и мн. др.); 2. мизологическій матеріализмъ:

1) Pädagogische Revue, 1844, № 1.

піетисты-романтики забопятся только объ одномъ языкѣ, не желая ничего знать о наукѣ объ языкѣ, и съ нѣкотораго времени проповѣдуютъ крестовый походъ противъ школьныхъ Граммашикъ (Гиппперъ, Гильсманнъ, К. Ваккернагель); 3. между нѣми и другими стоятъ тѣ педагоги, которые, не пускаясь въ умствованія и шеоріи, нашли себѣ жалкую посредственность и идутъ по старинной, избитой колеѣ. Столь же мѣшко раздѣляетъ Магеръ и Граммашики: 1. Граммашика, какъ полицейское предписаніе, какою представили ее Готшшедъ, Аделунгъ, Гейнзіусъ, Гейзе и друг., по образцу Доната и Французовъ. Хотя и съ этой точки зрѣнія въ Граммашикѣ есть польза, ибо надобно въ разговорѣ и письмѣ избѣгать ошибокъ; однако такая наука нисколько не образуетъ ума. 2. Системашическая Граммашика (Беккеръ, Герлингъ, частію и Шмитшенеръ), которая, думая изложить организмъ языка, даетъ только логическую систему; такая Граммашика ищетъ сущности вещей не въ самомъ языкѣ, а въ *значеніи*, т. е. она предлагаетъ не частную логику того или другаго языка, но всеобщую, къ которой пріурочиваетъ всѣ языки. Вмѣстѣ съ этимъ опускаетъ она часть лексическую, опредѣленіе смысла отдѣльныхъ словъ и выраженій. 3. Положительная Граммашика: а) Гримма историческая и сравнительная въ тѣсномъ смыслѣ, б) Боппа сравнительная въ обширномъ смыслѣ, в) Раппа и Вохера физіологическая. 4. Истинно-философская, или, точнѣе, психологическая Граммашика, начала которой

положены В. Гумбольдтомъ, и для которой надобно еще работать. Магеръ, какъ философъ-гегелистъ, въ этой послѣдней Граммашикѣ видитъ соединеніе всѣхъ достоинствъ систематической и положительной Грамматики. Онъ весьма удачно опредѣляетъ значеніе отечественнаго языка и отношеніе его къ иностраннымъ: „Родное воззрѣніе на міръ не должно стѣсняться и помрачаться изученіемъ чужихъ языковъ; напротивъ того, должно просвѣтляться и обогащаться сродными съ нимъ стихіями: изученіемъ отечественнаго языка становимся мы истинными соучастниками своего народа и наслѣдниками его духа, такъ что всякъ образованный въ своемъ языкѣ можетъ сказать: la nation, c'est moi; обученіе латинскому, греческому, Французскому языку должно изъ насъ сдѣлать не Грековъ, не Французовъ, а гражданъ всему міру, и не такихъ, которые живутъ только такъ называемыми идеями, и, стремясь быть вездѣ, нигдѣ не находятъ себѣ мѣста, но міровыхъ гражданъ въ добромъ смыслѣ, которые, хотя больше всего любятъ свою отчизну и служатъ ей; однако умѣютъ цѣнить все истинное, благое и прекрасное, наслаждаться и пользоваться всѣмъ, что предлагаютъ чуждые народы, отдѣленные отъ насъ пространствомъ и временемъ. Поелику мы живемъ и непрестанно обращаемся въ родномъ языкѣ, и посредствомъ его усвоили себѣ особенный способъ къ сопоставленію общихъ понятій и категорій: то уже каждое дитя безсознательно носитъ въ себѣ

ключь къ аналогіи, коимъ открываетъ смыслъ даже и того, что слышитъ только впервые. Такой инстинктуальной понятливости нѣтъ у того, кто сначала учится чуждому языку: генетическою методою образуется ученикъ не въ примѣръ скорѣе, чѣмъ обыкновенною грамматическою нашихъ школъ."

6. *Результаты.*

Въ послѣдовательномъ порядкѣ разобравъ педагогическую діалектику мнѣній о преподаваніи отечественнаго языка, мы нечувствительно обращаемся отъ послѣднихъ результатовъ оной прямо къ тому, что еще лѣтъ за двадцать сказалъ великій филологъ нашего времени, Я. Гриммъ 1), о преподаваніи отечественнаго языка: „Мало по малу начинаетъ входить въ употребленіе это сочиненіе (Аделунгова нѣмецкая Грамматика) не только въ школахъ, но даже и между людьми взрослыми. Такого несказаннаго педантства никоимъ образомъ не понялъ бы воскресшій Грекъ или Римлянинъ; большая часть современныхъ народовъ смотрятъ болѣе здравымъ взглядомъ, нежели мы: ибо не включаютъ отечественнаго языка въ число предметовъ школьнаго ученія. Окажется тайный вредъ, приносимый этимъ преподаваніемъ, какъ дѣломъ излишнимъ. Я увѣренъ, испортится отъ того свободное развитіе слова въ дѣтяхъ и повредится этотъ прекрасный даръ при-

1) Въ предисловіи къ первому изданію Deutche Grammatik, ч. I, стр. IX.

роды, который, вмѣстѣ съ молокомъ матери, даетъ намъ и рѣчь, и доводитъ ее до совершенства въ лонѣ отческаго дома. Подобно всему естественному и нравственному, языкъ есть неосязаемая, безсознательная тайна, отъ юности въ насъ вкоренившаяся, и самые органы слова опредѣлившая намъ для собственныхъ отечественныхъ звуковъ, оборотовъ, изгибовъ, жесткихъ или мягкихъ; отъ того схватываетъ насъ завѣтное, вожделенное чувство, когда на чужой сторонѣ прозвучитъ намъ родное слово; отъ того и невозможность узнать иностранный языкъ, т. е. въ искреннемъ, родномъ употребленіи его. И кто бы могъ подумать, чтобы зародышъ, столь глубоко положенный въ насъ, и возрастающій по природнымъ законамъ мудрой бережливости, учители грамматики вздумали вытягивать и усиливать пошлыми и неумѣстными своими правилами? И кто не запечалится о юношахъ и дѣтяхъ вовсе не дѣтствовавшихъ, которые говорятъ чисто и правильно, но подъ старость не сочувствуютъ своей юности? Спросите-ка истиннаго поэта, который владѣетъ содержаніемъ, духомъ и правилами языка, разумѣется, иначе, нежели всѣ вмѣстѣ граммастисты и составители словарей, спросите его, чему онъ научился изъ Аделунга, да еще и заглядывалъ ли въ него? За 600 лѣтъ всякій простой мужикъ изъ ежедневнаго своего употребленія зналъ такія совершенства и тонкости нѣмецкаго языка, о которыхъ и не мечтаютъ наши теперешніе, даже лучшіе, учители Граммастики. Въ сти-

хотворешіяхъ какого нибудь Вольфрама фонъ Эшенбахъ, или Гартманна фонъ Ауе, никогда даже и не слыхавшихъ о склоненіяхъ да спряженіяхъ, и едвали умѣвшихъ читать и писать, отличія существительнаго и глагола постоянно удерживаются въ измѣненіяхъ и въ предложеніи съ такою вѣрностью и точностью, которыя мало по малу можемъ мы открывать только путемъ науки, но употреблять никогда уже не можемъ, ибо языкъ идетъ своимъ неизмѣннымъ путемъ. И сами эти Граммашики обманъ и заблужденіе: ясно, какой плодъ онѣ могутъ принести въ школахъ, когда не лелѣютъ, а обрываютъ тѣ распуски, которыя должны бы развертываться сами собою. Весьма важно и неоспоримо замѣчаніе многихъ, что дѣвицы, обыкновенно менѣе мучимыя въ школахъ, умѣютъ чище говорить, красивѣе ставить слова и естественнѣе выбирать ихъ: ибо онѣ образуются болѣе по внутренне-развивающейся необходимости, а гибкость и утонченность языка возрастаютъ рука объ руку съ духовнымъ усовершенствованіемъ. Всякій Нѣмецъ, знающій понѣмецки плохо, но правильно, т. е. всякій необразованный, можетъ быть названъ, по мѣткому выраженію одного Француза (Ch. Villers: la grammaire en personne), самостоятельною живою Граммашикою, которой нѣтъ дѣла ни до какихъ правилъ, составленныхъ учителями языка. Поэтому нѣтъ Граммашики отечественнаго языка для школъ и домашняго употребленія, нѣтъ легкаго извлеченія простѣйшихъ и потому именно удивительнѣйшихъ эле-

ментовъ, изъ коихъ каждый доходитъ до теперешняго своего вида отъ незапамятной древности: то обученіе грамматическое можетъ быть только строго-ученое." Въ дополненіе къ этому мнѣнію надлежитъ припомнить объясненіе, высказанное Гриммомъ въ предисловіи ко второму изданію Грамматики: онъ нападаетъ только на безсмысленное первоначальное преподаваніе, но нисколько не уничтожаетъ разумнаго обученія отечественной Грамматикѣ въ высшихъ классахъ 1).

Авторитетъ Гримма такъ великъ, сужденія его о предметѣ, коему онъ съ любовью посвятилъ всю свою жизнь, такъ безпристрастны, что всякій учитель отечественнаго языка невольно убѣдится въ ихъ глубокой справедливости. Для насъ особенно важно то, что эту Гриммову филиппику гуманисты обыкновенно бросали въ глаза реалистамъ; между тѣмъ какъ въ ней же и сильная защита обученію языку отечественному. Если слова Гримма не противорѣчатъ послѣдовательному развитію педагогическихъ споровъ, изложенныхъ мною выше: то беру на себя смѣлость сказать, что мы уже стоимъ на пути къ примиренію враждующихъ мнѣній.

Въ заключеніе предлагаю главнѣйшія положенія, съ которыми надлежитъ соображаться въ преподаваніи отечественнаго языка.

---

1) Deutsch. Gr. 1822, I, стр. XIX.

1. Все граммашическое ученіе должно быть основано на чтеніи писашеля. Главная задача состоишъ въ томъ, чтобы дѣти ясно понимали прочтенное и умѣли правильно выражашься словесно и письменно.

2. Граммашика должна быть только прибавленіемъ къ чтенію, къ письменнымъ и словеснымъ упражненіямъ: она не можешъ быть самостоятельною, системашическою наукою въ первоначальномъ обученіи.

3. На первой, низшей степени, отечественная Граммашика, въ связи съ практическими упражненіями, предполагаешъ двѣ цѣли: образованіе и развитіе дѣтскихъ способностей (Общая Граммашика), и безошибочное употребленіе рускаго языка словесно и письменно (Частная Граммашика).

4. На высшей степени Граммашика является наукою: здѣсь выступаешъ сравнительное и историческое языкознаніе въ связи съ чтеніемъ церковнославянской, древнеруской и новой литературы. Эта степень должна быть необходимымъ восхожденіемъ отъ предыдущей; такъ, напр., первоначально дѣти привыкли безошибочно ставить *ъ* въ нарѣчіяхъ *гдѣ*, *кромѣ*: теперь объясняется имъ, почему здѣсь слѣдуешъ быть этой буквѣ. Какъ частная руская Граммашика отъ правописанія восходишъ здѣсь до исторической, такъ общая до сравнительной.

5. Метода первоначальному преподаванію отечественнаго языка должна быть *генетическая*, осно-

вывающаяся на постепенномъ развитіи въ дитяти врожденнаго дара слова: она слѣдитъ за ходомъ самой природы, безусловно подчиняя ей предметъ преподаваемый. По этой методѣ ученику не дается ничего новаго, но только уясняется и приводится въ сознаніе то, что онъ уже имѣетъ. Этимъ отличается метода обученія отечественному языку отъ всякой иной. Остальные предметы преподаванія строятся на искуственной системѣ, родной же языкъ развивается и уясняется по законамъ самой природы. Слѣдуя этимъ законамъ, метода становится генетическою. Она столько же основывается на сущности самого предмета, то есть, роднаго языка, сколько и на личности учащагося. Даже можно сказать, что на первой степени юношескаго возраста— родной языкъ и личность совпадаютъ другъ съ другомъ. Изъ этого общаго начала слѣдуютъ частныя положенія:

а) Вмѣстѣ съ языкомъ образовывать и развивать всѣ духовныя способности, разумѣется, на чтеніи писателя.

б) Не подчинять ученія искуственной системѣ; напр. не начинать Грамматики опредѣленіемъ этимологіи, синтаксиса, и т. п. Система должна быть въ головѣ учителя и въ успѣхахъ учениковъ, а не въ учебникѣ.

в) Отъ конкретнаго, чувственнаго представленія, въ самомъ языкѣ заключающагося, восходить къ отвлеченностямъ, а не наоборотъ; потому, напр.,

педагогически ложно обыкновенное опредѣленіе предложенія: предложеніе есть сужденіе, выраженное словами; для первоначальнаго преподаванія правильнѣе будетъ наоборотъ: сужденіе есть предложеніе, не выраженное словами, а продуманное вполхомолку. Предложеніе же объяснишь практически при чтеніи писателя.

г) Начинать граммапическое обученіе объясненіемъ предложенія, изъ коего вывести части рѣчи въ связи съ частями предложенія.

д) Склоненія, спряженія, согласованіе, управленіе и ш. п. объяснять гейристически; ш. е. искусными, но простыми вопросами доводить дѣтей, чтобы они сами съ перваго разу съумѣли отличать граммапическія формы своего языка; напр. учитель спросишъ: можно ли сказать *добрая учитель, ученики прилеженъ*? Дѣти сами поправятъ и дойдутъ до понятія о родахъ и числахъ.

6. Такъ какъ языкъ, кромѣ знанія, предполагаетъ и умѣнье: потому и отечественная Граммапика не довольствуется только развитіемъ природнаго дара слова, но руководствуетъ ученика въ *искуствѣ* читать, говорить и писать. Все это искуство должно быть основано на практическихъ упражненіяхъ. Доселѣ Граммапика и языкъ въ обученіи были двѣ совершенно разрозненныя области, между тѣмъ какъ Граммапика, даже какъ руководство къ искуству правильнаго употребленія языка, должна исходить изъ чтенія, разговора и письма. Потому ве-

личайшая ошибка многихъ учителей въ томъ, что они заставляютъ дѣтей выучивать, напр., правила правописанія не въ связи съ письмомъ, тогда какъ учебникъ долженъ быть только справочною книгою при диктантѣ.

7. Чтеніе и письмо должны идти въ параллели съ грамматическимъ обученіемъ; такъ, напр., какъ скоро дѣти узнали предложеніе, тотчасъ уже могутъ отдѣлить одно предложеніе отъ другаго — при чтеніи остановкою голоса, на письмѣ знакомъ (сначала только запятою). Слѣдовательно, искусственная система нашихъ учебниковъ, помѣщающая знаки препинанія на концѣ Грамматики, вовсе не система, ибо нисколько не примѣнительна въ педагогическомъ отношеніи.

8. Правописаніе и словопроизношеніе не составляютъ теоретической части Грамматики: они суть не что иное, какъ примѣненіе этимологическаго и синтаксическаго ученія къ практикѣ.

9. Постоянно надобно отличать преподаваніе отечественнаго языка отъ иностраннаго, слѣд. никогда не говорить дѣтямъ того, что они знаютъ уже сами: стало-быть и не мучить ихъ склоненіями и спряженіями со множествомъ подраздѣленій и различій. Подробностей, неизвѣстныхъ дѣтямъ, немного: они узнаются при чтеніи и диктантѣ.

10. Отечественная Грамматика, какъ наука, въ низшихъ классахъ замѣняетъ Логику, а въ высшихъ становится Сравнительно-Историческою

Граммашикою. Многіе педагоги несправедливо исключаютъ сію послѣднюю изъ Гимназическаго курса, между тѣмъ какъ необходимость ея неоспорима — и въ практическомъ отношеніи: ибо сравнительное языкознаніе служитъ руководствомъ въ переводахъ и облегчаетъ изученіе чужихъ языковъ, а историческое необходимо для уразумѣнія памятниковъ древней, средней и даже новой литературы нашей; — и въ теоретическомъ: ибо только сравнительное изученіе языковъ даетъ истинное и ясное понятіе о законахъ языка, и только историческое изслѣдованіе генетически объясняетъ, почему такъ, а не иначе употребляемъ мы ту или другую форму.

11. Какъ скоро изученіе отечественнаго языка переходитъ въ науку, тотчасъ должно получить систематическій характеръ. Но поелику система имѣетъ цѣнность тогда, когда уже знаешь матеріалы, имѣющіе быть приведенными въ систему: то и систематической Сравнительно-Исторической Граммашикѣ должно предшествовать съ одной стороны практическое изученіе чуждыхъ языковъ въ сближеніи съ рускимъ, а съ другой чтеніе памятниковъ нашей литературы, и древнихъ и новыхъ. Разумѣется, въ головѣ учителя постоянно должна быть система, но онъ сначала передаетъ ее дѣтямъ при чтеніи только частями, объясняя частныя явленія языка. Такимъ путемъ возбудится въ учащихся внутренняя потребность системы, и будетъ для учителя указателемъ, что уже пришло время собрать разрозненные матеріалы въ органическое цѣлое.

12. Такъ какъ много потеряли мы живаго сочувствія къ родному языку, въ слѣдствіе постояннаго его движенія и измѣненія, а частію и порчи: потому и онъ, какъбы нѣсколько чуждый, заключаетъ для насъ много неяснаго, иногда даже неизвѣстнаго, не только въ древней нашей литературѣ, но и въ народной рѣчи. Возведеніе къ сознанію всего неяснаго и неопредѣленнаго требуетъ науки отечественнаго языкознанія, которая, будучи сравнительной и исторической, ни сколько не противорѣчитъ основнымъ началамъ гуманизма, и примиряетъ его съ реализмомъ.

13. Отечественный языкъ и на высшей степени, т. е. сравнительно-исторической, гдѣ только возможно, долженъ преподаваться генристически: формы устарѣлыя сближать съ теперешними, чуждыя съ родными, и намеками заставлять, чтобы сами ученики открывали неизвѣстное посредствомъ извѣстнаго.

РЕТОРИКА И ПИТИКА

1. Схоластики и беллетристы.

Преподаваніе Реторики и Піитики обыкновенно страждетъ всѣми недостатками поверхностнаго реализма. Учителей Словесности въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на три статьи: одни просто душно проходятъ съ своими учениками, строка въ строку, схоластическіе учебники; другіе, вкусившіе въ Университетѣ плодъ философскаго познанія, бе-

рушся за эстетику и философію словесности; третьи, не имѣя призванія философствовать, передаютъ ученикамъ множество фактовъ изъ исторіи всеобщей словесности по университетскимъ тетрадкамъ, по Вильменю, Сисмонди и т. п. Опытный и разсудительный учитель, къ какому бы отдѣлу изъ этихъ трехъ ни принадлежалъ, — часто приноситъ большую пользу, только не теоріею, а практическими занятіями, чтеніемъ образцовыхъ писателей и письменными упражненіями. Что же касается до этихъ трехъ родовъ теоретическаго преподаванія, то, при бѣгломъ взглядѣ на нихъ, увидимъ, какъ они недостаточны.

1. Толкователь устарѣлыхъ Реторикъ, не мудрствуя лукаво, приноситъ пользы болѣе, нежели учитель эстетической или исторической школы. Схоластическая Реторика знакомитъ учениковъ по крайней мѣрѣ съ терминами и стариннымъ ученіемъ, которое, безъ сомнѣнія, нужно знать всякому образованному человѣку хоть до тѣхъ поръ, пока, въ шутку ли серьёзно ли, будутъ говорить и писать о хріяхъ, источникахъ изобрѣтенія и т. п. Учитель даже принесетъ пользу, если эту старобылную теорію пройдетъ при чтеніи писателя. Но величайшее затрудненіе въ томъ, какъ согласитъ это отжившее ученіе съ современнымъ состояніемъ знанія? Всякій учитель, сколь ни равнодушный къ преподаванію, вѣрно не разъ посмѣется съ своими учениками надъ старинными пріемами схоластическихъ риторовъ, заимствуя свои ар-

гумепты по крайней мѣрѣ хоть изъ какого нибудь ежемѣсячнаго изданія. Неужели учитель употребитъ годъ или даже два на такую Реторику, которую потомъ профессоръ Университета уничтожитъ, и докажетъ слушателямъ, что они учились пустякамъ? Слѣд., какъ же согласитъ совѣсть учителя съ преподаваніемъ того, во что онъ не вѣритъ, какъ въ отжившее и давно падшее? Какъ сберечь время на болѣе полезное, удержавъ изъ прежней реторики все нужное?

2. Учители эстетической или философской школы еще опрометчивѣе. Не давъ ученикамъ заучить хорошенько ни хрій, ни общихъ мѣстъ, они уже смѣются надъ этою стариною, какъ профессоръ съ каѳедры. Свой курсъ располагаютъ они по идеямъ истины, добра и изящества; покушаются на раздѣленіе искуствъ и т. д. Нѣкоторые учители охотники толковать гимназистамъ объ Аполлонѣ Бельведерскомъ, Геркулесѣ Фарнезскомъ и даже Венерѣ Медицейской. Конечно, не вина учителей Гимназіи, что они разсуждаютъ о томъ, о чемъ не имѣютъ яснаго понятія: для Эстетики нужны музеи и галлереи. Можетъ ли она быть введена въ руское образованіе — это другой вопросъ; но зачѣмъ же гимназистовъ учить тому, что еще не привилось и къ Университетамъ, по своей трудности? Восторженные же возгласы учителей объ Лаокоонѣ не только нелѣпы и смѣшны, но даже и вредны для дѣтей: ибо пріучаютъ ихъ къ поддѣльному восторгу и фальшивымъ ощущеніямъ. Мно-

гіе учители, по справедливости недовольные старинными учебниками, берутъ въ руководство университетскія лекціи о теоріи словесности. Ошибка очевидна: что назначено для Университета, то не годится для Гимназіи; и учители Гимназіи унижаютъ тѣмъ глубокомысленные труды профессоровъ, вкомачивая ихъ въ голову гимназистамъ почти выучкой наизусть. Студенты словеснаго отдѣленія читали уже Гомера, Виргилія, можетъ быть, даже Данте и Аріоста: для нихъ, разумѣется, понятна университетская теорія Эпоса. Какъ же гимназистамъ растолковать оную во всемъ объемѣ, начиная отъ греческаго Эпоса до Романа, когда они еще ни одной эпопеи не прочли сполна? Еще не сообразнѣе опредѣлять въ Гимназіи такъ называемое философское краснорѣчіе, ибо учители сами, не учась Философіи въ Университетѣ, или учась кое-какъ, не въ силахъ уяснить себѣ этого предмета положительно. Притомъ же въ теоріи словесности очень много несостоятельнаго и ни на чемъ неосновательнаго: часто случается читать и слушать журнальные споры о томъ, поэма ли, или романъ, ода, или элегія такое-то произведеніе? Вообще, строгое систематическое опредѣленіе родовъ и видовъ поэзіи въ Гимназіи невозможно. Категоріи эпическаго, лирическаго и драматическаго, извлекаясь изъ общей идеи изящнаго въ искусствѣ, проходятъ по всѣмъ родамъ онаго — и по скульптурѣ, и живописи и поэзіи. Чтобъ объяснить, напр., эпическое, надобно взять въ соображеніе и фронтоны Египетскіе, и Ельджинскіе

антики, и скульптурные идеалы боговъ греческихъ, и Страшный судъ Микель-Анжело, и проч., и проч. Для опредѣленія изящнаго надобно показать значеніе идеи, и слѣд. переселиться въ самую отвлеченную и возвышеннѣйшую часть Философіи. Но въ Гимназіи все это неисполнимо, какъ бы слѣдовало: то нечего и упоминать ученикамъ, какъ не слѣдуетъ и кой-какъ о томъ, въ чемъ часто и учитель не отдаетъ себѣ яснаго отчета. Надобно же однако знать поступающимъ въ Университетъ роды и виды словесныхъ произведеній: какъ же исполнить неисполнимое? Гдѣ прямой и естественный путь къ этому знанію?

3. Едвали не столько же ошибаются учители историки, замѣняющіе философскую систему разсказами о жизни и содержаніи сочиненій различныхъ писателей всѣхъ временъ и народовъ. Удивительно, какъ достаетъ смѣлости и совѣсти у тѣхъ, кто, по чужимъ толкамъ, восхищается, судитъ и осуждаетъ такихъ писателей, коихъ не только никогда не читалъ въ подлинникѣ, но, можетъ быть, никогда и не прочтетъ за незнаніемъ языковъ. А многіе наставники Словесности любятъ помечтать съ своими учениками о Рамайянѣ и Магабгаратѣ, о Нибелунгахъ и романсахъ Сида, не видавъ и въ глаза ни одного изъ сихъ произведеній. Пусть люди образованные, но не филологи по ремеслу, толкуютъ и пишутъ о чемъ хотятъ, хвастая знанія изъ седьмыхъ рукъ: учителю слѣдуетъ быть скромнѣе и добросовѣстнѣе. Одно ужъ то вредно и смѣшно въ классѣ, когда учитель, разсказывая

содержаніе какого нибудь произведенія, сочиненнаго на неизвѣстномъ ему языкѣ, перековеркаетъ и перевретъ собственныя имена: что почти неизбѣжно при незнаніи языка подлинника. Еще смѣшнѣе, когда учитель, не читавшій въ оригиналѣ, напр., хотъ Шекспира, станетъ съ учениками восхищаться глубокими мыслями его драмъ въ переводѣ: ибо во всей глубинѣ и точности передать отдѣльныя красоты геніальнаго сочиненія не возможно. А случается и то, что учитель съ учениками восхищается ошибками переводчика. Изъ исторіи Литературы можно останавливаться на подробностяхъ только при такомъ произведеніи, которое не только учитель изучилъ добросовѣстно, но и сами ученики прочли: такое ученіе будетъ имѣть смыслъ и цѣну. Конечно, многіе учители на различныхъ языкахъ изучали нѣкоторыхъ классиковъ: но они не должны разсказывать содержанія оныхъ ученикамъ — вопервыхъ ужъ потому, чтобы не дать имъ повода къ поверхностнымъ и легкимъ толкамъ о томъ, чего они не знаютъ основательно; вовторыхъ, чтобы или слишкомъ подробнымъ, или некраснорѣчивымъ и неискуснымъ разсказомъ не опошлить произведенія, и не отнять у учениковъ охоты прочесть оное когда нибудь въ подлинникѣ. Если кому хочется насладиться красотами Данте или Сервантеса, пусть тотъ купитъ свое наслажденіе трудомъ, изучивъ ихъ въ оригиналѣ. Тунеядцы въ наукѣ нетерпимы, и учители сами не должны распложать ихъ. Неумѣстное и преждевременное пользованіе

чѣмъ нибудь не есть довольство, а порочная роскошь. Если уже необходимо, чтобы учитель Гимназіи познакомилъ учениковъ съ иностранными писателями; то пусть ограничится самою голою номенклатурою собственныхъ именъ и оглавленій сочиненій и сочинителей съ самыми краткими характеристиками, чтобы какъ нибудь запечатлѣть ихъ въ воображеніи и памяти учащихся безъ скуки и принужденія. Касательно же подробнаго изложенія содержанія произведеній, думаю, что кромѣ отечественныхъ да классическихъ греческихъ и римскихъ, никакіе другіе писатели не имѣютъ права быть подробно объясняемы въ Гимназіи: ибо всякій учитель Словесности обязанъ прочесть въ подлинникѣ Гомера, Софокла, или Горація. Основательное и добросовѣстное чтеніе Гомера и Виргилія, съ подробнымъ разборомъ, лучше всякой теоріи и исторіи Литературы познакомитъ гимназистовъ съ значеніемъ эпоса. Разборъ греческой трагедіи, прочтенной учениками въ подлинникѣ, будетъ для нихъ лучшею теоріею драмы. Конечно, такое знаніе будетъ не полно; для эпоса, напр., необходимо бы познакомиться съ поэмою Данте: но всякій ли профессоръ обладаетъ достаточными къ тому свѣденіями, чтобы рѣшиться на этотъ подвигъ добросовѣстно и сознательно? Для Гимназій же такое всеобъемлющее произведеніе среднихъ временъ вовсе недоступно, ибо предполагаетъ самое подробное знаніе европейской исторіи XII, XIII и XIV в. Произведенія другихъ писателей, какъ напр., Боккачіо, Петрарки,

Аріоста, Тасса и т. п. не могутъ въ Гимназіи пракшоваться въ подробности потому, что учитель вѣрно не захочетъ быть орудіемъ соблазна для своихъ питомцевъ: дѣти еще не умѣютъ господствовать надъ страстями; художественное произведеніе измѣряютъ они не эстетическимъ чувствомъ, а совокупнымъ нравственнымъ дѣйствіемъ на всю душу. Лучшіе эпизоды въ Освобожденномъ Іерусалимѣ — объ Ерминіи, Армидѣ и т. п. — вовсе недоступны имъ въ своей эстетической чистотѣ, отрѣшенные отъ всякаго интереса низкаго желанія.

Итакъ non multa sed multum, вмалѣ учить многому, а не во многомъ малому. Для гимназистовъ строгая система Эстетики не возможна: довольно, если сумѣютъ они отличить эпосъ отъ драмы, трагедію отъ комедіи, оду отъ элегіи. А для этого очень, очень достаточно будетъ и тѣхъ матеріаловъ, которые заготовятъ гимназистамъ Исторія руской Литературы и учители древнихъ языковъ подробнымъ изученіемъ классиковъ.

2. Филологи.

Опытъ всего важнѣе въ Педагогикѣ; вотъ исповѣдь одного глубокомысленнаго нѣмецкаго учителя Словесности въ томъ, какъ онъ преподавалъ Піитику и Реторику 1):

„Съ 1829 и 1830 г. Теорія Словесности опять принята была въ число учебныхъ предметовъ въ

1) L. Döderlein, Reden und Aufsätze, 1843, стр. 261.

баварскихъ Гимназіяхъ. До той же поры почти по всей Германіи была она оподозрѣна; причиною этому схоластическая форма сей науки; особенно ученіе о тропахъ и фигурахъ, и педантское примѣненіе ихъ къ чтенію и письменнымъ упражненіямъ. Отвращеніе отъ сей науки мало по малу дошло до такого предразсудка, что вся Реторика казалась наукою устарѣлою, сборищемъ пустыхъ формулъ; саморазвитіе и воспитаніе природнаго чувства къ изящному почиталось полезнѣе всякой теоріи; древнія правила изящнаго и постоянное указаніе на подражаніе древнимъ образцамъ считались ярмомъ дарованію. Но общее сознаніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, нашло необходимымъ опять возстановить падшую науку. Тогда я взялъ на себя преподаваніе этого предмета. И Реторикѣ и Поэтикѣ училъ я постоянно по правиламъ древнихъ, и сколько возможно тѣснѣе примыкалъ свой предметъ къ гуманистическому ученію, старательно избѣгая того, чтобы не дать своимъ ученикамъ характера реальныхъ школъ. Мой курсъ располагался на три года, по два часа въ недѣлю, ученикамъ отъ 14-лѣтняго возраста до 21 года. Первый годъ посвящался Поэтикѣ, второй Реторикѣ, третій Стилистикѣ. Такъ какъ всѣ три класса соединялись вмѣстѣ, то каждому приходилось начинать курсъ не однимъ и тѣмъ же предметомъ. Поэтика начиналась элементарной метрикою, ограничивавшеюся изложеніемъ употребительнѣйшихъ метровъ: предѣломъ полагался метръ трагическа-

го хора. Съ теоретическимъ ученіемъ соединялось практическое упражненіе въ древней версификаціи. Вмѣсто систематическаго изложенія Пиндики предлагалъ я исторію Поэзіи, такъ что все отвлеченное объ эпосѣ или трагедіи излагалось конкретно въ разборахъ Гомера, Софокла или Шиллера. Отрывочное и афористическое преподаваніе этого предмета самое полезнѣйшее для юношескаго возраста. И въ исторіи Литературы не требуется полноты. Изъ Александрійскаго періода, напр. (за исключеніемъ Буколическихъ поэтовъ), заучивались немногія имена съ краткими замѣчаніями. Гимназисту нѣтъ безславія, если онъ еще не знаетъ Оппіана или Никандра. О древней нѣмецкой поэзіи, напр. о Нибелунгахъ, равномѣрно и о поэзіи всѣхъ новыхъ народовъ, говорилось столько, сколько нужно было для того, чтобы возбудить въ ученикахъ охоту къ изученію ея въ свободные часы, на досугѣ домашнемъ. Я никакъ не могъ рѣшиться на то, чтобы когда нибудь почесть необходимою задачею школы чтеніе Нибелунговъ, или еще тѣмъ менѣе чтеніе Шиллеровой или Гётевой трагедіи. И тѣмъ сильнѣе удивлялся я апатіи такого юноши, который, для чтенія Шиллерова Вильгельма Телля, дожидался бы побужденія со стороны школы.—Преподаваніе Реторики требуетъ иного начала. Гимназія должна образовать своего питомца оратором, т. е. прозаикомъ, а не поэтомъ. Даже ученика, одареннаго рѣшительнымъ поэтическимъ талантомъ, благоразумный учитель старатель-

но удерживаетъ на пріобрѣтеніи твердаго навыка въ хорошей прозѣ, и даже скорѣе препятствуетъ изліянію его поэтическаго духа, нежели возбуждаетъ: природа возметъ свое. Итакъ задача учителя въ томъ, чтобы учащіеся умѣли прозу *воспроизводить* сами, а поэзію *понимать*, наслаждаться и цѣнить ее. Поэтому въ Реторикѣ болѣе, нежели въ Піитикѣ, отдѣляю я теорію отъ исторіи. Разбираю важнѣйшихъ, т. е. классическихъ историковъ, философовъ и ораторовъ, преимущественно древнихъ, и обращаю вниманіе болѣе на ихъ сочиненія, нежели на жизнь, и притомъ не на всѣ ихъ сочиненія, а на тѣ, которыя занимательнѣе и полезнѣе возрасту моихъ учениковъ, и которыя я самъ лучше знаю и болѣе люблю. Ибо сколь заслуживаетъ порицанія учитель, сообщающій въ классѣ свои *личныя мнѣнія*, столько приноситъ пользы тотъ, кѣмъ движетъ *личное чувство*, выступающее изъ-за предмета преподаваемаго; пусть будетъ оно и односторонне — только чтобы не было запѣйливо, вычурно и нелѣпо. Отдѣлъ о Философіи начинаю обзоромъ области Философіи, т. е. исчисленіемъ главныхъ философскихъ наукъ съ краткимъ объясненіемъ. Исторія Философіи проходится столько, сколько нужно для философскихъ намековъ у Цицерона. Изъ новыхъ философовъ привожу только такихъ, кои, кромѣ своей системы, имѣютъ и литературное достоинство. Потомъ излагаю первоначальные элементы Логики, ограничиваясь тремя частями

чистой Логики, дающими матеріалъ для умственныхъ и практическихъ упражненій. І. Г. Фоссъ возложилъ на мою совѣсть обязанность, чтобы я училъ своихъ учениковъ составлять правильные силлогизмы. Опъ обзора знаменитыхъ ораторовъ перехожу къ остальнымъ частямъ теоріи, объясняя описанія, посланія и т. п. Изобрѣтеніе прохожу весьма кратко. Расположеніе же давало поводъ къ полезнымъ практическимъ занятіямъ. Не забывалъ я и старомодной хріи. Особенно полезно было для учениковъ извлекать расположеніе изъ разобранныхъ рѣчей.—Стилистика занимаетъ цѣлый годъ. Начинаю Граммапикой, съ законовъ общаго языковѣденія, не углубляясь слишкомъ въ философію языка. Вмѣстѣ съ Гриммомъ, я признаю себя рѣшительнымъ противникомъ систематической Граммапики отечественнаго языка, какъ необходимаго предмета въ школахъ. Сравнительный синтаксисъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ мало распространенъ въ Гимназіяхъ. Ученіе о граммапической, логической и реторической правильности слога состоитъ въ моемъ преподаваніи болѣе изъ примѣровъ, чѣмъ правилъ. Тропы и фигуры — разумѣется несравнено въ меньшемъ числѣ, нежели у древнихъ — предлагаютъ самый удобный случай къ упражненію учениковъ въ строгомъ разграниченіи и опредѣленіи понятій. Отличіемъ трехъ родовъ слога, въ противоположность безыскусственной рѣчи, оканчивается курсъ.“

Читатели замѣтили, вѣроятно, въ Дёдерлейнѣ истаго гуманиста, но умѣреннаго и скромнаго.

Всякое положеніе его проникнуто здравымъ смысломъ и скрѣплено опытомъ. Ни одинъ урокъ при такой методѣ не пропадаетъ для учениковъ даромъ. Только замѣчу, что эта теорія Піитики и Реторики, неизмѣнно служа древнимъ классикамъ, слишкомъ чуждается исторіи отечественной Литературы. Притомъ, хотя Дёдерлейнъ прекрасно отдѣляетъ Піитику отъ Реторики въ педагогическомъ отношеніи, однако не проводитъ постояннаго соотвѣтствія между теоріею и практическими упражненіями, безъ коихъ Реторика и Стилистика и безсмысленны, и мертвы.

3. Лингвисты и Философы.

Успѣхи Филологіи и Лингвистики, подвинувъ впередъ Грамматику, предлагаютъ множество новыхъ матеріаловъ для Стилистики, которая, какъ руководство къ практикѣ и какъ наука, должна органически примкнуться къ Грамматикѣ: у Дёдерлейна отъ Грамматики къ Стилистикѣ скачекъ. Разумѣется, такая наука еще въ будущемъ. Посмотримъ, по крайней мѣрѣ, какъ мечтаютъ о ней въ наше время.

Вотъ планъ ученой Реторики, составленный Кригеромъ, Ректоромъ Гимназіи въ Эмденѣ 1).

„Введеніе объясняетъ отношеніе Реторики къ предыдущему и послѣдующему. Показывается, какъ

1) Pädagogische Revue, herausg. von Dr. Mager. 1845. N. I, стр. 29.

идея и языкъ вовсе не составляютъ того нераздѣльнаго единства, какое представляютъ они съ перваго взгляда. Возможность лжи и разнообразіе въ выраженіи одной и той же мысли различными народами и людьми возбуждаютъ подозрѣніе къ тому, чтобы сіе единство было первобытное. Такимъ образомъ положится различіе между мыслію и словомъ. Безсловная мысль можетъ и предшествовать слову, и послѣдовать за нимъ. Даже у великихъ писателей (Гегеля, Гёте, Шекспира) остается позади слова безконечное множество мыслей, коихъ они или не хотѣли, или не могли выразить, слѣд. произволъ есть начало словесному творчеству. Здѣсь исходная точка къ первой части, разсуждающей объ идеѣ языка; дальнѣйшее развитіе этой части составляетъ содержаніе второй, объ особенныхъ формахъ языка; за тѣмъ слѣдуетъ третья часть объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ слова, рѣчи и словесныхъ произведеній. Первая часть объ идеѣ языка, въ трехъ отдѣлахъ, разсматриваетъ объективное, чувственное выраженіе языка; субъективное, т. е. мысль и ея отношеніе къ слову, и наконецъ единство того и другаго въ рѣчи. Въ первомъ отдѣлѣ разсматривается звукъ самъ по себѣ, и изъ сравненія звуковъ звѣря и начинающагося языка дѣтей опредѣляется символика языка (вопросъ о началѣ языка: природа или изобрѣтеніе? Платоновъ Кратилосъ. Гумбольдта введеніе въ Грамматику языка Кави. Гегель.). Для опредѣленія объективной характеристики звука въ гласныхъ, согласныхъ и въ

образованіи словъ, при сравнительной этимологіи, показать противуположныя крайности — междометія и логическое измѣненіе словъ въ склоненіи и спряженіи. Второй отдѣлъ, о мысли, имѣетъ предметомъ общія мѣста. Этотъ отдѣлъ подраздѣляется на три: вопервыхъ loci ideales: утвержденіе, отрицаніе, отношеніе, соотвѣтствующія тремъ логическимъ категоріямъ — быть, не быть и стать 1); вовторыхъ loci reales: сочиненіе (coordinatio), подчиненіе, переходъ; втретьихъ loci grammatici или syntactici: подлежащее, сказуемое, предложеніе: послѣднее чрезъ сложное предложеніе развивается до періода. Въ общихъ мѣстахъ, имѣющихъ цѣлью найти содержаніе опредѣленной формѣ рѣчи, обозначается противуположность между содержаніемъ и выраженіемъ; сюда идутъ въ расчетъ ложь, двусмысліе, невыразимое. Потребность сообщать мысль будетъ переходомъ къ третьему отдѣлу, о связи звука съ идеею. Сообщеніе мысли постепенно восходитъ отъ пѣлодвиженій до звуковъ, какъ выраженія болѣе родственнаго мысли. Переходя отъ втораго къ третьему отдѣлу, можно указать на пресловутое изреченіе: le stile c'est l' homme; или здѣсь вовсе не взята въ расчетъ ложь, и потому мысль остается ограниченная, полувѣрная;

---

1) Такъ какъ существительнымъ не льзя перевести Гегелево Werden, то и остальные два момента перевожу неокончательнымъ наклоненіемъ, соотвѣтствующимъ, какъ извѣстно, имени существительному.

или говорится вообще о томъ, что внутреннее выражается внѣшнимъ: тогда положеніе это ничтожно, излишне: ибо точно также можно сказать le rire, l'écriture, la danse, le travail, la joie, etc. c'est l'homme — потому что въ каждомъ изъ сихъ дѣйствій опосвѣчивается все внутреннее бытіе человѣка; въ этомъ отношеніи и слово будетъ выраженіемъ отдѣльной части общаго, хотя и самое высшее выраженіе. Переходъ отъ первой части ко второй образуетъ общая всѣмъ людямъ потребность къ взаимному выраженію въ формахъ вопроса, отвѣта, доказательства; въ формахъ, кои опредѣляются въ общей части Топики.—Вторая часть объ особыхъ формахъ языка граничитъ съ личнымъ слогомъ, свободнымъ выраженіемъ индивидуума. Дѣлится на три отдѣла. Первый отдѣлъ объ общечеловѣческомъ, что принадлежитъ всѣмъ языкамъ, согласно развиваясь исторически и логически. Измѣненія (флексія) словъ, какъ первобытныя и общія всѣмъ языкамъ; части рѣчи. Общимъ сравнительнымъ синтаксисомъ будетъ переходъ ко второму отдѣлу, объ идіомахъ различныхъ народовъ. Идіомъ есть граница свободѣ языка, ограниченіе общечеловѣческаго въ отдѣльныхъ языкахъ. Задача этого отдѣла показать особыя явленія языковъ въ главныхъ типахъ — восточномъ, еллинскомъ и германскомъ. Ориентализмъ болѣе указываетъ словомъ, нежели высказываетъ (символика, благоговѣйная вѣра въ слово, какъ въ нѣчто таинственное); эллинизмъ наближайше совокупляетъ идею и слово; герма-

низмъ, въ противоположность оріентализму, сознаніемъ возвышается надъ словомъ: отчего пропадаетъ внѣшнее, чувственное разнообразіе первоначальныхъ флексій. Третій отдѣлъ — объ индивидуальномъ слогѣ, въ коемъ соединяется, для единой цѣли, общечеловѣческое съ особенностью того или другаго языка. Вопервыхъ, простой слогъ (по Квинтиліану genus tenue; непосредственное единство содержанія и формы); вовторыхъ, противоположность между принужденіемъ и свободою — съ одной стороны фразеологія, пословицы, поговорки и проч., — а съ другой стороны — произволъ, оригинальность писателя; втретьихъ, образцовый классическій слогъ. Примѣры послѣднему слогу выбирать съ осторожностью, и притомъ болѣе изъ греческихъ авторовъ, чѣмъ изъ латинскихъ и нѣмецкихъ, между коими, кромѣ Цицерона, Лютера и Гёте, весьма немногіе обладаютъ слогомъ вполнѣ классическимъ. — Третья часть — система отдѣльныхъ словесныхъ произведеній. Первый отдѣлъ указываетъ на три степени рѣчи: первая природная или народная (avant la lettre! ощущеніе этой рѣчи до сихъ поръ сохраняетъ чувствительный недостатокъ во всѣхъ Реторикахъ); вторая, умствующая и разсуждающая (verständig-reflectirte): она освобождаетъ себя письменами отъ первобытнаго единства; третья, свободноразумная (vernünftige Sprache) сознательно возстановляетъ это первоначальное единство. Второй отдѣлъ раздѣляетъ содержаніе на объективное, субъективное и абсолютное. Каждое изъ этихъ со-

держаній находится въ каждой изъ трехъ степеней рѣчи (перваго отдѣла): первая, природная степень бываетъ разсказомъ, наблюденіемъ и разговоромъ; вторая — исторія, разсужденіе, рѣчь; третья—эпосъ, лирика, драма. Въ системѣ, поэзія стоитъ выше прозы, потому что искусственно-изящный языкъ есть совершеннѣйшій. Послѣдній отдѣлъ развиваетъ понятіе о слогѣ въ тѣсномъ смыслѣ (elocutio) на основаніи граммат ической Топики, по качеству, количеству и отношенію. Во-первыхъ качество слова опредѣляется понятіемъ о κυριολεξία (proprietas съ подраздѣленіемъ объ архаизмѣ, неологизмѣ, пуризмѣ), объ ἀλλολεξία (γλῶτται, синонимы, гомонимы и проч.), о тропѣ. Кстати опровергнуть здѣсь странный предразсудокъ, будто нѣкоторые языки (то греческій, то англійскій, то французскій) такъ отличаютъ рѣчь прозаическую отъ народной и стихотворной, что одно слово принадлежитъ одной рѣчи, другое другой. Во-вторыхъ количество слова отличаетъ рѣчь совершенную отъ еллипсиса и плеоназма. Подъ плеоназмомъ разумѣются повторенія, перемѣны слова при неизмѣнности смысла, граммат ическій преизбытокъ. Особенно неопредѣленно понимается первый видъ плеоназма, повтореніе: что можетъ повторяться, какъ (граммат ически, логически, реторически), когда, и въ какой мѣрѣ, и въ какихъ границахъ. Та же неопредѣленность и въ понятіи объ эллипсисѣ въ формѣ патетической рѣчи (въ противоположность рѣчи эпической, непосредственной, безстрастной). На-

конецъ качество и количество соединяются въ отношеніи слова по ладу (nach Ton) и постановкѣ. Этотъ отдѣлъ подраздѣляется на статьи: о простомъ (логическомъ или грамматическомъ) ладѣ, объ эмфазисѣ, или эмфатическомъ ладѣ (по Беккеру, реторическомъ), о риѳмѣ (rhythmus), какъ соединеніи логическаго и эмфатическаго лада. Наука объ элементарномъ или прозаическомъ риѳмѣ являетъ еще обширное поле для обработки."

Въ этомъ планѣ Реторики надобно отличать двѣ стихіи: философскую, по Гегелю, и лингвистическую, какъ результатъ трудовъ Гримма, Гумбольдта, Беккера и друг. Вся система лежитъ на Логикѣ Гегеля, и потому безъ внутренней самобытной основы распадается противорѣчіями, и не имѣетъ самостоятельной цѣны; стремленіе же соплотить филологическое ученіе, общую Грамматику, Стилистику воедино, заслуживаетъ вниманія учителей. Дѣйствительно, только со стороны Грамматики, теоріи и исторіи языка, и можно ожидать воскресенія падшей Реторики. Только Филологія и Лингвистика дадутъ непреложныя начала теоріи Словесности и защитятъ ее отъ пошлой болтовни беллетристовъ. Планъ Кригера не противорѣчитъ курсу Дёдерлейна, будучи пополненіемъ и объясненіемъ Стилистики. Извѣстныя мнѣ нѣмецкія Реторики, всѣ примыкаютъ или къ философской школѣ, или филологической, или беллетрической. Реторика Гоффманна 1)

1) Philosophie der Rede, 1841.

есть самое отвлеченное гегеліанское толкованіе объ изобрѣтеніи, расположеніи и выраженіи. Реторика Рингне 1) сначала предлагаетъ ученіе о словѣ (лексиконъ, синонимы, архаизмы и проч.), потомъ о предложеніи и періодѣ, преимущественно по Беккеру; наконецъ о слогѣ и цѣломъ сочиненіи; причемъ подробно изслѣдуется гейристика (изобрѣтеніе), тематика, экономика или расположеніе и проч., съ весьма забавными правилами, какъ, напр., выставлять заглавія сочиненіямъ, какъ читанное записывать въ памятныя книжки, какъ соображать сочиненіе, уединившись въ кабинетѣ или въ прогулкѣ на вольномъ воздухѣ и т. п. Даровитѣе ихъ обоихъ Теодоръ Мундтъ 2), трактуетъ науку, какъ беллетристъ, что даже видно изъ самаго заглавнаго листа ästhetisch, literargeschichtlich, gesellschaftlich. Впрочемъ сила Лингвистики столь могущественна, что и Мундтъ иногда находится подъ вліяніемъ ученія Гримма, Гумбольдта и другихъ. Только отчаянныя философствующія головы еще осмѣливаются, подобно Гоффманну, отрѣшить Реторику отъ Грамматики. Кригеръ въ своемъ планѣ совокупилъ направленіе философское съ лингвистическимъ. Можно опровергнуть порядокъ содержанія его Реторики, односторонній способъ воззрѣнія, подъ вліяніемъ Гегеля: но самые факты, вносимые имъ въ Реторику, долж-

---

1) Die Lehre vom deutschen Stil. 1837 и слѣд.

2) Die Kunst der deutschen Prosa, первое изданіе 1837, второе дополненное 1843.

ны быть дѣйствительно удержаны. Такъ, напр., дѣленіе рѣчи на народную, безсознательную и разумную, напяжкой примѣненное Кригеромъ къ краснорѣчію и поэзіи, и подведенное подъ Гегелевы рубрики непосредственнаго, умнаго и разумнаго, можетъ занять важное мѣсто въ Стилистикѣ, но только съ другой точки зрѣнія — т. е. какъ рѣчь народная въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ; рѣчь письменная, неустроенная и безсознательная въ древнихъ памятникахъ; и наконецъ рѣчь разумная, сознательно по наукѣ обработанная отъ временъ Ломоносова.

4. *Практика.*

Сверхъ того, Реторики, подобныя Кригеровой, Мундтовой, Риннс, Гоффманновой, недостаточны потому, что ограничиваются одной теоріей безъ постояннаго примѣненія къ практикѣ. Въ этомъ отношеніи Стилистики, напр. лапинская Ганда 1), имѣютъ большее преимущество, непрестанно служа руководствомъ письменному упражненію учениковъ. Нѣмецкая Стилистика Герлинга 2), за исключеніемъ синтаксическихъ правилъ, малымъ отличается отъ старинныхъ Реторикъ; однако, какъ сборникъ реторическихъ мнѣній, можетъ съ пользою быть подъ рукою учителя. Реторика же, какъ руководство къ практикѣ, до сихъ поръ составляетъ педагогическую задачу. Не льзя вполнѣ согласиться

1) Hand, Lehrbuch des lat. Stils, 1839, изданіе 2-е.

2) Theoretisch-praktisches Lehrbuch der Stylistik, 2 части 1837.

съ планомъ Реторики Герлинга, ибо примѣнительная часть оной отдѣлена отъ теоретической: надобно, чтобы она органически входила въ нее. Теорія словесности въ Гимназіи только тогда возможна и необходима, когда служитъ непрестаннымъ руководствомъ практикѣ.

Потому-то и почитаю методу Гикке 1) самою лучшею, ибо она исходитъ отъ практики и тотчасъ ведетъ къ ней же. Чтеніе писателя, по Гикке, есть исходная точка ученію словесности: теорія и исторія не только примыкаютъ къ нему, но и извлекаются, какъ изъ своего источника: ибо наука словесности предполагаетъ знаніе писателей. Слѣд. самой природой указывается путь преподаванію; какъ у всѣхъ народовъ теорія словесности составлялась въ слѣдствіе изученія образцовъ, такъ и каждый ученикъ долженъ вступить въ теорію черезъ самостоятельное чтеніе. Всякая теоретическая мысль, высказанная преждевременно, связываетъ ученика и лишаетъ его свободнаго сознанія, получая видъ предразсудка. Опредѣленіе поэзіи, драмы, лирики, которое учитель даетъ ученику прежде нежели прочтетъ съ нимъ какую нибудь драму или оду, сковываетъ его фантазію и мутитъ чувство изящнаго. Слѣд. теоретическое ученіе должно быть результатомъ чтенія. Тотъ же самый классическій писатель служитъ и матеріаломъ для письменныхъ упражненій учениковъ:

---

1) Der deutsche Unterricht auf deutschen Gymnasien, 1842.

по мѣрѣ чтенія готовится запасъ для теоріи и дается вещество для собственныхъ сочиненій. Въ продолженіи долгаго времени ученики набираютъ отрывочныя свѣденія, не имѣющія между собой систематической связи. Дѣло учителя давать этимъ свѣденіямъ вѣрное опредѣленіе и показывать ихъ отношеніе къ другимъ соотвѣтственнымъ: поле науки такимъ образомъ мало по малу наполняется; свѣденія наростаютъ и смыкаются одно съ другимъ, подводясь подъ общую мысль, и наконецъ знанія ученика умножаются до того, что могутъ быть приведены въ систему науки. Изъ Реторики ученики должны извлечь не только знанія, но и умѣнье. Теорія должна быть оправданіемъ практики, уразумѣньемъ умѣнья. А такъ какъ въ Поэзіи ученики должны болѣе ограничиться разумѣніемъ, потому краснорѣчіе въ Гимназіи должно брать верхъ надъ Піитикою; сверхъ того, такъ какъ внѣшнее выраженіе, слогъ, по преимуществу требуетъ упражненія практическаго: потому въ Реторикѣ преимущественно слѣдуетъ обращать вниманіе учащихся на Стилистику. Мы не можемъ заставить гимназиста писать философскія сочиненія, исторію, проповѣдь: но должны упражнять его въ слогѣ историческомъ, ораторскомъ, и т. д. Слѣд. главнѣйшею частью Реторики въ Гимназіи должна быть та, которая всего ближе примѣняется къ письменнымъ упражненіямъ учениковъ. Только такимъ образомъ мы ограничимъ и опредѣлимъ, что и сколько должно проходить гимназистамъ изъ теоріи и

исторіи словесности, и рѣшительно отдѣлимъ преподаваніе гимназическое отъ университетскаго. Теорія словесности съ одной стороны совпадаетъ такимъ образомъ съ руководствомъ къ практическимъ занятіямъ; а съ другой стороны удерживаетъ характеръ филологическій и лингвистическій, примыкаясь къ Граммативѣ.

5. *Педагоги - Систематики.*

Не знаю, можно ли и скоро ли можно у насъ такую методу соединить съ систематическимъ преподаваніемъ самой науки: по крайней мѣрѣ, для соображенія, предлагаю Магеровъ планъ систематическаго обозрѣнія курса словесности, въ связи съ методою преподаванія 1).

A. Теоретическое образованіе.

AA. Положительная часть (philomathische Bildung).

I. Обученіе языку и Литературѣ.

1. Языкъ:

а) Грамматика.

б) Ономатика.

в) Техника: умѣнье.

2. Литература:

α) содержаніе ея посредствомъ чтенія,

β) знаніе Литературы:

а) Исторія Литературы.

---

1) Die modernen Humanitätstudien, 1843, тетрадь 2-я, 30—31.

б) Теорія Литературы (Піитика и Прозаика).

в) Критика.

II. Историческое обученіе: знакомитъ ученика съ народомъ, частію изъ самаго языка, частію изъ чтенія.

III. Реальное обученіе: избранное чтеніе даетъ обширный запасъ свѣденій для наукъ физическихъ и нравственныхъ.

ББ. Философское образованіе: изученіемъ языка мышленіе пріобрѣтаетъ силу и ловкость.

ВВ. Филологическое образованіе: чтеніе образцовъ съ примѣненіемъ къ изустнымъ и письменнымъ упражненьямъ въ слогѣ.

Б. Практическое образованіе: чтеніе должно избираться такое, которое образовало бы въ учащемся благородный образъ мыслей, волю и нравъ.

Въ этомъ планѣ со многимъ можно не согласиться, но попытка разумно совокупить систему науки съ методою преподаванія заслуживаетъ полнаго вниманія. Къ объясненію этого плана не мѣшаетъ показать, какъ разумѣетъ Магеръ положительную часть въ словесности 1). „Піитику, какъ положительную науку (не какъ философскую, или часть

1) Pädagog. Revue, 1842, часть 4-я, стр. 301 — 302.

Философіи Искусства) раздѣлилъ бы я на три части, изъ коихъ первая, *абстрактная*, содержала бы въ себѣ ученіе о свойствахъ поэзіи, ея родахъ, и о поэтѣ. Нынѣшніе учебники (за исключеніемъ Аристотелева отрывка) содержатъ только одно это. Вторая часть, которую я назвалъ бы *историческою*, и которую можно назвать также и діалектической, показала бы, какъ основныя начала, изложенныя въ первой части, въ теченіи столѣтій у различныхъ народовъ различно проявлялись; въ этой второй части должны занять мѣсто 1. исторія, 2. характеристика и 3. критика лучшихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ; здѣсь покажется движеніе и развитіе поэтическаго идеала. Третья часть, которую назвалъ бы я *постулятивною*, должна основываться на двухъ предыдущихъ; результатъ ихъ обѣихъ, Поэтика *современная* и притомъ *нѣмецкая* въ Германіи, *французская* во Франціи и т. д.; техника и руководство для поэтическихъ дарованій, желающихъ образоваться." Такая наука вовсе не годится для Гимназіи. Даже едва ли она годна и въ другомъ мѣстѣ, ибо науки для образованія поэта и нѣтъ, и быть не можетъ: poëtae nascuntur. Что же касается до Поэтики и Прозаики нѣмецкой, французской, или руской, то дѣйствительно такія быть могутъ: ибо у одного народа преимуществуетъ тотъ или другой родъ словесныхъ произведеній, у другаго другой; напр. въ Италіи есть поэма и нѣтъ трагедіи, въ Испаніи романъ и драма, во Франціи особый родъ пѣсни, и т. д.

ЧТЕНІЕ.

Итакъ лучшее и вѣрнѣйшее, что можемъ извлечь изъ различныхъ педагогическихъ мнѣній о преподаваніи словесности въ Гимназіяхъ, есть то, что надобно читать писателей. Чтеніе есть основа теоретическому знанію и практическимъ упражненіямъ.

Нѣкоторые педагоги даютъ своимъ ученикамъ слишкомъ многое и разнообразное чтеніе. Другіе чтеніе отечественныхъ писателей слишкомъ ограничиваютъ, почитая оное дѣломъ постороннимъ для школы. Къ первымъ принадлежатъ и Гикке съ Магеромъ. Хотя я не держусь ни того, ни другаго мнѣнія, однако болѣе согласенъ съ послѣднимъ, не потому, чтобы почиталъ его справедливымъ безотносительно, но потому что нахожу его полезнымъ примѣнительно къ руской словесности. Разумѣется, можно читать многое и разнообразное съ учениками англійскихъ, итальянскихъ или французскихъ школъ: у нихъ богата литература. На рускомъ же языкѣ такъ немного геніальнаго и классическаго, что учителю, читающему съ своими учениками многое и разнообразное поруски, будетъ стыдно передъ учителями древнихъ и новыхъ языковъ. Въ классѣ греческой и римской словесности гимназисты читаютъ Геродота, Виргилія, Цицерона, и сей-часъ за тѣмъ въ классѣ руской словесности разбираютъ и учатъ наизусть стишки какого нибудь дюжиннаго рускаго стихотворца, или отры-

вочекъ изъ легонькой и ничтожной повѣсти. Что за безалаберный хаосъ будетъ въ головѣ учениковъ, когда перепасуются въ ней эти доморощенные образцы съ чтеніемъ классиковъ! Если же учитель руской словесности, читая съ гимназистами всякую пустошь, объясняетъ имъ, что вся она ничтожна въ сравненіи съ тѣми писателями, какихъ изучаютъ они у греческаго и латинскаго учителя: то зачѣмъ и убивать дорогое школьное время на пустяки? Двѣ причины могутъ быть для чтенія посредственныхъ, дюжинныхъ писателей: или изученіе языка во всемъ его разнообразіи, или знакомство съ внутреннимъ содержаніемъ произведеній. Но слогъ посредственныхъ писателей не выступаетъ изъ колеи подражанія образцу: такъ всѣ наши новые поэты пишутъ стихомъ Пушкина; но содержаніе дюжинныхъ произведеній вовсе ненаставительно, и безцвѣтно и вяло. Разумѣется, все это говорится въ отношеніи къ школѣ, слѣд. этимъ не порицается наша современная литература сама по себѣ: она предлагаетъ очень много занятнаго для человѣка досужаго: но досугъ не указъ школѣ. Пристрастіе и личность навсегда должны быть изгнаны изъ школьнаго чтенія. Потому-то нѣтъ ничего несообразнѣе, какъ знакомить дѣтей въ Гимназіи съ новѣйшими современными произведеніями, мѣсто которымъ еще не обозначено въ исторіи руской литературы. Что предлагаетъ руская современность для гимназическаго чтенія? Журнальныя новости и сплетки. Но журналы наши ведутъ по-

сполянную войну, слѣд. учителю придется или причалить свои убѣжденія къ которому нибудь одному журналу, и сквозь его критики смотрѣть на все остальное; или изъ каждаго журнала брать по немножку въ угоду всему пишущему міру. Первое выказываетъ человѣка слабаго, несамостоятельнаго; второе — лукаваго или равнодушнаго: а равнодушіе есть самая плохая посредственность. Не бѣда, что ошибается журналъ, ибо его вліяніе на публику временное, минутное: какъ пишутся его статьи наскоро (въ чемъ никто не усумнится, ибо журналисту изъ мѣсяца въ мѣсяцъ надобно заготовить статью), такъ и читаются, для пріятнаго препровожденія времени. Дѣтей мы учимъ на цѣлую жизнь ихъ, слѣдов. не можемъ давать имъ заучивать то, что издается на время, на одинъ мѣсяцъ. Если же что попадетъ въ журналъ живучее, то не умретъ съ слѣдующимъ нумеромъ, а какъ-разъ вѣрно всплыветъ наверхъ: тогда воспользуются и Гимназіи. Столь же опасно полагаться и на сочиненія современныхъ знаменитостей, ибо извѣстно, что наша словесность раздѣляется теперь на множество партій, изъ коихъ каждая рекомендуетъ свою собственную знаменитость, съ различными ее окружающими спутниками. Если примиришь всѣхъ, придется и читать всѣхъ. Тогда не останется времени и на дѣло. Если же ограничишься мнѣніями одной партіи, будешь пристрастенъ и односторонень. Опытъ уже показалъ, какъ современные классики обманчивы: кто посредственнымъ и да-

же слабымъ не назовешъ половины такъ названныхъ нѣкогда образцовыхъ сочиненій? Многіе учители не ввѣряются новымъ знаменіямъ, по справедливости будучи напуганы словами Пушкина 1): „Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики: — напротивъ. Едва замѣтили въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшатъ привѣтствовать его титломъ генія, за сладкіе стишки; нѣжно благодарятъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества. Невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гёте и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное!“ Всякій вѣкъ ошибался: почему же мы правѣе предшественниковъ въ своемъ личномъ вкусѣ? Не будутъ ли и надъ нами смѣяться наши ученики, если мы будемъ хвалить имъ то, что нравится намъ теперь именно потому, можетъ быть, что мы еще не столь образованы, какъ должны быть наши ученики и все слѣдующее за нами поколѣніе! Но скажутъ: надобно слѣдить за вѣкомъ, не отставать отъ современности. Но вѣдь современность выражается не въ стишкахъ да легкой прозѣ. Понятно всякому, какъ полезно и необходимо слѣдить за своимъ вѣкомъ въ глубокихъ филологическихъ соображеніяхъ Гримма и Гумбольдта, въ историческихъ изслѣдованіяхъ Тьери и Раумера: но эта ли современность выражается

1) Сочиненія Пушкина, XI, 236.

въ нашей беллетристикѣ? Поэзіи нѣтъ дѣла до наукъ — скажутъ: надобно слѣдить за современнымъ развитіемъ поэзіи — продолжаю словами Пушкина 1): „ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе не справедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ себѣ идти впередъ, и науки, философія и гражданственность, могутъ усовершенствоваться и измѣняться—но поэзія остается на одномъ мѣстѣ—цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.“

Да и некогда гимназистамъ слѣдить за современною литературою: имъ еще надобно познакомиться съ писателями прежними. Если они не прочтутъ Ломоносова или Державина въ школѣ, то вѣроятно и никогда въ жизнь свою не прочтутъ ихъ. А современное всегда будутъ читать отъ нечего-дѣлать, какъ выростутъ. Потому, преимущественное вниманіе учениковъ должно быть обращено на сочиненія старинныя. Слѣд. чтеніе должно быть запасомъ Исторіи Литературы. Не надобно слишкомъ заботиться объ образцахъ для родовъ и видовъ поэзіи, и съ этой цѣлію выбирать чтеніе изъ рускихъ писателей, даже классическихъ, каковы Жуковскій, Пушкинъ. Значеніе поэмы или трагедіи лучше всего извлекутъ ученики изъ чте-

1) Сочиненія Пушкина, XI, 234.

нія Гомера и Софокла въ классѣ греческомъ; оду узнаютъ отъ латинскаго учителя на чтеніи Горація и т. д. Вся задача гимназической теоріи словесности состоитъ въ томъ, чтобы ученики умѣли отличить въ словесныхъ произведеніяхъ одинъ родъ отъ другаго: философскаго же, эстетическаго опредѣленія передать не возможно, слѣд. и теорія драмы или поэмы въ Гимназіи преподаваться не можетъ. Поэтому, мнѣ кажется, нѣкоторые педагоги слишкомъ много хлопочутъ надъ эстетическимъ разборомъ. Вотъ какъ, напр., Гикке читаетъ писателей съ учениками. Въ низшихъ и среднихъ классахъ, небольшіе поэтическіе разсказы: 1. Чтеніе. 2. Объясненіе подробностей при вторичномъ чтеніи. 3. Содержаніе и ходъ: что разсказывается? 4. Размѣръ, рифма, строфы и проч. 5. Главныя части, отдѣлы, акты. 6. Какъ разсказано? Способъ представленія, выраженіе, характеры. 7. Значеніе цѣлаго, извлеченіе главной мысли или основной темы. 8. (Для среднихъ классовъ) сравненіе нѣсколькихъ стихотвореній одного рода. Въ высшихъ классахъ, эпическія и лирическія произведенія: a. Идеальный составъ (der ideelle Gehalt). b. Поэтическая форма: 1. пластическій моментъ; 2. музыкальный моментъ; 3. основной ладъ произведенія (der Grandton); 4. архитектоническій моментъ. Примѣры для сравненій: 1. Сравненіе балладъ и романсовъ Уланда по содержанію и обработкѣ. 2. Сравненіе Шиллеровыхъ балладъ по идеальному составу, по характерамъ, теченію піесы и по расположенію.

3. Сравненіе стихотвореній различныхъ писателей по сходству основныхъ шемъ. 4. Сравненіе балладъ и романсовъ Бюргера, Гёте, Шиллера и Уланда — не по ихъ достоинству (чтобы не критиковать), но по манеріи и обработкѣ. 5. Отношеніе этихъ балладъ къ первобытной формѣ грубаго разсказа (т. е. сличеніе старинныхъ и народныхъ разсказовъ съ художественными передѣлками оныхъ).

Для чего столько хлопотъ? Образовать поэта, критика? Но такой задачи никогда не задавала и не задастъ себѣ Гимназія. Будущему поэту надоѣстъ до крайности кропотливое толкованіе о томъ, что и безъ объясненій ему, какъ поэту, ясно. Для критика же чрезвычайно узко ограниченное поприще отечественной литературы. Притомъ будущіе поэты и критики составляютъ исключеніе въ общей массѣ учащихся: для чего же мы будемъ готовить въ литераторы нѣсколько поколѣній, которыя всѣ поступятъ въ званіе чиновниковъ, въ военную службу, или останутся мирными гражданами, безъ всякихъ литературныхъ претензій? Критика дѣло не легкое, и вѣрно учители сами откажутся отъ трудной обязанности воспитать журналиста. Зачѣмъ забираться далеко? Довольно и того, чтобы разобрать съ учениками смыслъ писателя, складъ рѣчи, указать на основную мысль произведенія, а главное прослѣдить логическую связь онаго и внѣшнее выраженіе, преимущественно съ грамматѝческой точки зрѣнія. Сентиментальные возгласы пошлы, а разсужденіе о красотѣ только

искажаетъ ее, замѣняя живой образъ отвлеченнымъ предразсудкомъ какой нибудь философской системы. При нынѣшнемъ высокомъ значеніи Филологіи нечего бояться Граммашики. Не одна правильность языка подлежитъ ея вѣденію, но и красота его. Ибо, какъ прекрасное лицо предполагаетъ здоровье и цвѣтущую силу, такъ и изящество предполагаетъ правильность. И какъ изящный профиль греческій мы называемъ правильнымъ, такъ и по истинѣ-изящное выраженіе изящно потому, что правильно. Отпого простую, безыскусственную рѣчь древнихъ произведеній ставимъ обыкновенно въ образецъ красоты; отпого мѣткое и точное выраженіе, схваченное изъ устъ народа, возбуждаетъ въ насъ чувство эстетическое, не смотря на то, что это выраженіе только правильно, ибо безъ всякой прикрасы передаетъ мысль, такъ какъ она есть. Законное отправленіе органической жизни вмѣстѣ и необходимо, и пріятно: сонъ и утоленіе голода или жажды подкрѣпляютъ силы человѣка и вмѣстѣ доставляютъ ему удовольствіе. Такъ и рѣчь, какъ органическое отправленіе, вмѣстѣ сообщаетъ мысль и нравится намъ, если живо и здраво схватываетъ то, что хотимъ выразить. Благозвучіе, одно изъ главныхъ достоинствъ красоты словесной, основывается на сочетаніи звуковъ гласныхъ и согласныхъ, слѣд. на Граммашикѣ; быстрота и живость — на краткихъ предложеніяхъ, эллипсисѣ, на употребленіи видовъ глагола и т. п.; живописность дѣйствія на отличіи свойствъ, выражаемыхъ прилагательными

и причастіями, отъ выражаемыхъ глаголами и т. д. Тропы, составлявшіе въ Реторикахъ главу объ украшеніи, ведутъ свое начало отъ Словаря; ибо перенесеніе названій отъ одного понятія къ другому есть необходимый путь изслѣдованію лексикологическому. Все, что относится въ словесномъ произведеніи къ внѣшнему выраженію, подлежитъ Граммашикѣ. Что же касается до внутренняго содержанія, до истины, нравственности, изящества: то́ идетъ въ особыя науки — каковы Философія, Юриспруденція, Исторія, Эстетика и проч. Потому, чтобы не разбѣгаться во всѣ стороны и не толковать обо всемъ — слѣд. о многомъ кое-какъ, лучше всего учитель долженъ строго опредѣлить себѣ ту точку зрѣнія, съ которой онъ можетъ смотрѣть на писателя, не выходя изъ области своего предмета: а его область Грамматика, въ обширномъ смыслѣ принимаемая. Въ ней, въ періодахъ, въ предложеніяхъ и т. п., учитель найдетъ и свою эстетику, и философію, и нравственность, и исторію. „Въ предложеніи есть свои тѣлодвиженія, звуки, краски; оно можетъ соединить въ себѣ дѣйствія почти всѣхъ искусствъ, и преимущественно живописи, устраняя, впрочемъ, всѣ намѣренные эффекты оныхъ. Простая постановка подлежащаго съ сказуемымъ являетъ глазамъ нашимъ совершенно живую фигуру, глаголъ приводитъ въ движеніе ея поступь и одушевляетъ дѣйствіемъ; придаточное предложеніе, опредѣленія и дополненія живописно группируютъ ее; полнота выраженія одѣваетъ ее приличною драпировкою съ

прекрасными складками, и шествіе ея — музыка, очарованіе риѳма 1)." Эстетическій элементъ заключается въ языкѣ необходимо, ибо мысль, переходя въ слово, подлежитъ закону творческой фантазіи: потому основательное объясненіе писателя граммматическое будетъ вмѣстѣ и эстетическое. — Почитаю излишнимъ распространяться о томъ, сколько въ языкѣ философіи; укажу только нѣсколько мѣстъ изъ Гегеля, гдѣ философъ беретъ языкъ въ помочь своимъ умствованіямъ: въ Энциклопедіи 2): объясненіе словъ aliud — aliud стр. 183, aufheben стр. 191, мѣрять 214 и 215, Seyn и Wesen 225, имѣть 254, Urtheil 326, правда и истина 334; въ Феноменологіи духа 3): здѣсь, теперь 73, auch 84, однако 85, свойство 86, и проч. Именно только филологическимъ объясненіемъ писателя поставимъ мы себя въ выгодный неутралитетъ между гуманистами и реалистами. „Чтеніе отечественныхъ писателей остается на досугъ ученика, говорятъ гуманисты 4): настоящая же работа—въ изученіи древнихъ классиковъ. Если ученикъ отклоняется отъ этой работы и въ урочные часы читаетъ отечественныя произведенія даже со вниманіемъ и тщательностью, а о древнихъ классикахъ не радѣетъ; то не-

---

1) Th. Mundt, Die Kunst d. deutschen Prosa, 1837, стр. 120, 121.
2) Изданіе 1840 года, часть I.
3) Изданіе 1841 года.
4) Deinhardt, der Gymnasialunterricht, стр. 145.

премѣнно сдѣлаетъ онъ изъ себя человѣка эстетическаго, мечтательнаго и сентиментальнаго, остроумнаго, чувствительнаго и притворнаго, который ни къ чему важному и годному не годится, а принадлежитъ къ обществу гуляющихъ по собраніямъ и вечеринкамъ, гдѣ много толкуется и ничего не рѣшается о театрѣ, Шиллерѣ, Гёте и т. п.“ Но здѣсь также крайность: ибо можно читать и своихъ писателей, и греческихъ съ римскими; впрочемъ много и правды, которая тѣмъ страшнѣе для насъ, что мы очень малое имѣемъ въ своей новой литературѣ, что́ бы могли поставить наравнѣ не только съ древними классиками, но даже съ Шиллеромъ и Гёте. Напротивъ того реалисты почитаютъ необходимымъ чтеніе отечественныхъ писателей потому, что ученикъ пріучается на нихъ схватывать общую мысль и обнимать цѣлое: тогда какъ при писателяхъ древнихъ и вообще чужихъ онъ ломаетъ голову на отдѣльныхъ выраженіямъ и словахъ; потому говорятъ они 1): „какая помощь и для произведенія чужеземнаго, въ которомъ ученикъ находитъ удовольствіе тогда только, какъ дочитаетъ до конца! если привыкнетъ онъ, при чтеніи отечественныхъ писателей, во всемъ открывать цѣлое; то и при чтеніи чуждаго произведенія сумѣетъ познаться въ подробностяхъ оригинала, и тѣмъ облегчитъ трудъ учителя въ объясненіи онаго. Да

1) Hiecke, Der deutsche Unterricht, стр. 72 и 73.

какой высокой и живой интересъ возбудится и къ иностранной литературѣ, если трудъ и терпѣніе, необходимые для уразумѣнія отдѣльнаго періода, будутъ казаться ученику только неизбѣжною дорогою къ свободному обозрѣнію цѣлаго, къ совершенному усвоенію онаго!“ Слѣд. если мы примемъ и при отечественномъ произведеніи по преимуществу объясненіе филологическое, то сравняемъ чтеніе писателя отечественнаго съ иностраннымъ: значитъ, стало быть, уничтожимъ пользу чтенія отечественнаго? Нѣтъ, именно потому, что реалисты тоже увлекаются. Вопервыхъ, подробности подводятъ къ общему гимназисты научаются изъ уроковъ Исторіи, Географіи, Математики, точно такъ же, какъ изъ чтенія писателя; вовторыхъ — аргументы, бревіаріи, введенія и т. п. при одахъ Горація, при книгахъ Тацита, пѣсняхъ Гомера и проч. ясно указываютъ на то, что читающему подробные комментаріи надобно знать и общую мысль, и слѣдить ее по всѣмъ стихамъ и періодамъ произведенія; втретьихъ, главная мысль произведенія, какъ жизненная сила, разливается по всѣмъ частямъ онаго; слѣд. чѣмъ болѣе вникаемъ въ подробности, тѣмъ безошибочнѣе и тверже схватимъ общую мысль: надобно только въ подробностяхъ видѣть органическія части живаго цѣлаго; вчетвертыхъ, въ классическихъ произведеніяхъ предложенія съ предложеніями и періоды съ періодами связываются такими тѣсными узами, что учители древнихъ литературъ необходимо должны и

сами объяснятъ ученикамъ общую мысль для уразумѣнія особенностей, и ученики съ своей стороны изъ ближайшаго сцѣпленія частей произведенія древняго необходимо извлекаютъ для себя понятіе о стройномъ единствѣ произведенія; слѣд. въ этомъ отношеніи чтеніе классическое болѣе помогаетъ отечественному, а не наоборотъ. Вятыхъ, учась по новымъ легкимъ произведеніямъ схватывать общее, гимназисты разучатся достаточно вникать въ подробности и будутъ во всемъ верхоглядами: что существенно повредитъ всякому основательному изученію. Изъ всего этого вывожу, что чтеніе, и свое и иностранное, должно быть одинаково: углубляться въ подробности словъ, оборотовъ, предложеній, и постоянно разсматривать частности въ связи съ общимъ, ибо словесное выраженіе отличается отъ всякаго другаго именно тѣмъ, что во всякомъ предложеніи виднѣется необходимая часть живаго цѣлаго. Къ этому надобно прибавить еще два необходимыхъ условія: ограниченные требованія и способы гимназическаго курса, и неустроенное состояніе языка рускаго: первое отклоняетъ всякія высокопарности, второе требуетъ тщательнѣйшаго изученія языка. Наконецъ самыя побудительныя причины для филологическаго объясненія: первая: при бѣдности общаго содержанія и такъ называемыхъ гуманныхъ идей въ рускихъ произведеніяхъ, неистощимое богатство языка еще непочатаго, свѣжаго, мощнаго и глубокаго; и вторая: при шаткости и болѣзненной неопредѣленности пра-

вилъ эстетическихъ и критическихъ, непреложные законы филологическіе. Именно глубокимъ и всеобъемлющимъ взглядомъ на подробности отличается человѣкъ знающій отъ профана: дилетанты, не разумѣя техники искусства, хватаются за общія мысли произведенія, т. е. за общія мѣста; истинный знатокъ видитъ въ ничтожной для непривычнаго мелочи высокое значеніе, ибо здраво понимаетъ ее, и чувствуетъ ея отношеніе къ цѣлому.

Касательно объясненія отечественныхъ писателей есть два противоположныя мнѣнія: гуманисты почитаютъ смѣшнымъ, пошлымъ и вреднымъ комментаріи на современныхъ писателей; напротивъ того, реалисты объясняютъ ихъ такъ же кропотливо и педантски, какъ Горація или Пиндара. Дѣйствительно, объясненія на современниковъ какъ разъ могутъ обратиться въ пустую болтовню, и только загромоздятъ смыслъ текста. Особенно нестерпимы комментаріи такъ называемые эстетическіе. Впрочемъ строгая филологическая критика можетъ быть допущена; она даже необходима, ибо пріучаетъ къ отчетливому сознательному чтенію, на которое столь мало обращаютъ вниманіе люди необразованные, и къ отличію истиннаго достоинства словеснаго выраженія отъ ложнаго блеску и напыщенныхъ фразъ. Охотники что нибудь почитать отъ нечего-дѣлать увлекаются только однимъ занимательнымъ содержаніемъ, нисколько и не предчувствуя гармоническаго соотношенія между звукомъ и мыслію; ихъ не увлекаютъ красоты рѣчи, про-

слова, точность выраженія, правильная связь мыслей: они скользятъ только на поверхности того, что читаютъ; ибо не привыкли при чтеніи писателя обращать вниманіе на то, что составляетъ существенное въ произведеніи. Именно, чтобы устранить такое безсмысленное чтеніе, надобно съ учениками читать образцовыхъ русскихъ писателей, и объяснять ихъ. Главная задача должна состоять въ томъ, чтобы объясненія были необходимы, не случайны. Потому учитель обязанъ всѣ свои мнѣнія основывать на данныхъ, самимъ авторомъ указанныхъ, слѣд. обязанъ свою филологическую экзегетику подчинить такъ называемой субъективной, т. е, заставить, чтобы писатель объяснялъ самъ себя. Такъ, при чтеніи Карамзина, надлежитъ сличать слогъ его Исторіи съ древними источниками; оды и рѣчи Ломоносова объяснять его Реторикою, стихотворенія Державина — объясненіями, имъ самимъ сообщенными, поэтическіе переводы Жуковскаго сличать съ подлинниками и т. д.

О способѣ чтенія также разногласіе мнѣній. Одни педагоги заставляютъ учениковъ учить писателя наизусть, другіе полагаютъ это вреднымъ. „Изусть-ученіе вредитъ разуму и памяти 1). Что остается отъ хорошо упражненной памяти? любовь къ предмету, изящное, посредствомъ коего я

1) K. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843, стр. 97 и слѣд.

съ нимъ соединяюсь; а эту внутреннюю связь не пріобрѣтешь выучкой наизусть. Только непріятное способно къ тому, вокаблы, числа, имена. Прекрасное же удерживается, какъ собственность, какъ непосредственно понятое; прекрасное разлюбишь, заучивая наизусть. У дитяти притупляется всякое чувство къ поэзіи отъ долгаго заучиванья наизусть стихотворенія. Гораздо полезнѣе упражнять память на произведеніяхъ чуждыхъ языковъ, на выучкѣ одной страницы пофранцузски или полатини. Говорю только противъ выучиванья наизусть, а не знанія наизусть. Я видалъ людей, никогда не учившихъ ничего наизусть, и знавшихъ многое на память. Удовольствіе читать и слушать, и потомъ вновь перечитывать и переслушивать, ведетъ къ такому основательному знанію, которое, при нуждѣ, легко можетъ быть доведено и до знанія наизусть. — Потому учитель долженъ руководить ученика, какъ учить на память; долженъ вмѣстѣ съ нимъ заучивать наизусть, и тѣмъ препятствовать, чтобы ученикъ не впалъ въ мертвящій механизмъ. Долженъ помогать ему вникать во внутреннюю связь произведенія и въ содержаніе каждаго предложенія, какъ необходимаго звена между предыдущимъ и послѣдующимъ. По этому на прозу должно болѣе обращать вниманіе, нежели на поэзію. Стихотвореніе уже своею внѣшнею формою поддерживаетъ механизмъ ученія наизусть, и ведетъ ученика отъ стиха къ стиху только формально, а не внутреннею связью.“ — Все это весьма дѣльно,

только за исключеніемъ излишняго человѣколюбія и заботливости объ эстетическомъ чувствѣ гимназистовъ. Память съ толкомъ не только не вредитъ разуму, но даже помогаетъ ему, и у дѣтей часто замѣняетъ самый разумъ. Года гимназическаго ученія именно таковы, когда память и воображеніе берутъ верхъ надъ умственными соображеніями. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что лучшіе ученики хотя отчетливо понимаютъ, что учитель объясняетъ, однако все-таки выучиваютъ уроки слово въ слово. На урокѣ дитя всегда болѣе или менѣе въ принужденіи: свободной игры духовныхъ силъ его никакъ не добудешь. Чувство эстетическое убивается и анализомъ также, какъ и выучкой наизусть. Нечего дѣлать — стерпится слюбится; а изъ школы не льзя сдѣлать ни театра 1), ни литературнаго вечера. Толковитое заучиваніе наизусть всегда и всему будетъ приносить пользу. — Учитель вмѣстѣ съ учениками неоднократно прочитываетъ разбираемое произведеніе. Это необходимо, но безъ заучиванія на память недостаточно. „Перечитываніе одного и того же соотвѣтствуетъ продолжительному разсматрива-

1) Забавно мечтаніе Гикке знакомить учениковъ съ цѣлымъ впечатлѣніемъ драмы на театральномъ представленіи, стр. 123. Стало-быть, для объясненія совѣщательной рѣчи, классъ превращается въ площадь, для судебной въ Сенатъ и т. д. Вотъ куда изъ класса заводятъ учителя съ учениками эстетическія мечтанія.

нію картины, прочтеніе одинъ разъ бѣглому взгляду. Глазъ безпрепятственно можетъ соображать всѣ подробности картины въ одно время, ухо собираетъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ одну за другой; слышанное прежде—уходитъ вдаль, болѣе и болѣе утрачивая свою ясность, такъ что воспоминаніе не можетъ совокупить для себя въ одно цѣлое всѣхъ частностей, какъ въ картинѣ. Только повторительное чтеніе дастъ представленію стройность и жизнь. — Малыя дѣти съ удовольствіемъ слушаютъ нѣсколько разъ одни и тѣ же разсказы, или одну и ту же пѣсню. Взрослые хотя и не любятъ повторенія, однако черезъ нѣсколько дней охотно внимаютъ тому же, что недавно слышали 1)." Постепенное уразумѣніе писателя и произношеніе съ толкомъ и чувствомъ даетъ ученику новый интересъ въ неоднократномъ прочитываніи того же. Только основательная вдумчивость въ каждое слово и предложеніе, и въ связь предложеній ведетъ учащагося къ чтенію съ толкомъ. Величайшая ошибка заставлять учениковъ читать ораторски то, что они не совсѣмъ понимаютъ: это влечетъ къ манерности и портитъ чувство обманомъ. Увлекательное театральное чтеніе лежитъ внѣ обязанности гимназической, вопервыхъ ужъ потому, что изъ самихъ учителей немного хорошихъ чтецовъ; вовторыхъ, драмматическое чтеніе, не имѣя до сихъ поръ положитель-

1) K. Wackernagel, ibid., стр. 93.

ныхъ законовъ, не можетъ быть предметомъ строгой науки. Только правила, основанныя на синтаксисѣ, даетъ учитель для произношенія: слѣд. долженъ выучить читать съ толкомъ и смысломъ; чувство придетъ само собой. Впрочемъ если учитель умѣетъ читать изящно, то его примѣръ будетъ руководителемъ ученикамъ.

О предметахъ чтенія два мнѣнія: одно стоитъ за хрестоматію, другое за цѣлыя произведенія. Variatio delectat, говорятъ собиратели хрестоматій 1): для учителя и учениковъ нѣтъ ничего утомительнѣе чтенія одного и того же въ продолженіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцовъ; притомъ вещи познаются изъ сравненія 2), а на одномъ только писателѣ не узнаешь ни его самаго, ни слога, будь этотъ писатель даже Гёте. Польза хрестоматій болѣе и болѣе признается. Не дойдетъ ли это до крайности? Распредѣленіе хрестоматій обыкновенно бываетъ съ точки зрѣнія реальной, а не филологической. Одне располагаются по родамъ и видамъ краснорѣчія и поэзіи, напр. Хрестоматія Магерова, старыя французскія и мн. др. Но если въ опредѣленіи родовъ словесныхъ произведеній немного заботы учителямъ отечественнаго языка, то нечего и раздѣлять хрестоматіи такимъ образомъ: зачѣмъ неважное для школы брать основаніемъ дѣленію? Такая хрестоматія обыкновенно задаетъ

1) K. Wackernagel, стр. 4.
2) Hiecke стр. 246.

себѣ задачи неисполнимыя: подъ рубрикою романовъ, повѣстей, поэмъ, драмъ, предлагаетъ изъ этихъ родовъ произведеній только отрывки, изъ коихъ разумѣется не льзя узнать ни драмы, ни поэмы, ни романа. Притомъ заглавія надъ отдѣлами спутней: исторія, ода, элегія — и проч. — выказываютъ въ компилаторахъ хрестоматій недостатокъ педагогическаго такта. Подъ вліяніемъ заглавія ученикъ получаетъ понятіе о піесѣ прежде, чѣмъ прочтетъ ее: слѣд. его сужденіе о родахъ и видахъ словесныхъ произведеній будетъ предразсудкомъ, понятіемъ преждевременно составленнымъ о предметѣ. Потому, въ избѣжаніе такого вреда, лучше было бы составлять хрестоматіи (какъ К. Вакернагеля), не раздѣляя піесъ по родамъ слога или поэтическихъ и прозаическихъ произведеній, для того, чтобы ученики, съ помощію учителя, изъ самой вещи выводили себѣ понятіе и названіе, а не наоборотъ. Раздѣленіе хрестоматіи по предметамъ даетъ ей характеръ энциклопедіи, заставляя учителя выступать изъ области своей науки и толковать о предметахъ, болѣе или менѣе ему извѣстныхъ. Такъ Дистервегъ дѣлитъ свое собраніе на три отдѣла: религія, природа и человѣкъ; Гауптъ 1) къ этимъ тремъ отдѣламъ прибавляетъ еще два: искусство и наука, съ подраздѣленіями: Архитектура, Живопись, Скульптура, общая Грамматика, Философія, Богословіе, Юриспруденція,

1) Deutsche Prosa, 1841.

Медицина и проч., и проч. Невозможно никакъ рѣшить, въ какомъ отношеніи стоятъ подобныя энциклопедіи къ теоріи языка, къ филологіи: ибо все вниманіе компиляторовъ обращено на внутреннее содержаніе. Иныя хрестоматіи, какъ Магера, Гикке и м. д., берутъ въ расчетъ личность учащихся, будучи расположены по возрастамъ дѣтей. Это едвали не основательнѣе; только надобно замѣтить здѣсь два обстоятельства: вопервыхъ, все приличное для малолѣтныхъ должно быть таково, чтобы годилось и для учениковъ взрослыхъ 1): слѣд. хрестоматія для послѣднихъ можетъ и должна заключать въ себѣ и то, что въ хрестоматіи первоначальной; разумѣется, наоборотъ нельзя. Во-вторыхъ, степени возраста и смышлености учащихся такъ непримѣтно переходятъ и сливаются, что рѣзкаго разграниченія въ книгѣ никакъ быть не можетъ. Притомъ и въ самомъ легкомъ, напр., въ басняхъ Крылова, много для дѣтей необъяснимаго; и наоборотъ искусный учитель легко растолкуетъ дѣтямъ многое, что для другаго кажется трудномъ. Итакъ въ чемъ же существенная польза хрестоматій? Въ разнообразіи? Но если оно только ради забавы учениковъ, то не можетъ быть достоинствомъ учебной книги. Если же касается только внутренняго содержанія, то ничего не даетъ филоло-

---

1) Магеръ въ предисловіи къ Французской Хрестоматіи и въ Pädagogische Revue, 1843 No 5, въ рецензіи на Гикке.

гическому курсу словесности; если же касается слога, то какъ не льзя изъ чтенія одного писателя узнать слогъ вообще, такъ и изъ отрывковъ не льзя познакомиться ни съ однимъ писателемъ. Невыгоды одинаковы и на той и на другой сторонѣ, съ тою только разницею, что коротkое знакомство съ слогомъ одного писателя образцоваго будетъ знаніемъ болѣе прочнымъ и основательнымъ, тогда какъ отрывочное чтеніе понемножку изъ того и другаго даетъ ученію легкое и поверхностное направленіе.

Двухъ родовъ хрестоматіи полезны и необходимы для Гимназіи: первоначальная и историческая. Первоначальная для низшихъ классовъ, гдѣ еще дѣти не созрѣли для продолжительнаго классическаго чтенія. На такой хрестоматіи они выучатся плавно читать, узнаютъ первоначальныя основанія Грамматики, правописаніе. Историческая же должна быть сборникомъ литературныхъ памятниковъ: нѣкоторые предложитъ вполнѣ, изъ большихъ отрывки; такая хрестоматія, слѣд., должна быть какъбы историческою библіотекою, служа матеріаломъ для исторіи и теоріи Литературы. Какъ образецъ исторической хрестоматіи, рекомендую Вильгельма Вакернагеля Altdeutsches Lesebuch, 2-е умноженное и улучшенное изд., 1839, съ словаремъ и варіантами; содержитъ памятники Литературы отъ IV до XV вѣка включительно. Для классическаго же дѣтскаго чтенія желательно бы было, чтобы у насъ явилась когда нибудь книга, подобная народнымъ разсказамъ, собраннымъ и выданнымъ братьями Гриммами.

Польза же хрестоматій эстетическихъ и энциклопедическихъ только относительная: вопервыхъ, они содержатъ отрывки изъ такихъ произведеній, коихъ цѣликомъ читать дѣтямъ еще рано по нѣкоторымъ причинамъ; вовторыхъ, доставляютъ случай въ маломъ объемѣ и за дешевую цѣну пріобрѣсти разнообразныя свѣденія о текущей литературѣ, хотя и отрывочныя, но тѣмъ не менѣе любопытныя. Въ этомъ отношеніи хрестоматіи полезны, и дай Богъ, чтобы они вытѣснили собою нескладныя притчи и наставленія умственныхъ и наглядныхъ упражненій, которыя пишутся обыкновенно безъ большихъ претензій на слогъ и мысли. Но очевидно, что собственное мѣсто такихъ хрестоматій не классъ словесности: пусть будутъ они домашнимъ чтеніемъ для учениковъ, пусть замѣняютъ онѣ имъ чтеніе журналовъ, сказокъ, повѣстей. Учитель можетъ руководить учениковъ, указывая имъ ту или другую піесу для досужаго прочтенія, можетъ брать отъ нихъ и краткій отчетъ въ какой заблагоразсудится ему формѣ, словесно или письменно. Только, повторяю, энциклопедическое и эстетическое чтеніе хрестоматій очень желательно было бы изгнать изъ Гимназіи, и употребить классное время съ большею пользою.

Множество французскихъ и нѣмецкихъ хрестоматій нисколько не доказываетъ необходимости руской для Гимназій: ибо наша литература еще не йдетъ въ сравненіе съ французскою и нѣмецкою, по неустроенному состоянію языка письменнаго и

разговорнаго, и по бѣдности внутренняго содержанія. И вездѣ высшіе шаланты рѣдки, а шамъ и подавно, гдѣ меньше соревнованія и больше монополіи. Что сказалъ Гёте 1) о нѣмецкой беллетристикѣ, очень идетъ и къ намъ: „стихотворная образованность такъ распространилась въ Германіи, что уже никто не пишетъ дурныхъ стиховъ. Молодые поэты, присылающіе мнѣ свои произведенія, нисколько не хуже своихъ предшественниковъ, а такъ какъ сихъ послѣднихъ очень высоко цѣнили и цѣнятъ, то новые поэты вовсе не понимаютъ, почему и ихъ не хвалятъ также. И все-таки не льзя сдѣлать для нихъ ничего поощрительнаго, именно потому, что ихъ цѣлыя сотни, а излишняго не льзя желать, когда оспается печатымъ много гораздо полезнѣйшаго. Если бы изъ нихъ былъ одинъ выше всѣхъ, было бы хорошо, ибо для свѣта нужно одно превосходное." А школа имѣетъ полное право быть еще взыскательнѣе публики. Итакъ если мы отбросимъ все посредственное и преходящее, останется для ученія хотя немногое, но по истинѣ превосходное. Непонятно, для чего читать съ учениками подражателей Карамзину и Пушкину, а не обратиться къ самимъ образцамъ и источникамъ? Если отъ временъ Карамзина нашъ слогъ и поднялся, или измѣнился, то все же въ слѣдствіе трудовъ Карамзина. Слогъ его до сихъ поръ еще окончательно не разработанъ, и не принесъ еще

---

1) Eckermann, Gespräche mit Goethe, 1837, I, стр. 243.

шѣхъ плодовъ, какіе имѣетъ принесши, ибо такъ называемый Карамзинскій слогъ, коимъ многіе нынѣ пишутъ, по большой части усвоилъ себѣ только оприцательныя качества — каковы легкость періода, гладкость фразы, иногда переходящая въ безцвѣтность и вялость, мѣрная проза, пригорная въ своей крайности, славянизмы, которые, будучи въ оправѣ истертаго выраженія, придаютъ рѣчи напыщенность и неестественность и т. п. Не этому Гимназія должна учить своихъ питомцевъ по Исторіи Карамзина.

Исторію Карамзина надлежитъ разсматривать какъ средоточіе гимназическаго курса Словесности. Къ ней должны примкнуться и теорія Словесности съ Стилистикою и исторіею Литературы, и собственныя упражненія. Никакая руская хрестоматія не замѣнитъ полноты ея. Если бы кто возразилъ, что съ филологическимъ направленіемъ я небрегу внутреннимъ содержаніемъ, думаю о словахъ безъ живаго смысла: то именно шѣмъ и опровергну возраженіе, что вмѣсто disjecta membra хрестоматіи предлагаю живое, цѣлое произведеніе. Защитникъ хрестоматіи скорѣе дѣйствуетъ съ ущербомъ внутреннему содержанію, ибо въ отрывкѣ мысль не полна. Касательно же слога, вся выгода на моей сторонѣ, ибо никто изъ нашихъ писателей, кромѣ Ломоносова и Пушкина, не внесъ въ свои произведенія столько филологическаго изученія, сколько Карамзинъ въ свою Исторію. Литературную школу можно уподобить живописной или скульптурной.

Нынѣшніе живописцы учатся своему искусству, копируя по преимуществу Рафаэля, Тиціана, или инаго какого начальника цѣлой школы. Изучивъ основателя, легче сладишь съ его послѣдователями. Такъ какъ современный, и притомъ прозаическій слогъ въ Гимназіи нужнѣе устарѣлаго и поэтическаго, то Карамзинъ для нея необходимѣе Ломоносова и Пушкина. Прекрасная проза послѣдняго есть дальнѣйшее развитіе карамзинской, и можетъ быть изучена только послѣ оной. Какъ современный слогъ нашъ воспитался Карамзинымъ и Пушкинымъ, пусть такъ же воспитываются и Гимназіи: тогда школа не будетъ противорѣчить обществу, а притомъ оснуется на прочномъ историческомъ ходѣ современной нашей литературы. И какъ Карамзинъ отъ перваго до послѣдняго тома своей Исторіи болѣе и болѣе усовершенствовался, пусть и ученики въ послѣдовательномъ порядкѣ читаютъ изъ перваго, потомъ изъ втораго тома и т. д. Самъ Карамзинъ постепеннымъ развитіемъ своего слога будетъ наставлять учащихся: учитель словесности останется въ сторонѣ, и только будетъ руководствомъ для уразумѣнія его Исторіи. Такимъ образомъ учащійся самъ надъ собой замѣтитъ, какъ силы его болѣе и болѣе возрастаютъ, когда послѣдовательно изучитъ Карамзина, такъ сказать, генетически: ему ясны будутъ всѣ преобразованія его, ибо увидитъ ихъ источникъ и постепенный ходъ. Итакъ, кромѣ соотвѣтствія съ развитіемъ современной литературы, классъ словесности бу-

детъ органически устроенъ по историческому развитію слога самого Карамзина.

Вотъ истинное примѣненіе методы генетической къ Стилистикѣ! Разумѣется, изъ Исторіи Государства Россійскаго должны быть избраны для подробнаго изученія только мѣста лучшія, и по преимуществу имѣющія отношеніе къ литературѣ. Для этого необходима была бы Хрестоматія Карамзинская. Она же была бы вмѣстѣ и историческою: ибо слогъ Карамзина находился подъ непрестаннымъ вліяніемъ древнихъ источниковъ. На изученіи Карамзина учащіеся ясно поймутъ, что все прошедшее въ языкѣ и литературѣ никогда не умираетъ для настоящаго, а какъ необходимый элементъ, входитъ живительною силою, чудотворно претворяется въ современное, и остается залогомъ усовершенствованію для будущаго. Современный слогъ ежеминутно движется, слѣд. учить ему невозможно внѣ историческаго развитія, и самъ Карамзинъ покажетъ, сколько рускаго и теперешняго въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы, начиная отъ XI в. Могутъ сказать мнѣ: если домогаться живаго историческаго развитія, то не естественнѣе ли начать старинною литературою, откуда Карамзинъ почерпалъ многое для своего слога, и потомъ постепенно дойти до Исторіи Государства Россійскаго? Не льзя: ученики еще дѣти, не льзя ихъ насильственно оттолкнуть отъ современности, и увлекши въ отдаленное прошедшее, говорить, что и тамъ тоже, что нынѣ у насъ. Пусть они уви-

дятъ это сами, и сами почувствуютъ необходимость прошлаго въ современномъ. Наконецъ, пусть ихъ учителемъ въ этомъ дѣлѣ будетъ образцовое произведеніе Карамзина, а не личность наставника; пусть сама Исторія Государства Россійскаго, какъ средоточіе прошедшаго и настоящаго, почувствительно сдружитъ ихъ съ древностью, въ законной и простой формѣ настоящаго; пусть самъ Карамзинъ введетъ ихъ въ нашу древнюю литературу.

Чтеніе писателя, и для матеріала, или такъ называемаго изобрѣтенія мыслей, и для расположенія и для выраженія, принесетъ самые надежные плоды. Выгоды неисчислимыя и ученику, и учителю, и самому предмету обученія. Ученикъ выигрываетъ тѣмъ, что учится не личнымъ мнѣніямъ учителя, или школьнымъ системамъ безъ всякаго содержанія: коротное знакомство съ писателемъ есть уже неоцѣненное пріобрѣтеніе, и ученикъ на всю жизнь свою будетъ съ благодарностью вспоминать того учителя, который заставилъ его полюбить и изучить Исторію Государства Россійскаго. На сторонѣ учителя та выгода, что при чтеніи писателя онъ избѣгаетъ скользкихъ построеній Теоріи Словесности, ничтожныхъ общихъ мѣстъ о чистотѣ и красотѣ слога, о правильности расположенія и т. п. Главное искусство его состоитъ въ томъ, что онъ заставляетъ за себя говорить изучаемаго писателя, и тѣмъ наставляетъ дѣтей въ Стилистикѣ и Реторикѣ. Тогда умолкнутъ насмѣшки надъ учителями словесности, что они зани-

маютъ учениковъ своихъ пустою болтовнею и съ вѣтру нахватанными фантазіями.—Еще болѣе выгодъ касательно успѣховъ Граммашики и Реторики. Учитель, отстраняясь отъ всякихъ учебныхъ руководствъ, самостоятельно обращается къ писателю, и изъ него самого извлекаетъ законы языка и словесныхъ произведеній. Такимъ образомъ вѣрованіе въ школьныя руководства рушится подъ авторитетомъ классическихъ писателей; и всякъ, занимающійся словесностью, вложитъ свою собственную лепту въ науку, ибо прудится по источникамъ.

Изученіемъ Карамзина мы нисколько не отстраняемся отъ существующихъ теперь Граммашикъ, ибо въ основаніи ихъ приняшъ авторитетъ карамзинской рѣчи: но даемъ предмету болѣе обширный объемъ. Словарь и Граммашика еще невполнѣ воспользовались прудами Карамзина, а пуристы надавали намъ нѣсколько правилъ, которыя противорѣчатъ слогу Карамзина. Лашинскія Граммашики не ставятъ Цицерону или Титу Ливію въ ошибку какое-либо единажды попавшееся выраженіе, нѣсколько противорѣчащее общему употребленію; но замѣчаютъ оное, какъ исключеніе.

Внимашельное чтеніе Карамзина не только ученикамъ, но и учителю достанетъ весьма много новаго, и повлечетъ къ важнымъ соображеніямъ, обогашивши запасомъ словъ и выраженій для Стилистики, образовавши судительную силу разборомъ расположенія. Для примѣра укажу нѣсколько выра-

женій, любопытныхъ частію для Синонимики, частію для Граммашики и Стилистики 1).

Имена существительныя: зная же, что такъ называемый вѣчный *миръ* есть пустое слово, они заключили *перемиріе* отъ I Августа до 26 Октября, V, 34. говорили о *мирѣ*, но заключили только *перемиріе*, IX, 169. жестокую *осаду* превратишь въ тихое *облежаніе*, IX, 338. не упоминаетъ о такомъ безчестномъ, неосторожномъ *подмапѣ* нашихъ Вельможъ, IX, 100.

Имена прилагательныя: наступишь на Россію конною и *судовою* ратію, VI, 20. сіи внушенія дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что были согласны съ правилами собственнаго *опасливаго* ума Іоаннова, IV, 152. Австрійскій кабинетъ, издавна *опасливый*, IX, 277. *ливной* дождь запопилъ многія улицы, X, 13. Государь боялся *спѣшною* ѣздою утомить его, XI, 48. никто не смѣлъ взглянуть на *оглашенныхъ* измѣнниковъ, XI, 104.

Мѣстоименія: судъ нелицемѣрный, безопасность *каждаго* и общая, IX, 6, для отличія отъ мѣст. *всякій*.

Глаголы: онъ не *былъ*, но *бывалъ* пираномъ, XI, 182. двѣ крѣпости, Стрѣлецкая и такъ называемый Острогъ, *обтекаемыя* Двиною и Полотою, IX, 295. *увязилъ* коня въ болотѣ, XII, 221.

Частицы: сквозь 2) степи и пустыни достигнувъ до Ханскаго стана, IV, 33. *сквозь* безопасныя

1) По второму изданію Исторіи Государства Россійскаго.

2) Слич. во 2-й части стр. 160 и 161.

для него степи, IX, 201. опасности пути дальнаго, невѣдомаго *сквозь* степи, IX, 375, вм. *чрезъ*. пощади насъ, преступниковъ, не *для* моленія нашего но *для* своего милосердія, VI, 46, вм. *за*, *по*. насъ немного, *а* врагъ силенъ; *но* Богъ не въ силѣ, *а* въ правдѣ, IV, 25, для Синонимики союзовъ. распустивъ слухъ, *что будто бы* я участвовалъ въ семъ замыслѣ, IX, 215, плеоназмъ въ союзѣ. онъ лишился тогда супруги: *хотя*, можетъ быть, и не имѣлъ особенной къ ней горячности; *но* умъ Софіи, и пр. VI, 326.

Синтаксисъ: онъ *не* могъ избавить Россію отъ ига, IV, 69 — 70. въ Ордѣ находился сынъ Михайловъ, Іоаннъ, удержанный шамъ за 10,000 рублей, *коими* Михаилъ былъ долженъ Царю, V, 28. *нѣсколько* тысячь земледѣльцевъ *шли* впереди, V, 23. Гречь односторонне предложилъ правило, ограничившись примѣромъ изъ сочин. Карамзина, VIII, 248: *нѣсколько* иностранцевъ *стояло* на улицѣ и *смотрѣло* на пожаръ, см. Греча, Практ. Русск. Грамм. 1827, стр. 264.

Сличеніе грубаго матеріала древнихъ памятниковъ нашей литературы съ художественною обработкою ихъ въ Исторіи Государства Россійскаго можетъ предложить самые любопытные результаты, не только для расположенія и выраженія, но и вообще для критики Карамзина. Критика философская болѣе или менѣе шатка и подвержена сомнѣнію: ибо всякій можетъ и не признать фило-

софскаго основанія, на коемъ полагается критика. Приномъ философствованіе или безусловно (и часто безсознательно!) покоряется чужому мнѣнію, какъ аксіомѣ, или же переходитъ въ личное мечтаніе и доводитъ до произвольныхъ предположеній. Съ писателемъ классическимъ шутить не льзя: опасно съ вѣтру кричать, что то и другое у него ошибочно, нехорошо. Надобно какое-либо положительное мѣрило, самимъ разбираемымъ авторомъ принятое за правду. И такъ для Исторіи Карамзина основаніемъ критики будутъ историческіе и литературные источники, по коимъ она составлена. — Разумѣется, что говорю о критикѣ литературной, оставляя въ сторонѣ историческую со всѣми ея условіями и правилами.

Исторія Карамзина и въ отношеніи содержанія и слога предлагаетъ самое разнообразное изученіе. Кромѣ образца историческихъ разсказовъ, въ ней есть и повѣствованія, и разсужденія, и письма, и рѣчи различныхъ родовъ, и юридическіе акты. Будучи составлена по источникамъ, требуетъ изученія памятниковъ нашей литературы отъ древнѣйшихъ временъ до Дома Романовыхъ. Слогъ ея, напитанный всею древнею словесностью, въ современной формѣ предлагаетъ множество старинныхъ словъ и оборотовъ, которые Карамзинъ воскресилъ и ввелъ въ употребленіе. Вся Исторія Государства Россійскаго такъ крѣпко держится на преданіи, что изучать ее — значитъ вмѣстѣ изучать и древніе памятники нашей литературы; послѣдо-

вашь Карамзину въ слогѣ — значишъ, подобно ему, воспишашь себя въ древней нашей литерашурѣ.

Для примѣра и соображенія извлекаю изъ Исп. Гос. Рос. (по 2 му изд.) выраженія, намѣренно заимсшвованныя Карамзинымъ изъ древнихъ памяшниковъ.

т о м ъ I.

сіи варвары (Обры) *великіе тѣломъ и гордые умомъ* (пишешъ Несторъ), исчезли въ нашемъ опечесшвѣ опъ моровой язвы 40.

Славяне думали, чшо оно (божесшво) ужасаешъ людей грозными привидѣніями или *страшилами* 82.

творили надъ умершими *тризну* 102.

посланные Олегомъ, Великимъ Княземъ Русскимъ, и *всѣми сущими подъ рукою* его, Свѣшлыми Бояpами, къ вамъ, Льву, Александру и Конспаншину (брашу и сыну перваго), великимъ царямъ Греческимъ, на *удержаніе* и на *извѣщеніе* опъ многихъ лѣшъ бывшія любви между Христіанами и Русью 136.

первымъ словомъ да *умиримся* съ вами Греки 136.

шакже и вы, Греки, да хранише всегда любовь *неподвижную* къ нашимъ свѣшлымъ Князьямъ Русскимъ 136.

когда убійца *домовитъ* и скроешся, шо его имѣніе опдашь ближнему родсшвеннику убишаго 137.

проводимъ (лодью) сквозь всякое *страшное* мѣсшо до *безстрашнаго* 138.

прислашь его (Русина, умершаго въ Греціи) имѣніе въ Русь къ *милымъ ближнимъ* 139.

съ моремъ кто *совытень* 150.

которую (цѣну) хозяинъ объявитъ *подъ крестомъ* (или присягою) 153.

клянутся *хранить истину* союза 154.

обручи и мечи 154.

поди въ дань съ нами. *Ходить въ дань* значило когда объѣзжать Россію и собирать налоги 156.

когда же иные враги *помыслятъ на Грецію*, да буду ихъ врагомъ и да борюся съ ними. Если же я или *сущіе подо мною* не сохранятъ сихъ *правыхъ* условій, да *имѣемъ клятву* отъ Бога, въ коего вѣруемъ: Перуна и Волоса, бога скотовъ. Да будемъ *желты какъ золото*, и собственнымъ нашимъ оружіемъ изсѣчены 191 и 192.

Императоръ, окруженный *златоносными* всадниками 192.

изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ медомъ и шкурами, или съ оброкомъ княжескимъ — что называлось: *возить повозъ* 244.

клѣти, или горницы, съ обѣихъ сторонъ дома раздѣлялись *помостомъ* или сѣньми; спальни назывались *одринами* 253.

ТОМЪ II.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, *отеръ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ Великаго Князя Россійскаго 19.

Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ *черменъ лицемъ и дебелъ тѣломъ* 26.

холопомъ *обѣльнымъ*, или полнымъ, бываетъ 1) человѣкъ купленный при свидѣтеляхъ 48.

закупъ, то есть, наемникъ или на время закабаленный человѣкъ 48.

выдаетъ его *на потокъ* — или въ руки Государю 49.

съ вора *клѣтнаго* — т. е. домашняго или горничнаго — взыскивается въ казну 3 гривны, съ вора *житнаго*, который унесетъ хлѣбъ изъ *ямы* или съ гумна, 3 гривны и 30 кунъ 52.

имя *набойная* (лодья) происходитъ отъ досокъ *набиваемыхъ* сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его 55.

опознавъ вещь у горожанина, идетъ съ нимъ *на сводъ*, то есть спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? 55 и 56.

ежели мать умретъ *безъ языка*, или безъ завѣщанія . . . 64.

истецъ во всякой тяжбѣ долженъ итти съ отвѣтчикомъ *на изводъ передъ* 12 *гражданъ* 65.

взяли въ *тали*, или въ аманаты 110.

онъ не *блюдетъ* простаго народа 183.

давъ *свѣтлый* пиръ Митрополиту и Боярамъ 191.

заключивъ союзъ съ Изяславомъ, не хотимъ нарушить онаго, и *не можемъ играть душею* 232.

нѣтъ! сказалъ Князь: *я добылъ* Кіева и Переяславля головою 233.

опоясалъ мечемъ многихъ сыновей Боярскихъ 235.

навсегда оспался (Гейза) другомъ Изяславу, или, по тогдашнему выраженію, *не разлучался съ нимъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ* 259.

еще *не обсохли* уста твои, которыми ты цѣловалъ Крестъ въ знакъ искренняго дружества 310.

ТОМЪ III.

нѣтъ! сказали ему жители: ты *ударилъ пятою* Новгородъ 47.

(Романъ и Александръ) долженствовали господствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ или *подручниковъ* 129.

Константинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говоритъ лѣтописецъ, со *гнѣвомъ воздвигъ брови свои на Георгія* 134.

не *обинуяся лица сильныхъ*, по словамъ лѣтописца, *и не туне нося мечь, ему Богомъ данный*, онъ (Всеволодъ Георгіевичь) казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ 135.

сѣдлами закидаютъ (Суздальцы) Новогородцевъ 156.

встревоженные полки Георгіевы *стояли* всю ночь *за щитами*, то есть, вооруженные и въ боевомъ порядкѣ 157.

жители другихъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно *пригородами* 201.

ограды деревянныя или *остроги* служили внѣшнею защитою для крѣпостей, замковъ или *дѣтинцевъ* 204.

спѣнобишныя орудія или *пороки* уже давно были у насъ извѣстны 204.

Нѣмецъ даетъ вѣсовщику за двѣ *капи*, или 24 пуда, куну Смоленскую 213.

другіе Князья Мордовскіе были *ротниками* или присяжными данниками Георгія 275.

съ того времени сіе мѣсто (гдѣ убилась Евпраксія съ младенцемъ), въ память ея, называлось *заразомъ* или убоемъ 278.

ТОМЪ IV.

граждане, по выраженію Лѣтописца, *стремились* къ Даніилу *какъ пчелы къ матцѣ, или какъ жаждущіе къ источнику водному* 8.

пріятный голосъ сего Князя (Алекс. Невскаго) *гремѣлъ какъ труба* на Вѣчахъ 22.

Александръ собственнымъ копіемъ *возложилъ печать* на лице Биргера 26.

Новогородскій Бояринъ, отправленный къ Епископамъ и къ чиновникамъ *Дворянъ Божіихъ*—такъ у насъ именовали рыцарей Ливонскихъ 99.

при дни стояли Россіяне *на костяхъ*, то есть на мѣстѣ сраженія 101.

допынѣ—пишетъ Митрополитъ—уставы церковные *были омрачены облакомъ Еллинской мудрости* 123.

между тѣмъ Великій Князь Димитрій наказалъ данниковъ Новагорода, Кореловъ, *взявъ* ихъ землю на *щитъ*, то есть разоривъ оную 128.

шакъ Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему Святителя Перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, *на свѣчу для гроба Даніилова* 148.

онъ можетъ послать три *ватаги* для ловли на море 168.

не позволятъ *самосуда* ни себѣ, ни княжескимъ судіямъ, но рѣшатъ тяжбы единственно по законамъ 170.

не заплатилъ ли я ему (хану) *выхода* или царской пошлины? 179.

....гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть *держитъ* и слово наше *владѣетъ* 192.

зобница ржи стоила тамъ 5 гривенъ 193.

Димитрій Михайловичъ, прозваніемъ *Грозныя Очи* 201.

христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомы* и насилій долговременныхъ 214.

и руки его (рода Московскихъ Князей) *взыдутъ на плеща враговъ нашихъ* 216.

... *въ отчину* и *въ дѣдину* 223.

отрубивъ голову ему и юному Ѳеодору, *розняли ихъ по составамъ* 233.

голодъ, названный въ лѣтописяхъ *рослою рожью* 241.

въ *челядню*, или въ людской избѣ 243.

оставляю сію *душевную* грамоту 244, вм. духовную.

ожерелье матери ея, *чело* и гривну 245.

не искавъ чести, по словамъ лѣтописи, *но отъ чести взысканный* 288.

судишь и рядишь земледѣльцевъ свободныхъ и *численыхъ* людей 291. Люди *численные* — то есть, вольные, окладные, платившіе дань государственную IV. 244.

т о м ъ V.

Князья Ростовскіе и Ярославскіе *со мною одинъ человѣкъ* 42.

мѣсто было изобильно, *пчелисто* и *пажитно* 46.

доказывая, что сей Архимандритъ еще *новоукъ* въ монашествѣ 56.

„Мамай *со всѣмъ Царствомъ* идетъ въ землю Рязанскую противъ меня и тебя,“ писалъ онъ къ Великому Князю: „Ягайло также; *но еще рука наша высока*: бодрствуй и мужайся 63.

спалъ *на костяхъ* или на полѣ битвы 72.

гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы? 73.

сія многолюдная столица *кипѣла* прежде *богатствомъ и славою* 87.

посадникъ, бояре, *житые* (именитые) и черные люди всѣхъ пяти концевъ 94.

черный боръ, или дань, собираемую съ чернаго народа 96.

Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, братья и друзья, казались дополъ однимъ человѣкомъ 102. Здѣсь Карамзинъ написалъ уже опять себя, по примѣру лѣтописи. Слич. V, 42.

что гости, *суконники* и *городскіе люди* свободны отъ службы 104.

силою одного разума и характера заслужилъ отъ современниковъ имя *орла высокопарнаго* въ дѣлахъ государственныхъ 107.

вывезли къ намъ изъ земли Нѣмецкой *арматы* и *стрѣльбу огненную* 122.

ходишь на войну съ нимъ или съ полками Великокняжескими, *сидѣть въ осадѣ*, гдѣ онъ велитъ 126.

немедленно *объявилъ гнѣвъ*, то есть войну Новугороду 160.

они смиренно *били челомъ* 163.

онъ, какъ сказано въ лѣтописи, *не потакалъ Боярамъ* 174.

вездѣ *туга* и скорбь, предсказанныя нѣкоторыми книжниками года за три или за четыре 200.

земля Русская была нашимъ вѣрнымъ улусомъ; *держала страхъ*, платила дань 201.

Князь возстаетъ на Князя, братъ остритъ мечь на брата, племянникъ *куетъ* копіе на дядю 217.

въ семъ завѣщаніи Василій, *благословляя* сына Великимъ *Княженіемъ* и поручая матери, отказываетъ ему все родительское наслѣдіе и собственный *примыслъ* (Нижній Новгородъ, Муромъ) 221.

да не скажутъ легкомысленные: *отлучимся отъ нихъ, когда они удалились отъ Церкви Греческой* 232.

намѣстникъ беретъ куницу *шерстью* 235 и 237.

уличенный въ *самосудѣ* платитъ 4 рубля; а самосудъ есть то, когда гражданинъ или земледѣ-

лецъ, схвативъ шапя, отпуститъ его за деньги, а намѣстники о семъ узнаютъ 235.

былъ смертельно уязвленъ оружіемъ въ Коломнѣ *на игрушкѣ*, какъ сказано въ лѣтописи 239, рыцарскія игры.

пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, спрѣмясь въ слѣдъ за Государемъ, какъ *пчелы за маткою*, по старому, любимому выраженію нашихъ лѣтописцевъ 262.

легатъ отъ ребра (a latere) *Апостольскаго* 292.

Митрополитъ *отдалъ ее* (Вѣру) *на златѣ* Римскому Папѣ 294.

мужъ святый! обѣщаю доставить тебѣ санъ Митрополита, но прошу твоей услуги. Иди въ свою Епископію, въ городъ Муромъ; *возьми* дѣтей Великаго князя *на свою епитрахиль* и привези ко мнѣ 322.

Димитрій хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, *связать душу* Васильеву Крестомъ и Евангеліемъ 325.

народъ, утѣшенный сожалѣніемъ и милостію Государя, *почилъ* (какъ сказано въ лѣтописи) *отъ минувшаго зла* 343.

въ 1228 году они (поединки) уже были въ Россіи способомъ доказывать свою невинность предъ судьями, и назывались *Полемъ* 387.

вмѣстѣ съ судьями и *докладчиками* засѣдали Присяжные 388.

дѣло предлагалось такъ называемыми *разскащиками* или стряпчими 388.

монетчики назывались *денежниками* 401.

сразились, не шолько оружіемъ, но и *сами о себя избивая другъ друга*, 406.

принявъ власшь опъ Бога, онъ съ Богомъ возвеличилъ землю Русскую, копорая во дни его Княженія *воскипѣла* славою 407.

кропко-повелишеленъ съ Князьями, шихъ, *увѣтливъ* съ Боярами 407.

благошворя всѣмъ, (Димишрій) могъ назвашься *окомъ слѣпыхъ*, *ногою хромыхъ*, *трубою спящихъ въ опасности* 407.

о день скорби и *туги*, день мрака и бѣдспвія, вопля и захлипанія 407.

оба (князь и княгиня) жили единою добродѣшелію, какъ *златоперсистый* голубь и *сладкоглаголивая* ласповица 407.

княгиня горько восплакала, проливая *слезы огненныя* 407.

ТОМЪ VI.

немедленно опправились, по погдашнему выраженію, *искать ратной чести* 18.

принудили Ибрагима заключишь миръ *на всей волѣ* Государя Московскаго: шо ссшь, исполнишь всѣ его пребованія 23.

въ земли и воды мои не вступалися, имя мое *держали честно и грозно по старинѣ* 25.

въ упверженіе договора цѣлуй крешъ къ Великому Новугороду за все свое Княжесшво и за всю Раду Липовскую *въ правду*, *безъ извѣта*; а послы наши цѣловали крестъ *Новогородскою душею* къ

честному Королю за Великій Новгородъ 33. слич. *честный* Король Польскій 31.

не уклоняйтеся отъ *святой, великой старины* 35.

ополченіе наше (говорятъ лѣтописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освѣщенному солнцемъ 55.

самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, *отрасль царственнаго древа, коего сѣнь покоила нѣкогда все Христіанство* 60.

она (Софія) одѣлась въ *царскія ризы* 65.

во всю дорогу (легатъ Папскій) ѣхалъ съ Латинскимъ *крыжемъ* 66.

ты, Великій Князь, обязанъ слать ко мнѣ Царю *помники* или дары ежегодные 87.

рыбій зубъ и поставъ *рудожелтаго* сукна 103.

онъ *привелъ Великій Новгородъ во всю волю свою* 128.

сіи, какъ сказано въ лѣтописи, шучные вельможи любили свое имѣніе, женъ и дѣтей гораздо болѣе отечества, и непрестававали *шептать* Государю, что лучше искать мира 152.

мы всѣ благословляемъ тебя на Ахмета, не царя, но разбойника и *богоборца* 155.

шлетъ твоему величеству *тяжелый поклонъ съ легкимъ даромъ* 187.

Государь, пожаловавъ его въ *золотоносцы*, далъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, горностаевую шубу и серебряныя *остроги* или шпоры 216.

ему велѣно было именемъ Іоанновымъ *спросить Максимиліана о здравіи, но не править поклона* 222.

ревностнымъ *обытникомъ Св. Николая* 231.

пользуясь *незгодою Россіи*, Литва завладѣла ихъ спранами 248.

другъ и братъ великое дѣло; не скоро добудешь его 257.

правилъ имъ поклонъ стоя, не на колѣняхъ 272.

шы отъ чистаго сердца прислалъ *добраго* мужа *къ моему порогу* 273.

присягнули въ вѣрности къ Россіи и *пили воду съ золота* предъ нашими чиновниками 284.

когда же *ни добромъ, ни лихомъ* не возьмемъ Кіева 291.

Іоаннъ, *сложивъ съ себя крестное цѣлованіе*, объявлялъ войну Литвѣ 296.

Москвитяне и *Татары* не *саблями свѣтлыми* рубили поганыхъ 308.

Магметъ-Аминь велъ нашихъ *служилыхъ* Татаръ 309.

требуя *поля* и единоборства 355.

самые злочестивые цари Ординскіе, боясь Господа, щадили собственность монастырей и Святительскую: *не смѣли двигнути вещей недвижимыхъ* 362.

т о м ъ VII.

посламъ и купцамъ обѣихъ Державъ вездѣ *путь чистъ* и свободенъ 23.

говорю съ нимъ предъ тобою съ очи на очи 28.

ты, Царь всея Руси, *держишь насъ въ старинѣ* 33.

твой намѣстникъ утѣсняетъ *добровольныхъ* людей, Псковитянъ 33.

народъ думалъ, что ему дѣлать? *ставить ли щитъ противъ Государя? затвориться ли въ городѣ?* 35.

а мы, сироты твои, и прежде и нынѣ были отъ тебя, Государя, *неотступны* и ни въ чемъ не противились 36.

вы *держали имя наше честно и грозно* 36.

предъ лицемъ Государя мы единомысленно дали ему *крѣпкое слово своими душами* за себя и за васъ, братья, исполнить его приказаніе 37.

требовалъ его именемъ, чтобы они, если хотятъ жить *по старинѣ*, исполнили *двѣ воли* Государевы: отмѣнили Вѣче, сняли колоколъ опаго, и во всѣ города свои приняли Великокняжескихъ намѣстниковъ 38.

другихъ среднихъ и младшихъ гражданъ отпустили въ домы, съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ *развода* 42. т. е., что ихъ не выведутъ изъ Пскова.

онъ просилъ новаго *опаса*, и получилъ его 55. опасная грамота.

земля наша, твоя отчина, пустѣетъ: пріими градъ съ *тихостію* 64.

Бояре Смоленскіе, народъ, жены, дѣти встрѣтили Василія въ предмѣстіи *съ очами свѣтлыми* 65.

изобразили свирѣпость, хитрость, счастіе Селима, упоеннаго кровію отца и трехъ братьевъ, *возжигающаго предъ собою свѣтильники отъ тука сердецъ Христіянскихъ* 92 и 93.

молили его объявить искренно, желаетъ ли, или не желаетъ мира съ Литвою, чтобы *не плодить рѣчей* безполезно? 93.

онъ *здравствовался* съ Великимъ Княземъ и спалъ на колѣна 95.

здравая политика велитъ намъ мириться съ Литвою, ибо *время воюетъ* сію Державу 100.

не хотѣлъ слушать *поклоновъ* отъ Великаго князя 102.

объявилъ ей, что она будетъ матерію *Тита, широкаго ума* 157.

но — какъ сказано въ лѣтописи — *не приказывалъ къ нему о братствѣ*: ибо не зналъ, что онъ, самодержецъ или только *урядникъ* Индѣйскаго царства 161.

и да *высится* рука христіанъ надъ невѣрными 167.

мы природные вамъ Государи, а вы наши *извѣчные* Бояре 167.

служите сыну моему, какъ мнѣ служили: блюдите *крѣпко*, да царствуетъ надъ землею 167.

а ты Князь Михаилъ, за моего сына Іоанна и за жену мою Елену долженъ охотно пролить всю кровь свою *и дать тѣло свое на раздробленіе* 168.

жаловались также на любовь его *къ новымъ обычаямъ*, привезеннымъ въ Москву Софіиными Греками, которые, по ихъ словамъ, *замышляли* Русскую землю 181.

Великій Князь, какъ говорили иногда, *судилъ и рядилъ* землю всякое утро до самаго обѣда 181.

опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, *стадную*, *убойную* 187. слич. VII, 129: Волохи нушники мои и спадники.

Макарій первый учредилъ *общежительство* въ монастыряхъ Новогородскихъ 191.

(иконы) Спасителя и Апостоловъ, Петра и Павла, *устроенныя* (какъ сказано въ лѣтописи) *изъ золота и серебра* 191.

Правительство наблюдало, чтобы сіи *денежники* не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла 207.

свѣчами *Богоявленскими* зажгли *брачныя*, обогнутыя соболями и вдѣтыя въ кольца 221.

свѣчи съ короваями отнесли въ спальню, или въ *сѣнникъ* 222.

на лавкахъ стояли *оловянники* съ медомъ 222.

Князь Юрій Іоанновичь сидѣлъ опять *на большомъ мѣстѣ* 223.

въ дверяхъ знатнѣйшій Бояринъ *выдавалъ* Великую Княгиню и говорилъ рѣчь 223. свадебный обрядъ.

защитникъ Государства, отецъ вельможъ и народа, мудрый *соглагольникъ* духовенства 229.

т о м ъ VIII.

въ болѣзни и тоскѣ *я отбылъ ума и мысли* 14.

Шейдякъ считалъ себя главою всѣхъ Ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ Хану, *урочные поминки*. Бояре отвѣтствовали: Го-

сударь *жалуетъ* и Хановъ и Князей, смотря по ихъ *услугамъ*, а не даетъ никому *урока* 20.

поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ велѣла казнить 43. кто поддѣлываетъ и обрѣзываетъ деньги.

Казанцы шерзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, *не двигаемъ ни волоса* для защиты своей земли 54.

воеводы Іоанновы, по словамъ Лѣтописцевъ, *пировали духомъ*, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня 65.

Всевышній оградилъ сего Христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и *милостивое око* для послушныхъ 99.

одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ* 109.

описалъ все претерпѣнное *вдовствующею* Россіею во дни его сиротства и юности 109.

Князь Симеонъ Микулинскій съ передовою дружиною разбилъ его на голову и *втоптамъ* въ городъ 115.

вы, угождая имъ, *кладете бритву на брады свои*, и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь быть мужами 142.

въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань, и стало въ шести верстахъ отъ нея на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые *подобно зеленому сукну* разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость 156.

имъ велѣно не давать намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми *напъздами* 162.

Ташары гнали ихъ, вписнули въ обозъ, начали *водить круги* передъ нашими укрѣпленіями, и пускали стрѣлы дождемъ 164.

Казанцы *не слушали ни краемъ уха*, по выраженію Лѣтописца 170.

но явились Муромцы, дѣти боярскіе, *стародавные племенемъ и доблестью* 171.

наконецъ, 1 Октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то-есть, къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ *очистить душу* на канунѣ дня роковаго 173.

послалъ Бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины *съ хвалою и съ милостивымъ словомъ* 183.

многіе вишязи, по словамъ Лѣтописца, *сіяли ранами драгоцѣннѣйшими алмазовъ* 184.

тутъ же послы отъ Царицы, Князя Юрія, Митрополита, *здравствовали Государю на Богомъ данной ему отчинѣ, Царствѣ Казанскомъ* 189.

терзаемый бѣдствіемъ отечества, онъ, Царь великодушный, возложивъ *неуклонную* надежду на Бога Вседержителя, произнесъ обѣтъ спасти насъ; ополчился съ вѣрою; шелъ на труды и на смерть; *страдалъ до крови* 193.

а вы Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно щадить вамъ мятежныхъ Бояръ: они не пощадятъ васъ; вы будете *первыми мертвецами* 208.

важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемаго *кирилловскаго пъзда* 214. п. е. путешествія въ Кирилловъ монастырь.

Князя Симеона *выставили на позоръ* и започили на Бѣлоозеро 216.

въ сей нѣкогда ужасной странѣ, *полной мечей и копій*, обитала тогда безоружная, мирная робость 222.

Россіяне могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря, вмѣстѣ съ Астраханцами, *безданно и безъявочно* 223.

племянники и дѣти мои единодушно *дали мнѣ поводы уздъ своихъ*: я властвую надо всѣми улусами 228.

Король *Нѣмецкій сгрубилъ* намъ 247.

скажемъ вамъ также *не въ укоръ*, но единственно *въ разсудъ*: кто Государь вашъ? Вѣнценосецъ, правда; но давно ли еще торговалъ волами? 249.

ихъ встрѣчали и провожали во дворецъ знатные сановники; угощали *на золотѣ*, пышно и великолѣпно 249.

шесть дней продолжались битвы жестокія и достойныя *мужей рыцарскихъ*, какъ пишетъ Воевода Курбскій 280.

мы готовы умереть, готовы обороняться, пока есть у насъ *блюдо на столѣ и ложка въ рукахъ* 281.

читали торжественно донесеніе Адашева, радовались, что онъ проложилъ намъ путь въ нѣдра

сего *темнаго* царства, гдѣ дополѣ *сабля Русская еще не обагрялась кровію невѣрныхъ* 296,

не говори *безмѣлицы* и докажи опытомъ свое искреннее миролюбіе 297.

она (Ливонія), съ вѣдома и согласія нашего, избирая себѣ Нѣмецкихъ Магистровъ и *мужей духовныхъ*, всегда платила дань Россіи 302.

шакъ называемые *сторонщики* Псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ Ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ 304.

избираю тебя, моего *любимаго*! иди и побѣждай 305. *любимый* вм. любезный часто употребляется въ древнемъ языкѣ: напр. „И по семъ же слышахъ, *любиміи*, како грѣхъ ради нашихъ“....Акты Истор. I, стр. 58.

т о м ъ іх.

обремененный дѣлами, онъ не знаетъ иныхъ утѣхъ, кромѣ совѣсти мирной, кромѣ удовольствія исполнять свою обязанность; не хочетъ обыкновенныхъ *прохладъ* царскихъ 6.

сей *Богомъ урожденный* Царь 6.

вымышляютъ дѣтскія *страшила* 13.

начали забавлять Царя, сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и *свѣтлыми* пирами 18.

Іоаннъ велѣлъ отсѣчь ему голову—за *противное* слово (говоритъ Лѣтописецъ) 27 и 28.

знаю только дѣла церковныя; не *стужайте* мнѣ государственными 38.

руки твои наполнились плѣна и богатства 43.

онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалишься отъ дѣлъ и посвяшишь себя *житію молчальному* или пустынному 49.

Царь Іоаннъ въ 1547 году искалъ въ Германіи художниковъ *для книжнаго дѣла* 49.

печашь на одной сторонѣ должна предсшавляшь образъ Богомашери съ младенцемъ, а на другой руку *благословенную* съ именемъ Мишрополиша 52.

шакъ было до временъ *великаго мстителя неправдамъ*, моего дѣда; до славнаго родишеля моего, *обрѣтателя древней нашей отчины*, и до меня *смиреннаго* 54.

Мишрополишъ и духовенсшво вступаюшся за виновныхъ грубяшъ, служаютъ ему 75. Здѣсь послѣдній глаголъ является прямо въ собсшвенной Карамзина рѣчи. Слич. IX, 38.

мы всѣ *съ своими головами* ѣдемъ за шобою *бить челомъ Государю и плакаться* 76.

однимъ словомъ, люди земскіе, ошъ дворянина до мѣщанина, были безгласны, безопвѣшны прошивъ опричныхъ; первые были *ловомъ*, послѣдніе *ловцами* 86 и 87.

убѣждалъ его не *вперять бремени великаго лодыи малой* 95. т. е. не давашь ему Мишрополіи.

люди умирали скоропосшижно, *знаменіемъ*, какъ сказано въ лѣшописи: вѣроящно пяшномъ или нарывомъ 110.

въ Казанской (области) и въ сосѣдственныхъ съ нею явилось неописанное множество мышей, которыя *тучами* выходили изъ лѣсовъ 110.

дворянъ *первой* и *второй статьи* 115.

Рига и Венденъ необходимы намъ для безопасности Юрьева или Дерпта, самаго Пскова и Новагорода, коихъ торговля стѣснится и *затворится*, если сіи города Ливонскіе останутся у Короля 115.

Іоаннъ *взялъ* Кучума *подъ свою руку, въ обереганіе* 134.

Бояре, Дворяне, Приказные люди надѣли *смиренное платье* или прауръ 139.

кто не могъ заплатить сей пени, того *ставили на правежъ*: всенародно били, сѣкли съ утра до вечера 149.

сіе, какъ говоритъ лѣтописецъ, *неисповѣдимое колебаніе, паденіе, разрушеніе Великаго Новагорода продолжалось около шести недѣль* 151.

Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и *людьми веселыми*, или скоморохами 165.

слышали вдали *прыскъ* и ржаніе табуновъ 179.

жгу и пустошу Россію (писалъ Ханъ) единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги *примѣняю* къ праху 185.

послы увѣряли, что Король во всемъ *исправится и добьетъ челомъ* Царю за вину свою 192.

200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по *Нѣмецкому чину* 192.

нынѣ видимъ противъ себя одну *саблю*, Крымъ; а если отдадимъ Хану завоеванное нами, то Казань

будешь *вторая сабля*, Астрахань третья, Ногаи четвертая 210.

злочестіе *высится*; Христіянство *никнетъ* 214.

мы Цари *изначалные* и происходимъ отъ Августа Кесаря 229.

шестою Іоанновою супругою — или, какъ пишутъ, *женищемъ* — была прекрасная вдова, Василисса Меленьева 274.

началъ *копать борозды* (или весши траншеи), 331 и 332.

но Шуйскій, узнавъ отъ бѣглеца Липовскаго о сихъ тайныхъ девяти подкопахъ, умѣлъ *перенять* нѣкоторые изъ нихъ; другіе сами обрушились 337.

кидали гранаты (*кувшины съ зеліемъ*) 337.

отдать ему, но только *въ конечной неволѣ*, всю Россійскую Ливонію 342.

сія вылазка была сорокъ шестая — *и прощальная* 347.

называться полнымъ отчествомъ или *Вичемъ* 356.

сидѣлъ Іоаннъ только съ Боярами, Дворянами *сверстными* и Князьями *служилыми* 359.

утверждалъ, что мы *новоуки* въ Христіанствѣ 362.

Католики вольны (сказали Антонію) жить у насъ по своей Вѣрѣ, *безъ укоризны и зазору* 367.

принимать къ себѣ всякихъ людей вольныхъ, не *тяглыхъ* и не бѣглыхъ 376.

съ обязательствомъ *не дѣлать рудъ*, и если найдутъ гдѣ серебряную, или мѣдную, или оло-

вянную, но немедленно возвѣщаешь о семъ казначеевъ Государевыхъ 377.

имъ должно *покрыть* вины свои совершѣнымъ усмиреніемъ Остяковъ и Вогуличей 384.

казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое *дѣло студное* 390.

Государь и народъ *воспрянули духомъ* 398.

заиграло Кучюмово сердце, какъ сказано въ лѣтописи 407.

не льзя ничего купить на торгу или *съ лавки* безъ поруки 450.

дни черезъ два совершается *избраніе*, объявляемое ему *благовѣстниками*, Архимандритами Спасскимъ и Чудовскимъ 464.

избранный, между осьмью спояшими *огненниками*, подъ орломъ, читаетъ Исповѣданіе Вѣры 465.

т о м ъ x.

на громогласномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла *постника* и *молчальника* 6.

и да бояшся *серпа небеснаго* 16.

въ угодность имъ *не затворимъ дорогъ* въ свою землю 29.

желаетъ всегда *блюсти ихъ подъ своею рукою* 31.

въ *высокохвальномъ* Королевствѣ Шведскомъ 49.

служишь ей усердно *до издыханія* 64.

Царская наша Дума благоразумно совѣтовала ему *манить* Султана и не раздражать до общаго возстанія Европы на Оттоманскую Имперію 65.

я кину свое бѣдное Царство и побѣгу, *куда несутъ очи* 66.

избывая мірскія суеты и докуки, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ Борису 82.

они всѣ *головами своими кинутся* къ Кракову 101.

онъ *трепеталъ какъ голубь*, испуская духъ, и скончался 133.

началъ играть съ ними ножемъ въ *тычку* 139.

Богъ даровалъ ему побѣду *раденіемъ и промысломъ Борисовымъ* 156.

сами *пойдемъ на Москву своими головами* 174.

онъ *залегъ всѣ пути Крымцамъ къ Дунаю* 182.

имѣю 40,000 всадниковъ, 30,000 пѣшихъ воиновъ, 6000 стрѣльцовъ съ *огненнымъ боемъ* 194.

изъявивъ Ѳеодору желаніе быть съ нимъ *въ крѣпкой любви* 199.

правитель сказалъ Царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи* 211.

въ предисловіи сказано, что безъ сей *численной философіи, изобрѣтенія Финикійскаго, единой изъ семи свободныхъ мудростей* 259, т. е. безъ Ариѳметики.

слова были писаны *связью*, или невразумительными чертами 269.

а въ деревянномъ городѣ или *Скородомѣ* (что есть *на скоро выстроенномъ* въ 1591 году) жили мѣщане и ремесленники 271.

нѣсколько пѣшуховъ разсольныхъ съ инбиремъ, куриць *безкостныхъ*, тетеревей съ шафраномъ 275.

подъ сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую *лѣтникомъ* 280.

тогда *здравствовали* новому Монарху всѣ Россіяне 6.

доносишь о всякихъ *скопахъ и заговорахъ* 7.

чтобы *въ дѣлахъ разрядныхъ и земскихъ не доводить Государя до кручины* 8.

устроилъ еще *плавную* или судовую рать на Окѣ 15.

клятва и казнь всякому мятежнику, *раскольнику любопрительному* 20.

имѣла бѣлизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащіе* на плечахъ, — лице свѣжее, румяное, брови *союзныя* 49.

не менѣе плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ* 50.

Александръ палъ, ибо *не прямилъ* Россіи, и не споилъ ея сильнаго вспоможенія 69.

она сама пила *чашу Борисову* 74.

политики вообще благоразумной, не чуждой власолюбія, но умѣреннаго: болѣе *охранительной*, нежели *стяжательной*... 85.

взялъ къ себѣ для *книжнаго дѣла* 124.

желаніе *избыть Бориса* овладѣло сердцами 175.

Князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Путивль, уже не къ Царевичу, а къ Царю *съ повинною* отъ имени войска 194.

граждане выѣхали изъ столицы *съ повинною* къ Самозванцу въ Тулу 202.

на службѣ *прямить* и мужествовать неизмѣнно 210.

Московскій Благовѣщенскій Протоіерей, Терентій, сочинилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнценосцу доблему, *носящему на языкѣ милость* 218.

положили *избыть* Разстригу и Ляховъ 387.

покрыть милосердіемъ вину заблужденія 31.

Вельможи его — говоритъ лѣтописецъ — были въ смущеніи и въ *двоемысліи* 96.

велѣли ему *дѣлать* подъ башнями шакъ называемые *слухи* или ямы въ глубину земли, чтобы слушать шамъ голоса или стука людей, копающихъ въ ея нѣдрахъ 104.

Св. Сергій—говоритъ Лѣтописецъ—*охрабрилъ* и невѣждъ 109.

шребовашь и *молить слезно* 255.

главнымъ дѣломъ, для Пословъ было возвращишься въ Москву съ Владиславомъ, *дать отца сиротамъ* 255.

ручаемся вамъ *душами* за Боярина Шеина и гражданъ 256.

всѣ, *отъ мала до велика*, и шамъ и въ другихъ городахъ цѣловали крестъ Владиславу 257.

Москвишяне пировали съ Ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь брашьями *и нося камень за пазухою*, какъ говоритъ Историкъ-очевидецъ 266.

вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединишься *душами и головами* для изгнанія Ляховъ 274.

Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, *будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ главы* 274.

имя *львообразнаго* Спрашига 295.

многолѣтствовали въ церквахъ благовѣрнымъ Князьямъ и Боярамъ 297.

(Дѣти Боярскіе) стояшъ нынѣ *со всею землею* противъ измѣнниковъ и враговъ 312.

ПИСЬМЕННЫЯ УПРАЖНЕНІЯ.

1. Дѣловыя бумаги.

Часто случается слышать жалобы родителей на то, что ихъ дѣти, учась въ Гимназіи всякимъ премудростямъ, не умѣютъ написать простаго объявленія или расписки. Удовлетворяя практической потребности, учители внесли въ Реторику руководство къ сочиненію дѣловыхъ бумагъ, какъ то: газетныхъ объявленій, квитанцій, свидѣтельствъ, просебъ и т. п. Для образца привожу изъ теоретико-практическаго руководства Гуртеля, профессора Политехническаго Института въ Вѣнѣ 1):

„§ 223. Объявленія бываютъ:

1) о предметахъ потерянныхъ, нанимающихся или продающихся;

2) о предложеніи чего либо;

1) Grundrisz der Aufsatzlehre, 2-е изд., 1841.

3) объ особенныхъ событіяхъ, о чьей нибудь смерти и другихъ семейныхъ обстоятельствахъ;
4) о вспомоществованіи бѣднымъ и несчастнымъ;
5) о благодарности за оказанное благодѣяніе;

§ 224. Для возвращенія потерянной вещи объявляется:

1) когда и гдѣ потеряна;
2) что потеряно; признаки потерянной вещи;
3) кто потерялъ, или покрайней мѣрѣ мѣсто, куда нашедшій имѣетъ возвратить потерянную вещь.

Примѣръ: потеряна табакерка:

7-го числа сего мѣсяца, между 5 и 6 часами вечера, на дорогѣ отъ такого-то мѣста (имя рекъ) черезъ такія-то улицы и такую-то площадь и до такого-то дома, потеряна золотая табакерка.

Форма ея плоская, нынѣшняя; на срединѣ крышки въ дубовомъ вѣнкѣ буква F, отъ коей идутъ лучи до самыхъ краевъ; узкіе бока украшены арабесками; по угламъ орлы; на нижней доскѣ волнистыя линіи.

Нашедшій благоволитъ вручить оную на такой-то улицѣ дворнику въ домѣ подъ No I, за что получитъ три дуката золотомъ.

Вѣна, такого-то числа, мѣсяца и года.

§ 243. Квитанціи суть такіе документы, которые даетъ кто-либо въ полученіи денежной суммы отъ того, кто обязанъ былъ ему выдать

оную. Онѣ важны для выдавшаго потому, что обезпечиваютъ отъ вторичной выдачи.

Въ квитанціи должно быть означено:

1) сколько денегъ;

2) отъ кого, т. е. имя платящаго;

3) за что.

§ 244. Подъ послѣднимъ пунктомъ разумѣется причина платы, будетъ ли то жалованье, или награда, или долгъ и т. п. За работу или за товары квитанція совершается обыкновенно подъ счетомъ: *отдано сполна, такой-то*" — и пр. Читатель самъ видитъ ясно, что систематическая теорія такой Реторики договорилась до пустяковъ.

О такихъ руководствахъ къ дѣловымъ бумагамъ надобно замѣтить слѣдующее: 1) исчислить всѣ случаи, при коихъ необходима дѣловая бумага, не возможно: слѣд. учебникъ всегда будетъ неполонъ, руководство недостаточно. 2) Если уже учить, какъ пишутся квитанціи, то еще необходимѣе учить, какъ составляются счеты и счетныя книги: Реторика перейдетъ въ Бухгалтерію. 3) Въ практической жизни объявленія стольже необходимы, какъ просьбы и рапорты: Реторика перейдетъ въ Юриспруденцію. 4) Слѣд. практическое руководство къ составленію дѣловыхъ бумагъ ни коимъ образомъ не можетъ войти въ Реторику, какъ органическая часть органическаго цѣлаго. Маленькія наставленьица, попадающіяся въ учебникахъ,

касаются только однѣхъ формальностей, которыя стоятъ наравнѣ съ адрессами на письмахъ, т. е. съ правилами, что Генералъ величается *Его Превосходительство*, Князь или Графъ *Его Сіятельство* и т. д. 5) Не имѣя никакого научнаго достоинства, эти руководства содержатъ нѣкоторую педагогическую цѣнность, и особенно для низшихъ учебныхъ заведеній, откуда дѣти выходятъ прямо въ купцы или ремесленники. Литературное образованіе лежитъ внѣ средствъ и цѣли уѣздныхъ училищъ; но надобно, чтобы кончившіе въ нихъ курсъ умѣли написать письмо, или объявленіе, а то для чего же они учились писать? 6) Что же касается до Гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, то въ нихъ, кажется, вовсе не должно быть мѣста руководствамъ къ дѣловымъ бумагамъ: или покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не заведутся учители Юриспруденціи, и не возьмутъ ихъ подъ свое ученое и разумное покровительство, давъ имъ строгое юридическое значеніе. 7) Если учитель рускаго языка выучилъ своихъ учениковъ основательно обдумывать заданную тему, правильно располагать мысли, точно выражать оныя: то ему уже вовсе не нужно будетъ и намекать, какъ пишутся ярлыки о продажѣ домовъ или наймѣ комнатъ, выставляемые на воротахъ или на будкѣ дворника. 8) Слѣд. Гимназія должна образовать въ ученикѣ *умѣнье, способность*; примѣненіе же остается на удѣлъ самой жизни: школа никакъ не можетъ предупредить всѣхъ слу-

чаевъ, въ коихъ понадобится ученику писать о томъ или другомъ.

2. *Письма.*

Ступенью выше стоятъ упражненія въ письмахъ. Съ одной стороны примыкаютъ они къ деловымъ бумагамъ, а съ другой восходятъ до литературнаго, изящнаго произведенія. Такъ какъ всякому чаще всего приходится писать письма, потому съ раннихъ поръ появились особыя руководства, подъ именемъ письмовниковъ, изъ коихъ древнѣйшій у насъ относится ко временамъ Петра Великаго подъ названіемъ: *Приклады, како пишутся комплименты.* Впослѣдствіи письмовникъ вошелъ въ Реторику. Примѣръ руководства къ письмамъ привожу изъ Фалькмапна 1):

„1. (Понятіе). Подъ именемъ письма разумѣется рѣчь, написанная къ одной или многимъ особамъ. Письмо иногда не требуетъ отвѣта, иногда требуетъ. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ мѣна письмами: корреспонденція есть не иное что, какъ письменный разговоръ.

2. (Отличительный признакъ). Отличительная черта письма индивидуальность, коею выражаются характеръ пишущаго и отношенія лицъ, между которыми переписка. Отсюда извлекаются всѣ реторическія правила для писемъ.

---

1) Praktische Rhetorik für die obern Klassen der Schulen und zum Selbstunterrichte, 1831, стр. 336 и слѣд.

3. (Содержаніе). Содержаніе письма столь же разнообразно, какъ и разговора; ибо нѣтъ ни одной самой ничтожной вещи, которая не могла бы быть предметомъ письма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для письма рѣшительно все равно, *о чемъ* пишется, главное, чтобы было написано въ хорошемъ тонѣ. Потому въ письмахъ часто касаются до десятка различныхъ предметовъ и весьма рѣдко бросаютъ глубокій и всеобъемлющій взглядъ на что либо одно.

4. (Порядокъ). Распорядокъ письма дѣлимъ мы на внутренній и внѣшній. Внутренній или расположеніе, будучи обще у письма съ другими сочиненіями, зависитъ отъ содержанія, и только въ немногихъ случаяхъ бываетъ обстоятельно и подробно развито. Но на него имѣютъ существенное вліяніе цѣль письма, длина его, особы, къ коимъ пишется, и обстоятельства, при коихъ пишется. Подъ внѣшнимъ распорядкомъ разумѣется все то, чѣмъ отличается письмо отъ другихъ сочиненій по внѣшности, какъ-то: постоянное обращеніе къ лицу, въ началѣ воззваніе, на концѣ подпись своего имени, означеніе мѣста и времени, т. е. гдѣ и когда написано, иногда postscriptum и приложенія, запечатаніе, иногда вложеніе въ особую бумагу (конвертъ), надпись (адрессъ) со всѣмъ, что къ тому относится.“

Это систематическое обозрѣніе конвертовъ и адрессовъ до такого наивнаго педантства пошло, что почитаю умѣстнымъ прекратить выписку;

развѣ только прибавлю изъ 7-й статьи, что достоинство письма, между прочимъ, должно состоять *сколько возможно въ непогрѣшительномъ качествѣ бумаги, чернилъ и подчерка.* Учители словесности заслуживали бы самаго живѣйшаго сострадания, если бы принуждены были учить такимъ пустякамъ. Отъ раздѣленія писемъ на роды Фалькманнъ прямо ведетъ къ практическимъ упражненіямъ. Онъ ихъ дѣлитъ на письма дружественныя — отъ равнаго къ равному, вѣжливыя — къ высшей особѣ, или не столь знакомой, дѣловыя и ученыя. Для практическаго руководства приводятся письма, на которыя ученики должны писать отвѣтъ, разсказываются вымышленныя обстоятельства, сообразаясь съ которыми ученики ведутъ переписку, и т. п. Такъ, въ примѣръ дружественнаго письма, между прочими, приводится письмо отъ товарища, проигравшагося въ карты и просящаго у ученика взаймы денегъ, чтобы обмануть отца. Ученикъ долженъ написать отвѣтъ. Примѣръ выбранъ, вѣроятно, съ педагогическою цѣлью, чтобы гимназистъ обругалъ своего товарища за дурное поведеніе. Какъ на дружественныхъ письмахъ Фалькманнъ учитъ своихъ учениковъ лицемѣрить въ дружбѣ, любви, обманывать своихъ товарищей поддѣльными, небывалыми чувствованіями; такъ — еще хуже — на такъ называемыхъ вѣжливыхъ — оправляетъ еще благороднѣйшія движенія сердца, напр. благодарность и признательность къ благодѣтелю, заставляя писать благодарственныя письма. Какъ мало пользы,

человѣческаго чувства въ тѣхъ учителяхъ, которые думаютъ, что дѣтей надобно учить даже изливать свою благодарность передъ благодѣтелемъ! Выучатъ только одному — напыщенымъ фразамъ, льстивымъ выраженіямъ, безъ мысли и чувства. И будто можно, какъ въ куклы, играть признательностью и благотворительностью, и всѣми возвышенными побужденіями души! Къ сожалѣнію, многіе учители вовсе не догадываются, какъ портятъ они чистыя сердца своихъ питомцевъ, заставляя выдумывать небывалыя чувствованія. Ложь никогда не родитъ ничего добраго 1). По-моему лучше вовсе неучить дѣтей писать письма, нежели, вмѣстѣ съ письмами, научить только одной болтовнѣ и загрязнить ихъ душу лицемѣріемъ и обманомъ. О дѣловыхъ и ученыхъ письмахъ надобно сказать тоже, что и о дѣловыхъ бумагахъ: надобно знать дѣло; а безъ самого дѣла и дѣловое, и ученое письмо будетъ бездѣльно. Не худо припомнить слова Гердера 2) противъ сочиненія писемъ въ школѣ: „заставляй ученика описывать, что онъ самъ испыталъ и наблюдалъ, во всей истинѣ; описывать факты изъ Исторіи и Географіи во всемъ ихъ свѣтѣ; описывать исторію Религіи и человѣчества во всей силѣ. Онъ пріобрѣтетъ всѣ роды слога, ибо пріобрѣтетъ всякій родъ мышленія. Конечно не будетъ онъ учиться здѣсь сочинять пустопорожнія, от-

1) Слич. Günther, Ueber den deutschen Unterricht, 1841, стр. 34 и слѣд.

2) Ideal einer Schule (Werke z. Philos. u. Geschichte, Bd. X, 331).

вращительныя письма, хріи и уродливые стихи; за то научится кой-чему лучшему: живости и очевидности въ образахъ, повѣствованіяхъ и картинахъ; сильному и неподдѣльному чувству въ ситуаціяхъ. Та вышеупомянутая метода портитъ навѣки: портитъ образъ мышленія и образъ выраженія, ничего не даетъ, и отнимаетъ многое: истину, жизненность, силу, словомъ, природу; на всю жизнь не даетъ ничего добраго, но весьма много злаго; дѣлаетъ тощихъ педантовъ, вычурныхъ періодистовъ, пошлыхъ писакъ, коими полна Германія; такая метода ядъ на всю жизнь."

3. Описанія, повѣствованія и разсужденія на выдуманныя учителемъ темы.

Весьма естественно, что ученики даже высшихъ классовъ Гимназіи всегда въ большомъ затрудненіи найти тему, собрать матеріалы и расположить оные. Потому многіе учители, задавъ тему, разсуждаютъ о ней съ учениками въ продолженіи цѣлаго урока; ученики изъ собственныхъ соображеній и словъ учителя набираютъ матеріялы и приводятъ ихъ въ нѣкоторый порядокъ, на слѣдующій урокъ приносятъ письменное расположеніе, и потомъ уже готовятъ сочиненіе. Для упражненій подобнаго рода есть даже особыя руководства, таково, напр., Герцога, директора и профессора Гимназіи въ Бернбургѣ 1). Для примѣра привожу

1) Stoff zu stylistischen Uebungen in der Muttersprache, 2-е улучшенное и пополненное изд. 1839.

первую задачу, на тему: почему воспоминанія о дѣтствѣ самыя пріятныя?

I. Введеніе.

1) Человѣкъ рѣдко умѣетъ жить въ настоящемъ. Охотнѣе занимается будущимъ и прошедшимъ. Такъ бываетъ во всякомъ возрастѣ. Юноши живутъ болѣе въ будущемъ, старики въ прошедшемъ.

2) Опытъ научаетъ: изъ возмужалаго возраста старецъ сохраняетъ болѣе мрачныя воспоминанія, чѣмъ свѣтлыя; дитя легко забываетъ и радость и горе, но возрастая припоминаетъ изъ своихъ раннихъ лѣтъ болѣе радостное, чѣмъ печальное.

II. Чѣмъ объяснить это?

1) Отрицательно. Не потому, чтобы дѣтскія радости были выше. — Не ужели взрослому человѣку придетъ мысль и охота забавляться дѣтскими играми? хотя любуемся мы ими съ наслажденіемъ, но не промѣняемъ на такія удовольствія, къ которымъ мы по лѣтамъ способнѣе. — Сравненіе высшихъ радостей юноши и мужа съ радостями дитяти. Не смотря на то воспоминанія о дѣтскихъ радостяхъ такъ пріятны!

2) Причина должна заключаться въ чемъ-либо иномъ. Въ чемъ же?

а) Дѣти невиннѣе: они еще не испытали собственныхъ своихъ нравственныхъ недостатковъ; все кажется имъ въ прекрасномъ цвѣтѣ; они не

забошяшся о мнѣніи общесшвенномъ; не знакомы съ душевными спраданіями, попому-шо воспоминанія о дѣшскихъ радосшяхъ чужды раскаянія.

б) Въ дѣшскомъ возрасшѣ впервые просыпаешся чувсшво къ наслажденію радосшями. А всякое первое благо незабвенно и сладко: попому и продолжишельное воспоминаніе о всякомъ благѣ, кошорое досшаешся намъ впервые (шакъ и первая любовь). Всѣ позднѣйшія радосши только повшореніе прежнихъ. Теряешся не сила къ ощущенію радосшей, а новосшь.

в) Дѣши легко забываюшъ непріяшное, и живо припоминаюшъ пріяшное, и съ эшими воспоминаніями переходяшъ въ другіе возрасшы. Впрочемъ осшаюшся нѣкошорыя и непріяшныя изъ юношесшва воспоминанія; однако въ послѣдсшвіи мы удосшовѣряемся, чшо все непріяшное послужило намъ къ усиленію и улучшенію нашего характера.

г) Дѣшскій возрасшъ есшь возрасшъ надежды. Дѣши рѣдко разочаровываюшся въ надеждѣ. Частая перемѣна въ дѣшскомъ бышу; переходъ изъ класса въ классъ; всегда чшо нибудь новое. Попому для дишяши время лешишъ не шакъ скоро, какъ для мужа и спарца, кошорые при однообразіи своихъ заняшій удобно могушъ судишь о долгошѣ и крашкосши времени.

д) Дѣши малымъ бываюшъ счасшливы. Ихъ радосши дешевле. Они беззабошны. Взрослые забошою покупаюшъ себѣ радосши.

III. На всемъ этомъ основывается идея древнихъ о золотомъ вѣкѣ.“

Къ сожалѣнію, надобно замѣтить, что подобныя руководства относятся къ тѣмъ учебнымъ пособіямъ, которыя въ Германіи называются ослиными мостами, т. е. разжевываютъ все, такъ что ученикамъ ничего не остается дѣлать, какъ глотать. Главнѣйшія причины ихъ негодности: 1) учитель долженъ быть энциклопедистомъ для того, чтобы руководствовать учениковъ въ сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; слѣд. матеріалы, имъ сообщаемые ученикамъ, будутъ весьма недостаточны, а иногда и вовсе ложны. 2) Ученики сами не въ состояніи писать о такихъ предметахъ, которыхъ они не изучали, или не знаютъ, и о такихъ чувствованіяхъ, которыхъ они не ощущали; такъ, напр., вышеприведенная тема вовсе чужда гимназисту, ибо онъ еще живетъ въ томъ возрастѣ, о которомъ заставляютъ его уже воспоминать. Или еще несообразнѣе для дѣтей предлагаетъ Герцогъ тему: о радостяхъ старческаго возраста. 3) Слѣд. всѣ подобныя задачи будутъ весьма скудны содержаніемъ, такъ что ученикъ или только перефразируетъ то, что слышалъ въ классѣ, или же канву сочиненія, данную учителемъ, разведетъ пустою болтовнею: обыкновенно бываетъ послѣднее, особенно съ учениками прилежными. 4) Казалось бы, здѣсь больше выгодъ на сторонѣ расположенія; но при бѣдности содержанія, расположеніе будетъ тощею

и безжизненною формальностью, которая пріучитъ только къ педантству и къ суетному, бездѣльному мышленію безъ знанія и опытности. Мышленію, какъ огню, нужна пища, иначе оно будетъ потѣшнымъ огнемъ. 5) И въ отношеніи слога, или выраженія, такія задачи безплодны: ибо успѣха говорятъ истинно и краснорѣчиво только отъ преизбытка мыслей и чувствованій. Здѣсь же дѣти научатся только натянутымъ, пошлымъ выраженіямъ, общимъ мѣстамъ, педантскимъ, напыщеннымъ фразамъ, чахлому и безжизненному представленію. 6) Наконецъ, такая метода письменнымъ упражненіямъ не имѣетъ никакого твердаго основанія и ни съ чѣмъ не связывается. Чтеніе писателей отечественныхъ и иностранныхъ вовсе не берется въ расчетъ. Разсужденія учениковъ по различнымъ отраслямъ наукъ преподаватель отечественнаго языка цѣнитъ только по слогу и расположенію, не будучи судьею содержанія: будто содержаніе не главнѣйшая часть сочиненія! Описанія и повѣствованія, не воспитанныя отчетливымъ изученіемъ писателей, но взлелѣянныя только однимъ праздным воображеніемъ ученика, и по большой части не согрѣтыя ни малѣйшимъ сочувствіемъ, развиваютъ ложную сентиментальность и авторскія замашки, всегда столь смѣшныя въ ученикѣ.

А сколько му́ки приносятъ дѣтямъ подобныя сочиненія, и преимущественно потому, что ученики еще бѣдны мыслями. »Я еще живо припоминаю себѣ изъ своего учебнаго возраста, говоритъ

одинъ педагогъ 1), сколько перзали учениковъ этими мнимыми пробными камнями, и ничему столько не радовался я, по выходѣ изъ школы, какъ тому, что навсегда отвязался я отъ этого беззаконнаго развязыванія зародыша моихъ мыслей, которое угрожало мнѣ черезъ каждыя три или четыре недѣли. Въ этомъ удостовѣряетъ меня не одно воспоминаніе о собственныхъ мукахъ, но и постоянное наблюденіе надъ сочиненіями моихъ учениковъ. Сочиненіе лежитъ гирею на душѣ ихъ, не въ примѣръ тяжелѣе всѣхъ прочихъ учебныхъ занятій вмѣстѣ. Чѣмъ это объяснить? а разумѣется тѣмъ, что требуютъ отъ учениковъ *собственныхъ произведеній.*« — »Нѣтъ ничего несообразнѣе 2), какъ требовать отъ дѣтей собственно ихъ мыслей и собственнаго изложенія оныхъ. Дѣти еще не умѣютъ ни совладѣть съ своими мыслями, ни вращать ихъ въ какой-либо предписанной формѣ.« »Дѣти должны производить, говоритъ Ф. А. Вольфъ, тогда какъ надъ ними самими только что совершился процессъ произведенія. Напрасно трудятся они, и выдутъ изъ нихъ или пошлые болтуны, или же скороспѣлки, которые ничего порядочнаго не сдѣлаютъ, когда придетъ время для собственныхъ произведеній. Это не что иное, какъ духовное загряз-

1) Проф. Боннелль въ Neues Iahrbuch der berl. Gesellsch. für deutsche Sprache, часть 2, стр. 4.

2) Отто Шульцъ въ Schulblatt für die Provinz Brandenburg, 1836, 4-я стр.

неніе и скаредное уродство.« « Всего недостойнѣе такія задачи, на которыхъ принуждаютъ дѣтей выставлять на позорище собственное ихъ внутреннее бытіе. Объ этомъ удачно и остроумно замѣчаетъ Борманнъ: »»есть старинное, въ народѣ распространившееся преданіе, что человѣкъ умретъ, если увидитъ самого себя. Это внѣшнее представленіе мысли, будучи понято въ своемъ основаніи, содержитъ глубокую истину. А именно, всякій человѣкъ питаетъ нѣкоторую боязнь объективировать самого себя, или извлекать себя изъ самого себя, и ставить отдѣльнымъ отъ себя предметомъ.« « »Дитя, прибавимъ мы, легко можетъ побѣдить эту боязнь, дѣлая себя предметомъ собственныхъ мыслей и чувствованій; но тогда оно теряетъ уже часть своего дѣтства, и подвергаетъ себя опасности ошибаться въ своихъ духовныхъ силахъ и вести странную и опасную игру своими чувствованіями“ 1).

4. Отношеніе письменныхъ упражненій къ прочимъ предметамъ преподаванія.

Замѣчательно, что учители, выдумывающіе для ученическихъ сочиненій темы, кромѣ нравоучительныхъ, всего чаще задаютъ историческія. Нѣкоторыя истины столь ясны и свѣтлы, что къ нимъ приходятъ и блуждающіе во тмѣ по окольнымъ

1) Слич. Diesterweg, Wegweiser, I, 579; Herling, Theoretisch-Praktisches Lehrbuch der Stylistik, 1837, I, предисловіе, стр. IX.

дорогамъ.—И дѣйствительно, какое богатое поприще предлагаетъ для письменныхъ упражненій Исторія! Но главное, чтобы описываемыя историческія событія имѣли отличительный характеръ, были бы замѣчательны по своему историческому вліянію на жизнь народа; и особенно не надобно забывать, чтобы источниками для этихъ описаній служили классическіе образцы 1). Такъ, напр., войны могутъ быть предметомъ для сочиненій: 1. Завоевательныя: а) романически-героическаго характера (походы Александра Великаго), б) воинственно-политическаго характера (Цезарь въ Галліи). 2. Войны за свободу: а) отраженіе сильнаго врага (Персидская война), б) низпроверженіе ига (отпаденіе Нидерландовъ). 3. Славное, великодушное отступленіе (Анабазисъ). 4. Рѣшительная всемірная битва двухъ народовъ на животъ или на смерть (Пуническія войны). 5. Гражданскія войны (Пелопоннезская). 6. Религіозныя (Гугеноты). 7. Войны смѣшеннаго характера, гдѣ соединяются и политическіе, и религіозные, и патріотическіе, и завоевательные интересы (Тридцатилѣтняя), и т. д. Тоже самое должно сказать и о Географіи, или Естественной Исторіи, гдѣ только введена сія послѣдняя. Напр. общее географическое обозрѣніе; частное описаніе извѣстной страны въ отношеніи къ естественнымъ произведеніямъ, къ образованію земли, къ исторіи и т. д.; теченіе рѣки (Рейна, Днѣпра, Волги); образованіе

1) Hiecke, Der deutsche Unterricht auf deutschen Gymnasien, 1842.

горъ (Алпійскихъ, Кавказскихъ); въ отношеніи этнографическо-статистическомъ, описаніе образа жизни народовъ южныхъ и сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ, описаніе крѣпостей, городовъ торговыхъ, приморскихъ, нагорныхъ, столичныхъ, и т. п. Чтеніе классиковъ греческихъ и римскихъ также должно примѣняться къ письменнымъ упражненіямъ; напр. изъ чтенія Цезаря можно извлечь слѣд. темы: 1. Храбрость нѣкоторыхъ воиновъ въ Галльскомъ походѣ. 2. Характеристика Римскаго войска въ Галліи подъ начальствомъ Цезаря. 3. Какое участіе принимали въ дѣлахъ Цезаря его легаты? 4. Политическія отношенія Галліи до завоеванія ея. 5. Воинскія и 6. политическія дѣйствія Цезаря при завоеваніи Галліи. 7. Цезарь въ Галліи.

Такъ какъ въ Гимназіи всѣ учители совокупными силами стремятся дать ученикамъ общее образованіе, потому непремѣнно должны помогать другъ другу. Какъ учитель отечественнаго языка иногда по необходимости входитъ въ области преподаванія другихъ учителей, ибо языкъ есть выраженіе всякой духовной дѣятельности человѣка: такъ и прочіе учители должны помогать въ образованіи отечественнаго дара слова не только изустными упражненіями, но и письменными. Многіе, къ сожалѣнію, вовсе не хотятъ этого понять. Начальники часто жалуются именно на учителя рускаго языка, когда замѣтятъ, что ученикъ разсказывая урокъ историческій или географическій, сдѣлалъ какую нибудь граммматическую ошибку; а

учители Исторіи или Географіи остаются правы за то, что попакаютъ грамматическимъ ошибкамъ своихъ учениковъ: языкъ имъ кажется дѣломъ постороннимъ; будто онъ лежитъ на отвѣтственности только учителя словесности. Но можноли сему послѣднему въ немногіе уроки твердо и безошибочно научить тому, что всѣ остальные учители портятъ своимъ невниманіемъ и небреженіемъ? Если уже для образованія изустнаго выраженія необходимо совокупное дѣйствіе всѣхъ учителей, то тѣмъ паче для письменнаго. — Для учителей древнихъ языковъ пусть письменно переводятъ ученики классическихъ писателей, для учителей новыхъ языковъ — французскихъ и нѣмецкихъ классиковъ; да не такъ какъ это весьма часто дѣлается: т. е. учители чужихъ языковъ смотрятъ въ переводѣ только на то, понялъ ли ученикъ автора, а какъ выразился по русски, о томъ имъ и горя мало. Притомъ учители новыхъ языковъ, какъ иностранцы, по большой части плохо знаютъ по русски; слѣд. переводы съ новыхъ языковъ не приносятъ никакой пользы для языка отечественнаго. Въ этомъ случаѣ учитель французскій и нѣмецкій пускай передаютъ ученическіе переводы учителю отечественнаго языка. Прочіе учители тоже должны задавать гимназистамъ письменныя упражненія, даже учитель Математики, разумѣется только изъ Физики. О темахъ изъ Исторіи и Географіи сказано уже выше: учители этихъ предметовъ, задавая письменныя упражненія, сами увидятъ, сколько принесутъ ученикамъ поль-

зы: до сихъ поръ они обогащаютъ только ихъ память, посредствомъ же сочиненій предметы ихъ преподаваній войдутъ живительнымъ элементомъ въ общее духовное образованіе ученика, въ воспитаніе его характера. Обыкновенно говорятъ, что учитель отечественнаго языка оказываетъ самое сильное вліяніе на нравственное направленіе ученика. И дѣйствительно, такое мнѣніе останется правдою до тѣхъ поръ, пока онъ одинъ будетъ упражнять учениковъ въ сочиненіи. Впрочемъ нравственныя и религіозныя темы, задаваемыя въ классѣ словесности, часто вредятъ нравственности, вызывая въ ученикѣ лицемѣрное изліяніе добродѣтельныхъ чувствованій, и такимъ образомъ вовлекая въ ханжество. Потому-то законоучитель постоянно долженъ быть правителемъ нравственности учениковъ; онъ не столько образовываетъ умъ и память учащихся, сколько сердце и душу со всѣми ея сокровенными движеніями. Чѣмъ же онъ можетъ повѣрить успѣхи своихъ учениковъ на поприщѣ искренняго, внутренняго совершенствованія всего духовнаго бытія ихъ? Нравственность не въ словѣ, а въ дѣлѣ и благородномъ чувствѣ. Не заучиванье наизусть, а внутреннее, въ себя углубляющееся, созерцаніе дружитъ насъ съ правдою. Одно изъ лучшихъ средствъ къ тому сочиненіе.

Потому 1): „прямое, сообразное съ школою содѣйствіе всѣхъ предметовъ преподаванія должно со-

1) K. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843, стр. 86, 87.

спѣшатъ въ томъ, чтобы каждый учитель, въ извѣстное время, напр., въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, одинъ разъ или дважды, задавалъ ученикамъ письменныя упражненія.—Такимъ образомъ ученику придется писать болѣе, нежели тогда, когда бы предоставлено было упражненіе въ письмѣ только одному учителю отечественнаго языка. Слѣдовательно, не будетъ и несообразныхъ, съ вѣтру пойманныхъ темъ, какія обыкновенно выдумываютъ учители словесности единственно для того, чтобы образовать слогъ во всемъ разнообразіи, выбирая предметы для сочиненій изъ всего круга наукъ: какъ будто бы учитель отечественнаго языка есть вмѣстѣ и учитель Исторіи, и Технологіи, и Естественной Исторіи.“

„Очевидное и главное свидѣтельство духовнаго образованія есть отечественный *слогъ* 1): только жаль, что ему не льзя непосредственно выучить, какъ Исторіи, Математикѣ и др.; тоже не льзя учить и такъ, какъ учатъ латинской стилистикѣ. Онъ не есть плодъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ знаній въ отечественномъ языкѣ, ни частыхъ упражненій письменныхъ, ни внимательнаго чтенія писателей: но съ одной стороны есть врожденное дарованіе, а съ другой плодъ общаго духовнаго совершенствованія. Можно сказать, что совокупное гимназическое обученіе способствуетъ развитію отечественнаго слога, какъ цвѣту всякаго образованія;

1) Döderlein, Reden und Aufsätze, 1843, стр. 243.

и чѣмъ справедливѣе пословица: le style c'est l'homme, тѣмъ менѣе можно предполагать, чтобы слогъ *давался*: слогъ не дается точно также, какъ и характеръ."

5. Отношеніе письменныхъ упражненій къ преподаванію отечественнаго языка.

Учитель отечественнаго языка долженъ выучить дѣтей правильно писать *чужое*, и потомъ сочинять *свое*. Къ первому относится правописанье, ко второму, кромѣ собственно сочиненій, переводы, извлеченія и т. п. И то и другое не должно выходить изъ предѣловъ предмета преподаванія, т. е. какъ правописаніе исключительно основывается на Грамматикѣ, такъ сочиненія, извлеченія, переводы на чтеніи образцовыхъ писателей, на исторіи литературы, на сравнительномъ языковѣденіи и т. п. Всѣ собственныя письменныя упражненія учениковъ Бенеке 1) подводитъ къ четыремъ ступенямъ: 1. дается *содержаніе* вмѣстѣ съ словеснымъ выраженіемъ онаго, т. е. вмѣстѣ съ *формою*; 2. дается *содержаніе*, но во *внѣшнемъ* или *внутреннемъ воззрѣніи* на предметъ, слѣд. безъ формы; 3. дается *форма*, найти содержаніе; 4. ни того ни другаго не дается, *найти и форму и содержаніе*. Эти ступени идутъ въ восходящемъ порядкѣ: первая легчайшая; къ ней относятся отвѣты на вопросы о томъ, что уже было сказано: письменное или словесное

1) Erziehungs- und Unterrichtslehre, 1842, II, 414 и слѣд.

повтореніе предложеннаго учителемъ; извлеченіе изъ прочтеннаго, и т. п. Переводъ съ чужаго языка составляетъ переходъ ко второй степени: ибо хотя дается и содержаніе и форма, но форму надобно передѣлывать, самостоятельно вращаясь въ понятіяхъ роднаго языка. Ко второй степени относятся описанія предметовъ природы видимой и духовной, произведеній искусства. Къ третьей подражанія въ формѣ басни, повѣсти, письма, разговора и т. п. Послѣдняя степень имѣетъ самое обширное примѣненіе: на низшей ея степени дитя отыскиваетъ сказуемое къ подлежащему, подлежащее къ сказуемому, дополненія, опредѣленія и обстоятельства къ тому и другому; на степени высшей сочиняетъ, напр., на заданную пословицу, описываетъ вымышленный характеръ и т. д.—Изъ этого обозрѣнія слѣдуетъ исключить, вопервыхъ, все то, что лежитъ въ обязанности не одного учителя рускаго языка, но и прочихъ учителей; и вовторыхъ, всѣ упражненія, не соотвѣтствующія дѣтскому и юношескому возрасту. По моему мнѣнію, учитель рускаго языка, ограничиваясь собственнымъ своимъ предметомъ, могъ бы подвести всѣ письменныя упражненія учениковъ къ тремъ отдѣламъ: 1. къ выраженію, 2. расположенію и 3. изобрѣтенію. Въ первомъ случаѣ даны и содержаніе и расположеніе; слѣдуетъ найти выраженіе: переводъ съ чужаго языка. Переложеніе съ церковнославянскаго и древнерускаго и для выраженія даетъ матеріалы, изъ коихъ слѣдуетъ избрать ре-

ченія, приличныя современному слогу. Во второмъ случаѣ—или даны содержаніе и форма — привесть ихъ въ порядокъ: сюда относятся систематическія извлеченія плановъ изъ прочтеннаго; переработка стариннаго памятника нашей словесности по мысли, требующей инаго порядка въ расположеніи; систематическая обработка какого либо предмета, извлеченнаго изъ различныхъ книгъ и писателей. Или же дано одно содержаніе — привесть въ порядокъ и пріискать выраженіе: обработка какого нибудь произведенія съ языка чуждаго: не просто переводъ, но или извлеченіе плана, или измѣненіе онаго, или извлеченіе изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій, писанныхъ на разныхъ языкахъ, приведенное въ стройный порядокъ; письменное изложеніе урока изъ словесности, съ измѣненіемъ расположенія. Въ третьемъ случаѣ, такъ какъ не дается содержанія, то вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, не дается и расположенія, и выраженія: упражненія этого рода должны задаваться съ большой разборчивостью и въ извѣстныхъ границахъ. Темы на такія сочиненія должны быть предоставляемы на волю самихъ учениковъ: учитель заблаговременно долженъ одобрить то, о чемъ имъ вздумается писать, и все-таки указать на нѣкоторые источники, чтобы обогатить содержаніе сочиненія или дать образецъ для расположенія. — Учитель отечественнаго языка такимъ образомъ примкнетъ письменныя упражненія къ своему предмету: въ выраженіи и расположеніи онъ главный

руководитель; касательно же матеріала для сочиненій, онъ даетъ исторію словесности, отрывокъ изъ образцоваго писателя, точно такъ какъ учитель Исторіи или Географіи — факты своихъ наукъ.

а. *Правописанье.*

Правописанье на низшей своей степени лежитъ въ обязанности учителя не Грамматики, а Азбуки и Чистописанія. Пока эта простая истина не признается и не приведется въ исполненіе въ нашихъ школахъ, до тѣхъ поръ не будетъ успѣшной педагогической методы въ обученіи правописанью 1). Сначала дитя должно учиться писать такъ, какъ слышитъ и говоритъ: здѣсь связь правописанья съ звуковою методою Азбуки. Буквичная метода, т. е. обученье читать по буквамъ, т. е. *буки азъ ба*, или *бе а ба*, изгнанная теперь изъ школъ, не принесетъ такой пользы для правописанья, какъ звуковая, по которой дитя съ перваго разу знакомится съ элементами слова въ естественномъ и живомъ соединеніи оныхъ. Если дитя правильно пересчитаетъ порядокъ звуковъ въ словѣ, то въ послѣдовательности и напишетъ соотвѣтствующія звукамъ буквы, не пропустивъ ни одной, ибо твердо умѣетъ складывать. Если же къ тому съ самаго начала при чистописаньи будетъ обращаться вниманіе и на правописанье, т. е. если на чистописаньи дѣти привыкнутъ писать правильно многія

1) Diesterweg, Wegweiser, I, 366 — 374.

слова и выраженія: но учитель Граммашики, на шакомъ швердомъ основаніи, легко и скоро можешъ выучишь дѣшей писашь правильно. Граммашическое обученіе правописанью не ограничиваешся уже правиломъ — писашь шакъ, какъ говоришь и слышешь, а шребуешъ писашь, какъ должно граммашически, согласуясь съ законами производсшва и измѣненія словъ, и связи предложеній: слѣд. учишъ не шолько правильно писашь слова, но и опдѣлящь ихъ знаками препинанія. Къ эшому надобно прибавишь одно весьма важное условіе: въ обученіи правописанью не дѣлашь никакихъ нововведеній, не смошря даже и на шо, еслибы они были истинными улучшеніями: но слѣдовашь общему упошребленію. Ибо мы учимъ дѣшей для жизни, какъ она есшь. Разноголосица же съ обществомъ ни къ чему доброму не поведешъ учениковъ. Осужденіе общепринящаго возбудишъ въ нихъ духъ неразумной гордосши и суешнаго чвансшва, неразлучнаго съ дерзкимъ осмѣяніемъ. Учишель можешъ писашь, какъ ему угодно, какъ находишъ правильнѣе: ученики же должны писашь шакъ, какъ пишушъ всѣ.

Главнѣйшія начала при обученіи правописанью:

1. Элеменшарная сшупень, ш. е. писашь какъ говоришь и слышешь, должна бышь опдѣлена опъ высшей, опъ собсшвеннаго правописанія.

2. Идши впередъ какъ можно осмошрищельнѣе: не начинашь новаго до шѣхъ поръ, пока ученики не укрѣпяшся въ показанномъ.

3. Съ упражненіемъ соединять объясненіе.

4. Сначала дѣти списываютъ себѣ на тетрадь написанныя на доскѣ слова и предложенія.

5. Потомъ переписываютъ изъ книги заданные учителемъ для того уроки.

6. Далѣе переписываютъ на бумагу выученное наизусть, разумѣется безъ книги.

7. Наконецъ пишутъ подъ диктантъ.

8. При диктантѣ учитель, сказавъ предложеніе, заставляетъ нѣсколькихъ учениковъ повторить оное, для того, чтобъ убѣдиться, что они правильно его разслышали. При томъ можно заставлять пересчитывать въ порядкѣ всѣ буквы сказаннаго слова.

9. Когда уже продиктовано, при коррекшурѣ учитель употребляетъ слѣдующіе разнообразные пріемы: или заставляетъ учениковъ дома сличить продиктованное съ подлинникомъ, если диктовалось изъ хрестоматіи; или пишетъ самъ, или же лучшій ученикъ, на доскѣ, и помѣрѣ писанія ученики поправляютъ свои тетради, для того, чтобы не сидѣли даромъ, пока исписалась бы вся доска; или ученики мѣняются тетрадями и поправляютъ другъ друга; или учитель беретъ тетради домой и замѣчаетъ ошибки, но не поправляетъ: это дѣло учениковъ; при этомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить одно обстоятельство: нѣкоторые ученики, или по разсѣянности или по недобросовѣстности, кой-какъ поправляютъ подчеркнутое учителемъ слово; для

шого лучше не подчеркивать ошибки подъ строками, а дѣлать знакъ противъ строки на поляхъ, тогда ученикъ обязанъ будетъ прочесть цѣлую строку и найти ошибочно написанное слово. Учитель не долженъ ограничиваться какимъ-либо однимъ изъ этихъ пріемовъ, но пользоваться всѣми. Сверхъ означенныхъ можетъ употреблять и другіе.

10. Касательно полицейской части при диктантѣ, надобно также держаться нѣкоторыхъ пріемовъ: разсаживать учениковъ по числу ошибокъ; лѣнивыхъ и неисправныхъ заставлять дома одинъ или даже нѣсколько разъ переписать правильно то, въ чемъ надѣлали много ошибокъ. Полезно также разъ десять или двадцать написать правильно какое нибудь слово, въ которомъ ошибаешься.

11. Обыкновенно не радѣютъ дѣти о правописаньи, когда пишутъ для учителей прочихъ предметовъ. Надобно, чтобы всѣ учители строго слѣдили за правописаньемъ учениковъ.

12. Правописанье должно обратиться въ привычку; ученикъ долженъ дойти до того, чтобы и безсознательно, не думая, писалъ правильно. Потому весьма неудачна метода тѣхъ, которые учатъ правописанью по ошибочно написанному или ошибочно напечатанному, заставляя учениковъ поправлять ошибки. Какъ же дитя привыкнетъ къ правильности, если постоянно читаетъ только ошибки? Намѣренно напечатанныя съ ошибками практическія упражненія въ правописаньи могутъ упо-

пребляшься съ пользою только на экзаменахъ, или и въ урокѣ, но уже при испытаніи, чтобъ увѣришься въ знаніи ученика.

13. Дальнѣйшее и окончательное утвержденіе учениковъ въ правописаньи при сочиненіяхъ и переводахъ.

б. *Начальныя письменныя упражненія.*

Въ низшихъ классахъ еще не льзя задавашь ни переводовъ, ни извлеченій, ни переложеній. Для переводовъ требуется знанія чужихъ языковъ и нѣсколько упражненнаго отечественнаго періода. Вредно и опасно слишкомъ рано задавашь дѣтямъ переводы, даже и тогда, когда они порядочно владѣютъ языкомъ, съ котораго переводятъ. Сначала имъ надобно укрѣпиться въ руской рѣчи: иначе они исказятъ ее варваризмами. Извлеченіе изъ хрестоматіи въ началѣ также неудобно, хотя не столько мучительно для дѣтей, какъ переводъ. Это еще не главная бѣда, что они будутъ слово въ слово выписывашь по цѣлымъ строкамъ: а не хорошо то, что, выписывая изъ разныхъ мѣстъ статьи, пріучаются къ безсвязному, нелогическому изложенію. Въ высшихъ классахъ и извлеченіе имѣетъ смыслъ. Переложеніе съ рускаго на рускій же едва ли не опаснѣе извлеченія. Передъ ученикомъ лежатъ, напр., Басни Крылова, или сказки Пушкина, и онъ немилосердно искажаетъ ихъ, переписывая на шепрадь своею дѣтскою рѣчью. А важнѣйшая-то ошибка въ томъ, что дѣти получатъ дурной предраз-

судокъ, что туже самую мысль можно выразить другими словами, нежели тѣ, въ какія облекъ ее классическій писатель. Переложеніе стиховъ въ прозу также имѣетъ свою невыгодную сторону: ученики съизмала пріучаются думать, что стихотворная форма есть нѣчто случайное въ поэзіи, и что всякое поэтическое произведеніе можно разложить въ прозу. И вообще есть что-то неорганическое, мертвящее и убивающее въ ученическихъ первоначальныхъ переложеніяхъ.

Такъ какъ сочиненіе есть тотъ же разсказъ и разговоръ, только на бумагѣ: то самымъ естественнымъ началомъ собственныхъ сочиненій долженъ быть нечувствительный переходъ отъ изустнаго разсказа къ письменному. Заставляя ученика правильно пересказать разсказанную басню, учитель учитъ его уже и сочинять. Итакъ, постояннымъ разсказываньемъ дѣти приготовляются къ сочиненіямъ. Впослѣдствіи, когда они нѣсколько укрѣпятся въ правописаньи, учитель задаетъ имъ дома написать на бумагѣ *тоже самое и точно также*, что разсказывали въ классѣ. При этомъ надобно обратить вниманіе на два обстоятельства: 1. для сочиненій учитель долженъ разсказывать или читать изъ писателей образцовыхъ, изъ Руской и Священной Исторіи, и т. п.: однимъ словомъ, всегда что нибудь *дѣльное*. 2. Строго наблюдать, чтобы не было у учениковъ книги съ тѣмъ разсказомъ, который должны они пересочинить: въ противномъ случаѣ,

вмѣсто сочиненія, будутъ извлеченія и переложенія, съ своими вредными слѣдствіями.

в. *Переводы.*

Письменныя упражненія должны органически смыкаться съ теоретическою частью преподаванія. Въ Граммашикѣ переводамъ соотвѣтствуетъ сравнительное языкознаніе. Каждый народъ смотритъ на вещи посвоему, съ своей точки зрѣнія. Можно рѣшительно сказать, что слова на разныхъ языкахъ, выражающія совершенно одну и туже мысль, не имѣютъ одного и того же значенія 1); ибо всякое слово выражаетъ особое впечатлѣніе, особенный взглядъ на природу: а на каждый предметъ можно смотрѣть со множества точекъ зрѣнія. Такъ *жито*, понѣм. Getreide (двн. gitrakidi) означаетъ выносимое изъ земли (getragen), полат. frumentum зн. и плодъ (fruges, fructus) и пользованіе имъ (fruor); послав. *збожіе* или *сбожіе* (богатство), *обиліе* употребляются вм. *жита*. Одинъ и тотъ же предметъ одаренъ различными свойствами, и каждый языкъ называетъ его по одному какому либо свойству. Напр. лиса—красная, волосастая, хищная, лукавая: понѣм. слово лиса зн. красный (т. е. звѣрь), посанскр. lomaça, lopâçak — волосастый, слич. гр. ἀλώπηξ; лат. vulpes (одного корня съ нѣм. wolf: гот. vilvan—грабить) зн. грабителя, хищника, пофр. въ старину также volps; нынѣшнее же le renard пе-

1) W. Humboldt, Sprachbau, 222.

рещло въ нарицательное отъ собственнаго имени Reinardus, Reinhart fuchs, Renart.—Сравнительная этимологія и особенно сравнительный синтаксисъ постоянно примѣняется къ переводамъ. Дѣти не только узнаютъ, но и учатся примѣнять къ дѣлу идеотизмы отечественные, и строго отличать отъ иностранныхъ. Будетъ великая заслуга учителя словесности, если онъ на переводахъ убѣдитъ своихъ учениковъ въ томъ, что всякое классическое сочиненіе вполнѣ изящно только на своемъ языкѣ, и что никакой переводъ не замѣнитъ подлинника, ибо всякій языкъ выражаетъ впечатлѣнія по своему.

г. *Переложенія.*

Переложеніе древнихъ памятниковъ нашей литературы такъ же тѣсно связывается съ историческимъ языковѣденіемъ, какъ переводы съ сравнительнымъ. Карамзинъ долженъ ввести въ упражненія этого роду, ибо его Исторія предлагаетъ множество образцевъ переложенія. Кто сличалъ эти переложенія съ подлинниками, знаетъ, сколько заимствовалъ изъ нихъ Карамзинъ, и, вѣроятно, убѣжденъ, что писать Карамзинскимъ слогомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть самостоятельнымъ — значитъ перелагать древніе памятники. Если цѣль обученія состоитъ въ томъ, чтобы дать ученику общія начала, коимъ бы онъ слѣдовалъ, и кончивъ ученье, т. е. воспитать ученика такъ, чтобы онъ, вышедши изъ школы, былъ самъ себѣ учителемъ: то

лучшій наставникъ въ слогѣ Карамзинъ. Слѣдуя ему, будешь самостоятеленъ. Какъ при переводахъ сличаются выраженія чисто рускія съ варваризмами, такъ при переложеніяхъ показывается отношеніе стариннаго языка къ современному. Переводы даютъ слогу общеевропейское, многостороннее направленіе; переложенія удерживаютъ его на родной почвѣ. Разумѣется, что переложеніе не всегда можетъ быть надстрочное, и потому иногда переходишь въ переработку. Напр. написать по лѣтописямъ о Мамаевомъ побоищѣ, объ Александрѣ Невскомъ, о присоединеніи Новагорода, Пскова, и т. п. Древніе памятники писаны частію на церковнославянскомъ, частію на древнерускомъ языкѣ, весьма близкомъ къ теперешнему народному: такъ что отъ сочиненій религіозныхъ, черезъ посланія, лѣтописи, юридическіе документы, нечувствительно переходишь къ древнимъ рускимъ стихотвореніямъ, а отъ сихъ послѣднихъ къ народнымъ сказкамъ и пѣснямъ. Потому въ переложеніяхъ, кромѣ архаизмовъ, научаешься отличать и выраженія чисто народныя, и даже провинціализмы. Слѣд. въ Стилистикѣ спасибо объ архаизмахъ, народномъ языкѣ и провинціализмахъ относятся къ переложеніямъ точно такъ же, какъ варваризмы къ переводамъ. Мы не можемъ теперь постоянно удерживать старинную связь предложеній и періодовъ: потому ученикъ древнему матеріалу долженъ иногда давать современную форму предложенія: этому научитъ его Карамзинъ.

д. Извлеченія.

Извлеченія также органически связываются съ теоретическою частью курса, примыкаясь съ одной стороны къ чтенію писателя, а съ другой къ логическому отдѣлу Реторики, къ расположенію. Упражненія этого роду могутъ быть слѣдующія:

1. Извлеченіе выраженій. Ученики выписываютъ изъ какого нибудь классическаго произведенія замѣчательныя слова и выраженія, тропы, фигуры, синонимы и т. п. Такъ напр. изъ Исторіи Пугачевскаго бунта (по изданію 1834 года): а) отдѣльныя слова: *слѣдъ* ихъ, чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался 116. ночью, въ *волновую* погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу 162. кто былъ скуденъ, *очутился* богатъ 134. прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою 166. б) Падежи: Голицынъ поперялъ до четырехъ сотъ *убитыми* и *ранеными* 91. Пугачевъ поперялъ послѣднія пушки, четыреста человѣкъ *убитыми* и три тысячи пятьсотъ *взятыми* въ плѣнъ 95. Михельсонъ поперялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ *убитыми* и *ранеными* 113. Пугачевъ былъ разбитъ, и бѣжалъ, поперявъ восемь-сотъ человѣкъ *убитыми* и сто восемьдесятъ *взятыми* въ плѣнъ 131. Михельсонъ поперялъ до ста человѣкъ *убитыми* и *ранеными* 133. Пугачевъ поперялъ до четырехъ тысячь *убитыми* и до семи тысячь *взятыми* въ плѣнъ 156. в) Числа: бунтовщики потупили *голову* 160. Зарубинъ

уѣхалъ, и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимоѳеемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человѣкомъ, всѣ трое *верхами* 17, вм. верхомъ. г) Предлоги: донощикъ *названъ отъ* Пугачева Полковникомъ 121. (Меллинъ) взялъ подъ караулъ Прапорщика Шахмаметева, *посаженнаго* въ Воеводы *отъ* самозванца 145. д) Согласованіе: *взято* въ плѣнъ *три тысячи* бунтовщиковъ 97. е) Порядокъ словъ: въ смутное *сіе* время 13. ж) Сравненія: выстрѣлы, говоритъ одинъ свидѣтель, сыпались подобно дроби битой десятью барабанщиками 67. все это насъ такъ ободрило — говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ, — какъ будто мы съѣли по куску хлѣба 103. — Такія извлеченія не только обогатятъ слогъ учениковъ, но и будутъ имъ живою, самостоятельною Граммашикою и Стилистикою. Для образца можно имъ указать еще въ этой части стр. 151—177 и во второй стр. 224 — 225, 305 — 309, 339, 343.

2. Извлеченіе содержанія. Это упражненіе должно замѣнить такъ называемыя общія мѣста. Дѣти еще бѣдны мыслями и фактами: пусть выписываютъ они себѣ отрывочныя замѣчанія изъ того, что́ читаютъ. Это пріучитъ къ наблюдательности и обогатитъ знаніемъ.

3. Извлеченіе плана. Оно служитъ примѣненіемъ теоріи расположенія къ чтенію писателя и къ письменнымъ упражненіямъ, и чрезвычайно укрѣпляетъ судительную силу. Изъ разобранной статьи ученикъ извлекаетъ главную мысль, и проводитъ

ее черезъ всѣ частности: главная мысль будетъ какъ бы подлежащее, частности же — различныя сказуемыя, ее опредѣляющія. Надобно, чтобы отдѣлы плана съ подраздѣленіями ученикъ означалъ цыфрами, буквами, отдѣлялъ въ новую строку, и т. п.

е. Собственныя сочиненія.

Собственныя сочиненія должны быть не болѣе, какъ видоизмѣненіе и соединеніе вышеозначенныхъ упражненій. Содержаніе ихъ — чтеніе писателей и теоретическій урокъ словесности. Желательно, чтобы въ высшихъ классахъ Гимназіи ученики дома составляли краткое письменное обозрѣніе того, что́ услышатъ въ классѣ отъ учителя словесности. Особенно исторія литературы можетъ дать богатый матеріялъ. Напр. въ классѣ прочтена Державина ода Богъ, вмѣстѣ съ замѣчаніями на нее, самимъ поэтомъ сдѣланными: учитель ставитъ въ параллель строфы оды съ историческими обстоятельствами, при коихъ она была написана; указываетъ главную мысль, и проводитъ ее черезъ всю оду, — т. е. что человѣкъ долженъ возноситься къ Богу не фантазіею, не пищетными словами, а умиленною молитвою и слезами. Ученики гораздо лучше поймутъ и учителя и разобранное сочиненіе, если сообразятъ дома, на бумагѣ. Пускай незаучивается беллетрическая часть курса словесности, а передается отъ учениковъ письменно. Для соображенія предлагаю нѣсколько темъ:

О Ломоносовѣ: по спашьѣ Батюшкова, по письмамъ Ломоносова, по его портфелю (въ Очеркахъ Россіи Пассека) и ш. п.

О Недорослѣ Фонъ Визина и о комедіи вообще: по спашьѣ Кн. Вяземскаго, по Гоголеву Разъѣзду.

О Кантемирѣ: по разговору Батюшкова.

Жизнеописаніе нѣкоторыхъ преподобныхъ писателей древнихъ: по жишіямъ Святыхъ.

Характеристика Князей и Царей Рускихъ: по лѣтописямъ и по Карамзину; взяшь въ соображеніе отрывокъ изъ Хронографа Кубасова, помѣщенный въ Славянской Хрестоматіи Пенинскаго.

Характеристика древнихъ великихъ людей: по Плутарху, Курціо, Корнелію Непоту и др.

Изложеніе нѣкоторыхъ теоретическихъ мнѣній о поэзіи: по теоріи поэзіи въ историческомъ развитіи, Проф. Шевырева; по чтеніямъ о словесности, Проф. Давыдова.

Описаніе нѣкоторыхъ народныхъ праздниковъ, обрядовъ, игръ: по сочиненію Снегирева объ этомъ предметѣ; по сказаніямъ Рускаго народа, Сахарова 1).

---

1) Вѣроятно, интересно будетъ нѣкоторымъ узнать, что сочиняютъ нѣмецкіе гимназисты. Т. Гейнзіусъ въ послѣдніе два года, въ Берлинской Гимназіи, между прочими, вотъ какія задавалъ темы: Шиллеръ какъ дидактическій поэтъ. Данте и его Божественная Комедія. О характерѣ романтической школы. Жизнь Демосѳена. О характерѣ Маркиза Позы. О характерѣ Креона въ Антигонѣ. О Греческой драмѣ. О единствѣ

Такъ какъ ученики начнутъ писать собственныя сочиненія, уже достаточно упражнившись и постоянно упражняясь въ слогѣ на переводахъ, переложеніяхъ: то въ сочиненіи преимущественное вниманіе слѣдуетъ обращать на расположеніе, и притомъ на расположеніе не только главныхъ частей плана, но и подробностей. То есть, слѣдуетъ наблюдать за теченіемъ мысли и за логическимъ, естественнымъ переходомъ отъ одного предложенія къ другому. Для этого весьма полезно выставлять на поляхъ тетради противъ каждаго періода цыфру. Когда такимъ образомъ всѣ предложенія будутъ на пересчетѣ: тогда ученикъ ясно увидитъ, не повторилъ ли онъ во второмъ періодѣ то, что было уже въ первомъ; естественно ли слѣдуетъ второй періодъ за первымъ, или его перемѣстишь туда, гдѣ третій и т. д. Слѣд. Логика должна проходить черезъ всѣ предложенія, связывая ихъ неразрывною цѣпью.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Отрывочныя свѣденія, набранныя учениками въ теченіи цѣлаго курса изъ чтенія писателей и изъ матеріаловъ для письменныхъ упражненій, должны

въ эпосѣ. Reineke fuchs. Das Kirchenlied. Объ Эмиліи Галоттии Лессинга, и объ его же Лаокоонѣ. О поэзіи по цѣли и средствамъ. Сравненіе трехъ греческихъ трагиковъ, Есхила, Софокла и Еврипида Что способствовало процвѣтанію краснорѣчія у древнихъ. О Цицеронѣ какъ ораторѣ. Смотр. Zeitgemäsze Pädagogik der Schule, 1844, стр. 184 — 185.

быть приведены въ систему, разумѣется уже въ послѣднемъ классѣ Гимназіи. Это систематическое обозрѣніе будетъ вмѣстѣ и повтореніемъ. Такъ какъ историческое направленіе гораздо надежнѣе философскаго, и доступнѣе юношескому возрасту: то, безъ сомнѣнія, это общее обозрѣніе должно состоять въ исторіи руской словесности и языка. До сихъ поръ въ нашихъ Гимназіяхъ мало обращаютъ вниманіе на древнюю церковнославянскую литературу, между тѣмъ какъ короткое знакомство съ нею необходимо всякому образованному человѣку, ужъ для одного того, чтобы отчетливо понимать Св. Писаніе и церковную службу. А для основательности науки выгода огромная: потому что древніе памятники дадутъ исторіи литературы направленіе филологическое. Критическая оцѣнка писателей должна развивать въ ученикахъ не одно чувство эстетическое, но и нравственное: а наша старина предлагаетъ для того безцѣнные памятники. Хотя преимущественное вниманіе обращается на сочиненія, однако великую пользу можно принести и жизнеописаніемъ сочинителя. Такъ жизнь Ломоносова будетъ для дѣтей образцомъ учебной и ученой дѣятельности, ибо жизнь его дѣлится на двѣ половины: въ первой онъ только учится, во второй и учится и учитъ; въ первой онъ ученикъ, въ послѣдней учитель.

Такъ называемая теорія словесности взойдетъ въ исторію, какъ часть. Напр. ученіе о стихосложеніи начинается чтеніемъ стиховъ, оканчивается

же исторіею нашего стихосложенія отъ силлабическихъ виршъ и древнихъ стихотвореній черезъ теоріи Тредьяковскаго, Державина до нашихъ временъ.

Главное дѣло въ исторіи литературы—основательность: т. е. говорить ученикамъ по большой части только о такихъ произведеніяхъ, которыя они прочли и изучили. Этимъ опредѣляется и объемъ и метода науки.

ОПЫТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ.

1. Начальная Грамматика.

Съ самаго начала слѣдуетъ пріучать дѣтей читать такъ, какъ говорятъ, и отклонять ихъ сколько возможно отъ чтенія чисто механическаго. Для того заставлять перечитывать одно и тоже выраженіе до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ его и не прочтутъ, какъ слѣдуетъ. Начинать простыми предложеніями, утвердительными, отрицательными, вопросительными, съ разборомъ логическимъ и вещественнымъ (réelle); разборъ граммапическій придетъ послѣ. Учитель постоянно даетъ вопросы, и не ограничивается единственно собственнымъ своимъ объясненіемъ. Сначала дѣлаетъ онъ разборъ логическій, впрочемъ не говоритъ при немъ ни о подлежащемъ, ни о сказуемомъ. Заставляетъ дѣтей отыскивать подлежащее черезъ сказуемое и дополненіе, а сказуемое и дополненіе черезъ подлежащее; подлежащее черезъ опредѣленіе, и опредѣленіе черезъ подлежащее. Дитя механически прочло, напр.,

слѣдующее предложеніе: Богъ сотворилъ небо и землю. Учитель спрашиваетъ: кто сотворилъ небо и землю? потомъ: что говорится здѣсь о Богѣ? послѣ даетъ объясненіе вещественное, т. е. опредѣлитъ значеніе словъ: Богъ, сотворилъ, земля, небо. Заставитъ дитя еще разъ прочесть это преложеніе, и уже по самому способу выраженія, по голосу, какимъ прочтетъ, можно судить, что оно поняло.— Чтобы убѣдиться окончательно, разумѣютъ ли дѣти прочтенное, самое лучшее средство — заставить ихъ тоже самое сказать другими словами, нѣкоторымъ образомъ перевесть. Потомъ приступитъ къ разбору предложеній болѣе сложныхъ и длинныхъ. Здѣсь отыскивается главная мысль. Вмѣстѣ съ дѣтьми перечитавъ то же самое нѣсколько разъ, заставитъ ихъ переложить прочтенное по своему, своими словами — словесно или письменно: здѣсь начало собственнымъ сочиненіямъ. Всѣ эти упражненія, образуя судительную силу дѣтей и вмѣстѣ уча ихъ правильному чтенію, развязываютъ даръ слова и учатъ Граммашикѣ. И только послѣ этакихъ упражненій можно уже будетъ приступить собственно къ Граммашикѣ и разбору граммашическому 1).

Понятно, что въ первоначальныхъ урокахъ не льзя взять для чтенія писателя классическаго. Надобно избрать что нибудь самое крашкое, для

---

1) Essai sur l'éducation du peuple, par Willm, Inspecteur de l' Académie de Strasbourg, 1843, стр. 197 и слѣд.

дѣшей удобопоняшное и занимашельное; надобно разбудишь судишельную ихъ силу разсказами самыми яркими, шакими, гдѣ бы они съ перваго разу могли бышь судьями, слѣд. могли бы судишь. Для первыхъ уроковъ заимсшвую у одного Голландскаго педагога упражненія въ опличіи исшиннаго опъ ложнаго 1):

Учишель предваришельно говоришъ дѣшямъ, чшобы они вниманшельно разсудили, чему въ слѣдующихъ разсказахъ можно повѣришь и чему нѣшъ.

1. Двѣ собаки гнались за зайцемъ; а заяцъ обернулся назадъ, искусалъ собакъ, да и прогналъ ихъ.

Разборъ. Двѣ собаки гнались за зайцемъ: о комъ говоришся? чшо сказано о двухъ собакахъ? сколько было собакъ? за кѣмъ гнались собаки? сколько было зайцевъ? Если дѣши ошвѣшили на эши вопросы, значишъ, поняли предложеніе.—А заяцъ обернулся назадъ: о комъ здѣсь говоришся? чшо же сдѣлалъ заяцъ? куда онъ обернулся?—искусалъ собакъ, да и прогналъ ихъ: кшо? чшо сдѣлалъ? кого искусалъ и кого прогналъ?—Можно ли эшому повѣришь? почему нѣшъ? здѣсь выступаешъ разборъ вещесшвенный: ибо дѣши опличаюшъ собаку опъ зайца. Учишель опяшь спрашиваешъ: могушъ ли лешашь собаки и зайцы? кшо же можешъ лешашь? сшало бышь собаки и зайцы не шшицы? чшоже они шакое? Такимъ образомъ довесши дѣшей до шого, чшобы они

1) De l'instruction publique en Hollande, par Victor Cousin, 1837, стр. 290 и слѣд.

сказали, что собаки и зайцы звѣри. Разборъ вещественный заключается логическимъ.

2. Одинъ ручеекъ вытекалъ при подошвѣ горы; потомъ текъ на гору до ея вершины, и наконецъ, перетекши черезъ гору, спустился на другую ея сторону.

Разборъ. О чемъ вы прочли? что же было съ ручейкомъ? откуда онъ вытекалъ? что такое подошва горы? потомъ куда онъ текъ? *на* гору или *подъ* гору? все ли равно, что *на* гору текъ, что *подъ* гору? до какихъ поръ текъ онъ на гору? все ли равно, что подошва горы, что вершина? можетъ ли ручей перетечь черезъ гору? стало быть вы знаете, почему здѣсь неправда. Какое различіе между ручьемъ и рѣкой? что больше? чѣмъ они сходны?

3. Была одна курица, и снесла эта курица двѣнадцать яицъ, и стала ихъ высиживать. Черезъ десять дней вывела она и цыпляпъ; изъ одного яйца вывела она два цыпленка, изъ другаго яйца вывела она четыре цыпленка, изъ третьяго яйца вывела она шесть цыплятъ, а было и такое яйцо, изъ котораго вывела она двѣнадцать цыплятъ.

Разборъ. О чемъ мы читаемъ? что же прочли о курицѣ? о сколькихъ курицахъ говорится? а сколько она снесла яицъ? что значитъ: высиживать яица? что случилось съ курицой черезъ десять дней? сколько вывела она цыплятъ изъ одного яйца? сколько изъ другаго? можно ли изъ одного яйца вывести двѣнадцать цыплятъ? на кого курица болѣе похо-

жа, на собаку или ворону? довесши дѣшей до шого, чшобы они назвали ворону и курицу пшицами. Какое различіе между курицею и цыпленкомъ? какъ называюшся дѣши собакъ, лошадей, коровъ, овецъ?

4. Загорѣлся домъ со всѣхъ чешырехъ угловъ; прилешѣла добренькая пшичка, да своими крылышками и пошушила пожаръ.

Разборъ. Загорѣлся домъ со всѣхъ чешырехъ угловъ: о чемъ говоришся? чшо случилось съ домомъ? какъ онъ загорѣлся, съ одного конца, или съ двухъ? кшо прилешѣлъ? почему эша пшичка была добренькая? прилешѣвши, чшо сдѣлала пшичка? чѣмъ она пошушила пожаръ? почему эшо неправда? чѣмъ же можно пошушишь пожаръ?

5. Одинъ разъ левъ очень проголодался, и пошелъ по лѣсу искашь себѣ пищи; долго онъ искалъ, и не могъ найши. Чшо же онъ сдѣлалъ? поднялся на заднія лапы, да и полешѣлъ, какъ пшица, вверхъ для шого, чшобы сверху лучше видѣшь во всѣ сшороны.

Разборъ. Кшо проголодался? чшо шакое левъ? какъ же левъ хошѣлъ помочь своему горю? нашелъ ли онъ себѣ пищи? на какія лапы поднялся левъ? кромѣ заднихъ лапъ какія бываюшъ еще? поднявшись на лапы, чшо сдѣлалъ левъ? для чего полешѣлъ? все ли равно, чшо вверхъ, чшо внизъ; чшо вверху, чшо внизу? можешъ ли лешашь левъ? кшо же лешаешъ? дѣши опяшь оширичаюшъ звѣрей ошъ пшицъ.

6. Однажды лѣтомъ въ сильные жары вдругъ замерзли всѣ рѣки; а когда пришли зимніе морозы, рѣки растаяли.

Разборъ. Кто замерзъ? когда замерзли рѣки? что растаяло? когда растаяли рѣки? о чемъ же здѣсь говорится? что говорится о рѣкахъ? бываетъ ли жаркій морозъ, холодный жаръ, теплый снѣгъ, холодный огонь? Въ этой исторійкѣ ложь переложить на правду: т. е. зимою замерзли, лѣтомъ растаяли.

7. Маленькой барашекъ встрѣтился на лугу съ волкомъ; барашку очень хотѣлось ѣсть, и потому онъ убилъ волка и съѣлъ его.

Разборъ. Кто встрѣтился съ волкомъ? что случилось съ барашкомъ? какой былъ барашекъ—большой или маленькой? гдѣ встрѣтился барашекъ съ волкомъ? кому хотѣлось ѣсть—барашку или волку? кто кого убилъ? кто кого съѣлъ? можетъ ли это быть? Дѣти должны разсказать эту басню наоборотъ: т. е. волкъ проголодался и съѣлъ барашка.

8. Былъ такой искусный плотникъ, что одинъ одинехонекъ построилъ огромный домъ только въ одну ночь.

Разборъ. Почему плотникъ былъ искусенъ? можетъ ли быть искусный столяръ, живописецъ, музыкантъ? можно ли въ одну ночь одному человѣку построить огромный домъ? это вѣритъ дѣтямъ понятіе о времени.

9. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ растутъ на деревахъ алмазы, золото, серебро, коровы, лошади и овцы.

Разборъ. Что растетъ? на чемъ растутъ алмазы и пр.? могутъ ли на деревахъ расти лошади, овцы? довести дѣтей до понятія о растеніяхъ въ противоположность животнымъ. Гдѣ случаются такія чудеса? дать понятіе о мѣстѣ.

10. Жилъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, и сдѣлалъ онъ изъ золота воробья; и этотъ золотой воробей леталъ и клевалъ пшеницу, какъ живой.

Разборъ. О комъ говорится сначала? а потомъ о комъ? можетъ ли золотыхъ дѣлъ мастеръ сдѣлать воробья изъ золота? можетъ ли золотой воробей быть живымъ? показать отличіе вещи неодушевленной отъ предмета живаго.

11. Одинъ шалунъ разложилъ огонь, зажегъ прудъ и сожегъ всѣхъ рыбъ, которыя были въ пруду.

Разборъ. Что сдѣлалъ шалунъ? что онъ разложилъ, что зажегъ и кого сожегъ? гдѣ были рыбы? гдѣ водятся рыбы? можетъ ли горѣть вода?

12. Одному шалуну мальчику вздумалось наловить себѣ птичекъ; вотъ взялъ онъ въ одну руку хлѣба, а другою сталъ манить ихъ къ себѣ: птички обрадовались корму, и слетѣлись къ мальчику на руку; и мальчикъ очень легко наловилъ себѣ птичекъ и былъ радъ.

13. Однажды ночью поднялась сильная буря съ градомъ и дождемъ, перебила всѣ окна и сло-

мала много крышъ съ домовъ и церквей. Особенно жалко было то, что вѣтеръ свалилъ огромную гору на большой городъ: жители съ великимъ трудомъ на силу могли поднять гору, и поставили на прежнее мѣсто.

14. Воронъ увидѣлъ жирнаго барана, и, вцѣпившись въ него своими когтями, поднялъ его на воздухъ и за одинъ разъ всего его съѣлъ, усѣвшись на деревѣ.

15. Нѣкоторый мясникъ, не успѣвая распродавать всей говядины, вздумалъ убивать только половину коровы.

Точно также разобрать и остальные разсказы. Въ урокѣ можно пользоваться различными пріемами. Сначала учитель спрашиваетъ, ученики отвѣчаютъ; потомъ одинъ ученикъ спрашиваетъ, другой отвѣчаетъ; одинъ разскажетъ, другой объяснитъ, почему въ разсказѣ не правда; третій — ложный разсказъ передѣлаетъ на правильный. Упражненія надъ такими разсказами могутъ продолжаться недѣли двѣ-три; главная цѣль въ томъ, чтобы дѣти пріучались понимать прочтенное; средства къ ней логическій и вещественный разборъ. Этими разсказами дѣти нечувствительно приготовляются къ чтенію басенъ и сказокъ.

Разборъ сказки Пушкина О рыбакѣ и рыбкѣ:

Жилъ старикъ съ своею старухой
У самаго синаго моря;

О комъ мы прочли? кто жилъ? съ кѣмъ жилъ старикъ? чья была старуха? гдѣ жилъ старикъ съ

старухой? какое море, красное или черное? что такое море?

Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно придцать лѣтъ и три года.

Кто жилъ въ землянкѣ? что разумѣется подъ словомъ *они*? гдѣ они жили? долго ли они тамъ жили? что такое землянка? какое различіе между избой и землянкой? все ли равно, что годъ, что лѣто?

Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,

О комъ говорится? что дѣлалъ старикъ? что ловилъ старикъ? чѣмъ ловилъ старикъ рыбу? кромѣ невода еще чѣмъ можно ловить рыбу? какъ называется тотъ, кто ловитъ рыбу? стало быть старикъ былъ рыбакъ, рыболовъ.

Старуха пряла свою пряжу.

Опять о старикѣ говорится, или нѣтъ? чѣмъ же занималась старуха? что она пряла? можно ли прясть ленъ, коноплю, шерсть? какъ называется женщина, которая прядетъ? выходитъ, что старуха была пряха. Все ли одно, что пряха, что ткачиха?

Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,

Кто закинулъ неводъ въ море? что закинулъ въ море? куда закинулъ? зачѣмъ закидываютъ неводъ въ море? можно ли закидывать неводъ въ рѣку, въ озеро?

Пришелъ неводъ съ одною тиной;

Кто пришелъ? можетъ ли ходить неводъ? съ чѣмъ пришелъ неводъ? что такое тина, грязь, песокъ, глина?

Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ;

Кто закинулъ неводъ? въ первый разъ или въ третій?

Пришелъ неводъ съ травой морской;

А въ первый разъ съ чѣмъ пришелъ неводъ? почему трава названа морскою? все ли одно, что трава, что цвѣты, что деревья?

Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,

Въ который разъ закинулъ онъ неводъ? что вынащилъ онъ въ первый разъ? что во второй? теперь увидите, что вынащилъ онъ въ третій разъ:

Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.

Съ чѣмъ же пришелъ неводъ въ третій разъ? видали ли вы золотыхъ рыбокъ? какая была рыбка простая, или не простая, золотая? какая это была рыбка — плотичка, карась или ёршъ?

Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:

Кто взмолился? что такое *взмолиться*? все ли одно, что просить, молить? какимъ голосомъ просила рыбка? можетъ ли рыбка говорить понашему?

Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.

Вотъ какъ просила рыбка: кого же она просила, съ кѣмъ она говорила? Старче тоже, что старикъ. о чемъ она просила? куда отпустить? кого отпу-

спишь? зачѣмъ же рыбкѣ хотѣлось въ море? живетъ ли рыба въ воздухѣ? — кто обѣщается дать откупъ? что такое откупъ? прочтите слѣдующій стихъ, и узнаете, что такое откупъ. Она хотѣла дать ему за себя все, что угодно старику, только чтобы онъ отпустилъ ее въ море. Какой откупъ хотѣла она дать ему? дорогой или дешевый? — кто хотѣлъ откупиться? чѣмъ хотѣла рыбка откупиться?

Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобы рыба говорила.

Что же случилось съ старикомъ, когда онъ услышалъ, какъ заговорила рыбка человѣчьимъ голосомъ? почему же онъ удивился и испугался? Если не знаете почему, прочтите два остальные стиха, и узнаете: потому что онъ никогда не слыхивалъ, чтобы рыба говорила? что такое рыбачилъ? кто рыбачилъ? какъ долго старикъ рыбачилъ? слышалъ ли онъ прежде, чтобы говорила рыба? стало быть онъ въ первый разъ услышалъ, какъ понашему заговорила рыба: потому онъ удивился и испугался. Все ли равно, что удивиться, что испугаться? когда бросится на васъ большая собака, вы удивитесь или испугаетесь? Если бы вы сами услышали, какъ заговорила рыбка, удивились ли бы вы, или испугались?

Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:

Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо,
Ступай къ себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Что же сдѣлалъ старикъ? куда онъ отпустилъ рыбку? что онъ сказалъ ей? какое слово сказалъ онъ ей, ласковое или грубое? хорошо ли говорить грубости? кому онъ сказалъ ласковое слово?—что старикъ говорилъ рыбкѣ? когда мы говоримъ: Богъ съ тобою? хотѣлъ ли старикъ взять откупъ съ рыбки? нуженъ ли ему былъ откупъ, или нѣтъ? кому не надо было откупа? чего не надо было старику? — Еще что сказалъ онъ ей? куда онъ велѣлъ ей идти? гдѣ онъ велѣлъ ей гулять? почему рыбкѣ въ морѣ просторно? Въ этой комнатѣ просторно или тѣсно? за чѣмъ же отпустилъ старикъ рыбку? Видите, какой онъ былъ добренькій. А если бы съ вами тоже случилось, что съ старикомъ, отпустили ли бы рыбку?

Нѣсколько времени упражняя учениковъ такимъ отчетливымъ чтеніемъ, учитель нечувствительно пріуготовитъ учениковъ къ уразумѣнію главныхъ началъ Грамматики. Надобно только избирать для чтенія статьи легкія и образцовыя, напр. изъ Басенъ Крылова, изъ сказокъ и повѣстей Пушкина, Жуковскаго, изъ писемъ Карамзина. Если у учениковъ нѣтъ книгъ для чтенія, можно писать на доскѣ; такъ какъ они еще не знаютъ правописанія и самымъ писаньемъ затрудняются, то учитель крупно и разборчиво самъ пишетъ на доскѣ, разу-

мѣется, предложенія по два вдругъ, и много уже по три. Дѣти сначала не пишутъ на тетрадяхъ, а читаютъ и разбираютъ написанное учителемъ на доскѣ. Смотря по успѣхамъ, черезъ мѣсяцъ или два, могутъ начать писать и сами. Такъ какъ дѣтямъ очень трудно сообразить цѣлую статью вдругъ, напр. все что разобрано выше изъ сказки Пушкина; то передъ чтеніемъ статьи учитель краткo скажетъ только, о чемъ будетъ читать, и приступаетъ къ разбору по предложеніямъ. А потомъ уже, когда дѣти разобрали всю статью и ее поняли, пусть разсказываютъ своими словами: тогда уяснится имъ главное содержаніе статьи.

Удостовѣрившись, что дѣти привыкли вникать въ прочтенное, учитель въ продолженіе урока удѣляетъ отъ чтенія нѣсколько времени на Грамматику — столько, сколько нужно для точнѣйшаго уразумѣнія прочтеннаго. Такимъ образомъ при чтеніи статей всегда должны быть краткіе грамматическіе эпизоды.

Всего естественнѣе и легче передать дѣтямъ первыя понятія о частяхъ рѣчи въ связи съ понятіями о предложеніи и частяхъ его. Учитель беретъ изъ разобранныхъ статей отдѣльныя краткія предложенія и начинаетъ объяснять грамматически, напр. такимъ образомъ:

Помните, мы читали и говорили о ручейкѣ, какъ онъ текъ черезъ гору (разск. 2). Если я скажу только два слова: ручей течетъ — понимаете ли,

что́ я сказалъ? о чемъ я говорю? о ручьѣ. Что говорю о ручьѣ? что онъ шечетъ. То, о чемъ говорятъ, называется подлежащимъ; а то, что говорится о подлежащемъ, называется сказуемымъ. Ручей шечетъ: которое подлежащее? которое сказуемое? помните также, что читали мы о томъ, какъ загорѣлся домъ (разск. 4), и какъ проголодался левъ (разск. 5)? Ну разскажите же. Теперь я вамъ скажу: загорѣлся домъ: о чемъ здѣсь говорится? гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое? почему? Проголодался левъ: гдѣ подлежащее, гдѣ сказуемое? почему? что есть подлежащее? что есть сказуемое? Теперь вы знаете, что ручей, домъ, левъ — подлежащія; шечетъ, загорѣлся, проголодался — сказуемыя; но замѣтьте, что я говорю подлежащее вмѣстѣ съ сказуемымъ: ручей шечетъ. Подлежащее и сказуемое, вмѣстѣ соединенныя, называются предложеніемъ: слѣд. домъ загорѣлся, левъ проголодался — предложенія. Такъ какъ подлежащее есть то, о чемъ говорится, а сказуемое то, что́ говорится о подлежащемъ: то въ предложеніи мы говоримъ что нибудь (сказуемое) о какомъ нибудь предметѣ (подлежащее). Сколько частей узнали вы въ предложеніи? двѣ. Слѣд. подлежащее и сказуемое части предложенія; а потому вотъ какъ надобно ихъ опредѣлять: подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложеніи; сказуемое есть то, что говорится о подлежащемъ въ предложеніи.

Подлежащее есть предметъ для разговора. Названіе предмета именуется еще *именемъ существитель-*

пымъ, потому что всякій предметъ *существуетъ* 1), т. е. гдѣ нибудь находится — или передъ глазами: окно, домъ; или далеко отъ насъ, и мы ихъ не видимъ, напр. горы, моря; или хотя и около насъ, но невидимые, напр. воздухъ. Въ темной комнатѣ и всѣ предметы бываютъ невидимыми, однако они въ ней находятся, т. е. существуютъ, стало быть названія ихъ все же имена существительныя. Есть еще много предметовъ, коихъ хотя мы никогда не видимъ, ни днемъ ни ночью, однако они все-таки существуютъ; напр., Бога мы не видимъ, но Онъ существовалъ прежде всѣхъ вещей, прежде земли и неба, и будетъ существовать во вѣки вѣковъ: слѣд. названіе Богъ есть имя существительное. Ангеловъ мы также не видимъ, но ихъ видятъ праведники на небесахъ: стало быть и Ангелъ — имя существительное. Молитву можно видѣть, когда она написана на бумагѣ, или напечатана въ святцахъ; но ее можно и слышать, когда ее читаетъ священникъ въ церкви: потому молитва существуетъ, названіе ея имя существительное. Когда ты читаешь молитву про себя, тогда, хотя и ты самъ ея не слышишь, ни я, и никто изъ людей, однако она существуетъ: потому что ее слышитъ самъ Богъ, если твоя молитва

1) Послѣдователь Жирара, Ламбрускини всегда объясняетъ дѣтямъ грамматическую терминологію, смотр. Studio della lingua nativa въ его журналѣ Guida dell' educatore e letture per i fanciulli, 1839 и 1840, № 45, 47, 48, 50, 52, 54 и 55.

доходна къ Богу. Стало быть молитва и тогда будетъ именемъ существительнымъ: гдѣ же тогда она существуетъ? въ головѣ, въ сердцѣ. Такимъ образомъ нечувственно можно довести дѣтей отъ предметовъ вещественныхъ къ духовнымъ.

Теперь будемте искать именъ существительныхъ въ томъ, что вы прочли. Въ 1 разсказѣ: гдѣ существительныя? почему собака и заяцъ существительныя? Вы помните, что и собаки и зайцы называются звѣрьми: звѣрь также имя существительное; сыщите нѣсколько названій звѣрей — всѣ они будутъ существительныя имена. Во 2 разсказѣ: почему имен. сущ. ручеекъ, гора, вершина, сторона? какое различіе между ручьемъ и ручейкомъ, рѣкою и рѣчькой, горою и горкой? что больше? ручеекъ, рѣчка, горка имен. сущ. уменьшительныя. Что больше: нога или ножища, рука или ручища? ножища, ручища — имен. сущ. увеличительныя. Что меньше: рука или ручка, нога или ножка? видите, что рука, нога, гора, ручей — не увеличительныя и не уменьшительныя: это имена сущ. обыкновенныя. Въ 4 разсказѣ: какое различіе между существительными: домъ и птичка? птичка живетъ, клюетъ кормъ и летаетъ; домъ не движется самъ, онъ не живой, не поетъ, какъ птичка; не кричитъ, какъ звѣрь; не говоритъ, какъ человѣкъ; не плаваетъ по своей волѣ, какъ рыба: звѣрь, рыба, человѣкъ — предметы одушевленные; домъ, дерево, камень, гора, вода — неодушевленные. И вода движется, да не такъ, какъ звѣрь или чело-

вѣкъ: воли у ней нѣтъ идти туда, куда хочетъ: помните, вы сами говорили, что вода не можетъ течь на гору (разск. 2.); а звѣрь и человѣкъ ходятъ и на гору и подъ гору. Часы съ кукушкою кукуютъ, какъ птица: но та бѣда, что кукуютъ только черезъ часъ, а кукушка когда захочетъ, тогда и кукуетъ. Стало быть предметы одушевленные дѣлаютъ по своей волѣ, какъ захотятъ. Правда, что человѣкъ можетъ дѣлать, что хочетъ, однако долженъ дѣлать только добрыя дѣла; за злыя наказывается: потому васъ наказываютъ за лѣность, за ослушаніе. А птичка, какъ видите, была добренькая: почему? стало быть помогать ближнему — доброе дѣло. Птичка могла сдѣлать доброе дѣло потому, что она предметъ одушевленный. А какое различіе между птичкой и птицей? Въ 5 разсказѣ: какіе предметы левъ и лѣсъ — одушевленные или неодушевленные? почему? левъ добръ или золъ? а лапа, также какъ левъ, предметъ одушевленный? если отрубите у звѣря лапу, или у птицы крыло: и лапа и крыло будутъ мертвыя, стало быть неодушевленныя. Лапа есть часть льва: какія еще части льва? какія части птицы? теперь припомните, какъ глупъ былъ мясникъ (разсказъ 15), вздумавшій убивать только половину коровы: онъ не умѣлъ отличать предметовъ одушевленныхъ отъ неодушевленныхъ, и предмета отъ частей его. Какія части дерева? дерево состоитъ изъ различныхъ частей, каковы: корень, стволъ, вѣтви, листья; а лѣсъ изъ одинаковыхъ, только

изъ деревьевъ, точно также какъ полкъ изъ солдатъ, толпа изъ людей: лѣсъ, полкъ, толпа называются имен. сущ. собирательными, потому что лѣсъ есть *собраніе* деревьевъ, полкъ — солдатъ, толпа — людей. Въ 6 разсказѣ: почему рѣка предметъ неодушевленный? воду нельзя назвать существ. собирательнымъ, потому что какъ ни дѣли воду, все остается также вода: и капелька вода, и рѣка вода, и море вода; напротивъ того части лѣса деревья, толпы — люди. Точно также золото, серебро, желѣзо, молоко, вино, какъ ни дроби, все выходитъ тоже золото, тоже молоко и пр. Такіе предметы называются веществами дѣлимыми. Они мѣряются, тогда какъ прочіе предметы считаются, напр. пудъ золота, стаканъ воды. Въ 9 разсказѣ: какія вы знаете государства? назовите. И Россія есть государство, и Франція государство, и Турція и Персія также. Видите, что государство есть имя *общее* и Россіи, и Франціи и пр., а Россія *собственное* имя государства, гдѣ мы живемъ, Франція *собственное* имя государства, гдѣ живутъ Французы. Извѣстно ли вамъ собственное имя того государства, гдѣ алмазы и коровы растутъ на деревахъ? У каждаго изъ насъ есть собственное имя: одному имя Иванъ, другому Николай, и пр., а общее намъ всѣмъ—человѣкъ. Скажите нѣсколько собственныхъ именъ городовъ, рѣкъ, деревень. Въ 3 разсказѣ: сколько было курицъ? сколько яицъ? какое различіе между: курица и куры, яйцо и яица? итакъ первое—единственное число, потому что одна ку-

рица, одно яйцо; второе—множественное, потому что когда говорю яица, курицы, разумѣю много яицъ и куpицъ. Когда говорю: цыпляша, сколько цыпляшъ вы разумѣете, двѣнадцать, или больше, или меньше? Когда же скажу: двѣнадцать цыпляшъ, пять цыпляшъ, вы тотчасъ скажете *опредѣленно*, сколько ихъ. Названія чиселъ: пять, шесть, двѣнадцать, именуются числительными: они означаютъ множественное число предметовъ *опредѣленно*, именно сколько числомъ; а множественное число сущестив. именъ, напр. куры—означаетъ много куръ, а не извѣстно сколько.

Разумѣется, въ продолженіе всѣхъ сихъ упражненій надобно постоянно указывать дѣтямъ на подлежащее и сказуемое, и на предложеніе. Такъ какъ при опредѣленіи принадлежностей именъ существительныхъ болѣе нужна наглядность, потому и считаю полезнѣе упражнять дѣтей сначала именами существительными, и потомъ ужъ глаголами и прилагательными.

Для опредѣленія глагола учитель беретъ тѣже разсказы. Разскажите, какъ двѣ собаки гнались за зайцемъ (разс. 1). Собака бѣжитъ: гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое? какъ называются оба слова вмѣстѣ? Сказуемымъ обыкновенно бываетъ *глаголъ*. Глаголъ есть старинное реченіе и значитъ то же, что слово: стало быть глаголъ есть все то, что говоритъ, что *сказываетъ* о предметѣ: потому-то глаголъ и бываетъ *сказуемымъ*. Итакъ: бѣжитъ-

будешъ сказуемое и глаголъ. Когда я говорю: собака, заяцъ, — вы понимаете два предмета. Но когда говорю: собака бѣжитъ, вы понимаете только одинъ предметъ: собака; а бѣжитъ есть только ея движеніе. Какъ движутся птицы, рыбы? птицы летаютъ, рыбы плаваютъ: гдѣ здѣсь глаголы? и такъ глаголъ означаетъ движеніе предметовъ. Разкажите, какъ птичка потушила пожаръ (разск. 4). Что птичка сдѣлала? потушила пожаръ. Пожаръ, вы знаете, существительное: а потушила что такое? и глаголъ и сказуемое: потушила означаетъ дѣло, дѣйствіе птички: стало быть, кромѣ движенія предметовъ, глаголъ выражаетъ и дѣйствія ихъ. Домъ загорѣлся: здѣсь глаголъ не означаетъ ни дѣйствія, ни движенія, а выражаетъ то, что́ случилось съ домомъ. Человѣкъ говоритъ, птица поетъ: здѣсь глаголъ означаетъ способность, умѣнье. Камень лежитъ, дерево стоитъ: означаетъ, какъ предметъ находится, и т. д. Слѣдовательно глаголъ выражаетъ движеніе, дѣйствіе, умѣнье, способность и пр.

Разскажите, какъ жаръ заморозилъ всѣ рѣки (разск. 6). Можно ли сказать: ледъ грѣетъ, ледъ жжетъ? эти слова не соединяются потому, что грѣть и жечь способность огня, а не льда: стало быть здѣсь подлежащее и сказуемое не связываются (т. е. нѣтъ связи вещественной). Можно ли сказать: огонь горю, огонь горимъ? какъ же надобно? (связь формальная). Въ рѣчи мы принуждены отдѣлять предметъ отъ его дѣйствія или движенія; а

на самомъ дѣлѣ, въ природѣ, дѣйствіе нераздѣльно съ предметомъ, въ немъ и при немъ находится. Чтобы выразить сущую истину, нужно бы названіе дѣйствія произносить въ одно время съ названіемъ предмета. Можно ли это? Скажите въ одно время: и дерево и растетъ. (Ученики смѣясь пробуютъ, и разумѣется не могутъ) 1). Написать это можно бы, да только та бѣда, что буквы одного слова смѣшаются съ буквами другаго:

Др Еа Рс Еше Вшъ О. 2)

Впрочемъ природа избавила насъ отъ такого затруднительнаго письма, давъ нашей рѣчи способъ для соединенія подлежащаго съ сказуемымъ гораздо простѣйшій: чувствуете, что дерево растетъ — несладно, а дерево растетъ—складно: вся разность въ окончаніяхъ, слѣд. окончаніемъ глаголъ связывается съ подлежащимъ. Можно ли сказать: деревья растетъ, дерево растутъ? стало быть при единственномъ числѣ одно окончаніе глагола, при множественномъ — другое.

Найдите глаголы и сказуемыя въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ. Какое различіе въ глаголахъ: жилъ старикъ и они жили? *онъ* въ море закинулъ неводъ, *онъ* рыбачилъ: кого понимаете вы подъ словомъ *онъ*? стало быть *онъ* употреблено вмѣсто

---

1) Беру весьма остроумный пріемъ Ламбрускини.

2) Сначала написать *дерево*, а потомъ уже вписать *растетъ*. Ученики будутъ чрезвычайно внимательны, посмѣются и поймутъ совершенно.

старика; а *они* жили вм. старикъ и старуха. Онъ, они — называются *мѣстоименіями*, потому что стоятъ *вмѣсто имени*. Увидите тотчасъ, что есть и другія мѣстоименія и имѣютъ другое употребленіе.

Басня Крылова, Лисица и Сурокъ.

Куда шакъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.

Сурокъ говорилъ лисицѣ: куда *ты* бѣжишь? складно ли бы было, если бы онъ сказалъ ей: куда *я* бѣжишь? когда мы говоримъ кому нибудь, употребляемъ *ты*, *вы*: ты бѣжишь, вы бѣжите; а о себѣ говоримъ *я*, *мы*: я бѣгу, мы бѣжимъ. А когда говоримъ о комъ нибудь другомъ, употребляемъ *онъ*, *они*, напр. о старикѣ и старухѣ: онъ жилъ, они жили. Слова: я, мы, ты, вы, онъ, они, называются мѣстоименіями. — Лисица отвѣчаетъ сурку:

Охъ, мой голубчикъ, куманёкъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ куряшникѣ судьёй...

Можно ли сказать: ты терплю? а какъ же надобно? стало быть лиса о себѣ говоритъ. Хорошо ли сказать: я знаешь? видите, что здѣсь лиса говоритъ сурку. Я, мы, означаютъ лице говорящее; ты, вы — лицо которому говорятъ, или лице слушающее; онъ, они — лице или вещь, о коихъ говорятъ: лице говорящее называется первымъ, слушающее вторымъ, а послѣднее третьимъ. Стало быть мѣстоименіями означаются лица, участвующія въ разговорѣ. Замѣтьте, что лисица сказала просто: терплю, а не я терплю; видите, что лице

выражается, кромѣ мѣстоименія, и окончаніемъ глагола: терпл-ю, терпи-шь, терпи-тъ, терпи-мъ, терпи-те, терпя-тъ.

Не надобно выпускать изъ виду, что учитель предлагаетъ всѣ эти грамматическія правила въ постоянной связи съ чтеніемъ. Объяснивъ на чтеніи личныя мѣстоименія, тотчасъ заставляетъ дѣтей читать что нибудь, и обращаетъ ихъ вниманіе на объясненное; напр. продолженіе сказки о рыбакѣ и рыбкѣ:

Ворошился старикъ ко старухѣ,

Подлежащее? сказуемое? куда ворошился, къ кому?

Разсказалъ ей великое чудо.

Кто? подлежащее сказано уже прежде. Гдѣ глаголъ? что и кому разсказалъ?

Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;

Кто здѣсь говоритъ? гдѣ сказуемое? *Я*—подлежащее, стало мѣстоименіе бываетъ подлежащимъ.

По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.

Кто говорилъ? какъ говорила рыбка? говорила, просилась, откупалась—глаголы и сказуемыя. Куда просилась? чѣмъ откупалась? пожелаю—кто? я пожелаю или ты пожелаю, или же рыбка пожелаю? Здѣсь узнаётъ первое лице по окончанію глагола: пожела-ю.

Не посмѣлъ я взяшь съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.

Здѣсь подлежащее опяшь первое лице: я не посмѣлъ, я пустилъ.

Старика старуха забранила:
Дурачина, шы, простофиля!

Найши мѣстоименіе. Котораго лица? почему?

Не умѣлъ шы взяшь выкупа съ рыбки!
Хошь бы взялъ шы съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.

Здѣсь *шы* подлежащее; не умѣлъ, взялъ — его сказуемыя. Чье было корыто? что случилось съ корытомъ?

Вошъ пошелъ онъ къ синему морю.

Кто? куда пошелъ? и *онъ* бываетъ подлежащимъ. Замѣшьте, что старикъ говорилъ: я не посмѣлъ, я пустилъ; но можно сказать: и шы не посмѣлъ, шы пустилъ, и онъ не посмѣлъ, онъ пустилъ, мы не посмѣли, вы не посмѣли, они не посмѣли. Видите, что иногда глаголъ не имѣетъ своего личнаго окончанія, и различается по лицамъ только мѣстоименіями.

Когда вы говорите: *небо*, *земля*, вмѣстѣ съ этимъ сказываете уже и то, что онѣ есть, существуютъ. Но мнѣ неизвѣстно, есть ли у васъ теперь деньги въ карманѣ, или нѣтъ, потому говорятъ: у меня теперь есть деньги, вчера были деньги, завтра будутъ деньги. Вчера ужъ прошло, завтра еще будетъ, а теперь — сегодня, нынче:

всѣ эти слова означаютъ время: вчера — прошедшее; теперь, сегодня, нынѣ — настоящее; завтра — будущее. Можно ли сказать: завтра были деньги? вчера будутъ деньги? видите, что прошедшее *вчера* складно съ *были*, а будущее *завтра* — съ *будутъ*: выходитъ, что глаголъ можетъ означать различныя времена: настоящее — есть, прошедшее — были, былъ; будущее — будутъ, я буду, ты будешь, мы будемъ, вы будете.

Ученики читаютъ басню Крылова, Лжецъ; учитель останавливаетъ ихъ вниманіе на временахъ глагола, напр.

Нѣтъ, говоритъ, что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.

Сколько глаголовъ въ первомъ стихѣ? слѣдовательно сколько сказуемыхъ? можно ли сказать: вчера говоритъ, завтра говоритъ? завтра видалъ? стало быть говоритъ — настоящее время, видалъ — прошедшее. Лжецъ говоритъ, что онъ видалъ ужъ давно, можетъ быть, *третьяго году*, *прошлаго году*: слѣд. и эти слова означаютъ прошедшее время. Во второмъ стихѣ можно ли сказать: увижу вчера, третьяго году? это будущ. время. Время означается глаголомъ гораздо опредѣленнѣе, нежели другими словами, напр. можно сказать: теперь видѣлъ, теперь вижу, теперь увижу.

Подлежащее и сказуемое называются частями предложенія, а существительное, глаголъ, мѣстои-

меніе частями рѣчи. Есть еще другія части предложенія и рѣчи, какъ вы потомъ увидите.

Читайте далѣе о рыбакѣ и рыбкѣ, и увидите, что старикъ проситъ у ней *новое* корыто, потому что у нихъ было уже *старое* корыто. И книга можетъ быть новая, старая. Книга новая: сколько предметовъ? видите, что предметъ только одинъ — книга; а новая не предметъ, потому что нѣтъ такого предмета, который бы назывался новая, а бываетъ новое корыто, новая книга, новое платье. Какая еще можетъ быть книга? напр. эта книга, что лежитъ на столѣ, ужъ не новая, а старая, большая, запачканая. Видите, сколько словъ можно *приложить* къ одной книгѣ: всѣ они называются *прилагательными* именами, потому что *прилагаются* къ существительнымъ: они означаютъ не предметъ, а то, что *принадлежитъ* предмету; слѣд. прилагательныя означаютъ принадлежность предмета, его качество, т. е. *каковъ* предметъ или *какой* предметъ. Потому то, когда я спрошу васъ: *какое, каково* корыто, вы отвѣчаете прилагательнымъ: старое, или новое. Качествами отличается одинъ предметъ отъ другаго, напр. я отличаю ученика прилежнаго отъ лѣниваго, одного награждаю, другаго наказываю; отличаю человѣка добраго отъ злаго, одного люблю, другаго нѣтъ. Видите, какъ важны качества въ предметахъ. Старайтесь имѣть хорошія качества, т. е., чтобы о васъ говорили: ученикъ добрый, прилежный, внимательный, учтивый, вѣжливый, послушный: все это будутъ имена

прилагательныя. А какія противоположныя этимъ качества? Теперь найдите въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ имена прилагательныя: синее море—что еще бываетъ синимъ? какіе бываютъ цвѣта́? вѣтхая землянка—а землянка не вѣтхая какъ называется? прилагательное новый противоположно вѣтхому или старому. Трава морская: трава бываетъ зеленая, желтая, густая, сухая, рѣчная, болотная. Золотая рыбка; противоположное здѣсь же сказано: простая рыбка. Дорогой откупъ — а напротивъ того: дешевый откупъ. Ласковое слово: это хорошее качество, а грубое слово—дурное качество слова.

Найдите прилагательныя, противоположныя слѣдующимъ: большой — высокій — длинный — широкій—сильный—толстый—богатый—тихій—холодный — сладкій — пріятный—острый—сухой—черный — храбрый — умный—честный—искренній—скупой. Я вамъ скажу нѣсколько существительныхъ, съ которыми не связываются, не согласуются прилагательныя: бѣлая сажа, черный снѣгъ, сухая вода, глубокое дерево, высокая яма, горькій сахаръ, горячій ледъ, радостная печаль: поправьте сами, какъ надобно сказать (связь вещественная).

Складно ли будетъ, если скажу: добрая старикъ, добрый старуха, добрый дѣло? Вся неловкость происходитъ отъ окончаній: добр-ый старикъ—складно, добр-ая старикъ—нескладно; и наоборотъ добрая старуха—связно, добр-ый старуха—нѣтъ. Прилагательное само по себѣ одно не ставится, а при-

лагается къ существительному, и по различнымъ существительнымъ принимаетъ различныя окончанія: старикъ — мужчина, старуха — женщина; найдите нѣсколько названій мужчины, нѣсколько названій женщины: съ названіями мужчины говорится — добр-ый: добрый старикъ, добрый ученикъ, отецъ, учитель; съ названіями женщины говорится — добр-ая: добрая старуха, добрая ученица, мать, сестра. Названія мужчины рода мужескаго, а женщины — женскаго. Нѣкоторые предметы, напр. дерево, зеркало, море — не мужескаго, не женскаго рода, а средняго: о старикѣ скажите высокій старикъ, о старухѣ — высокая старуха, а о деревѣ какъ? высок-ое дерево, о рыбкѣ — золотая рыбка, о воробьѣ — золотой воробей, а о зеркалѣ — золот-ое зеркало. Прилагательныя, прилагаясь къ существительнымъ, принимаютъ родъ существительныхъ потому что только предметъ можетъ быть мужчиною, или женщиною: слѣд. родовыя окончанія прилагательныхъ: мужеское — добр-ый, золот-ой, син-ій; женское — добр-ая, золот-ая, син-яя; среднее — добр-ое, золот-ое син-ее. Хотя мужчиною и женщиною можетъ быть только лице одушевленное, однако мы различаемъ роды и въ предметахъ неодушевленныхъ: морск-ой берегъ, морск-ая трава, высок-ій домъ, высок-ая изба. Теперь скажите, хорошо ли говорить: добрый старики, добрые старикъ? какъ же надобно? видите, что съ единств. числомъ существительнаго ставится прилагательное въ одномъ окончаніи: добры-й старикъ; а съ множествен-

нымъ въ другомъ: добры-е старики. И число въ прилагательныхъ именахъ зависитъ отъ числа существительныхъ. Прилагательное, ставясь при существительномъ, не должно ему противорѣчить окончаніемъ ни въ родѣ, ни въ числѣ, т. е. должно съ нимъ быть согласно и въ родѣ и въ числѣ, должно съ нимъ *согласоваться*: потому что оно одно стоять не можетъ, и спонтъ при существительномъ, а чтобы стать при немъ, оно должно быть съ нимъ согласно, одинаково въ родѣ и числѣ. Теперь найдите въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ прилагательныя съ существительными, и скажите, въ какомъ они родѣ и въ какомъ числѣ.

Прилагательныя присовокупляются къ существительнымъ для того, чтобы объяснить предметъ, сказать каковъ онъ, *опредѣлить* его, потому прилагательныя въ предложеніи бываютъ словами *опредѣлительными*: синій, синее есть слово опредѣлительное моря, ветхая — землянки и пр. Прилагательное есть часть рѣчи, опредѣлительное слово — часть предложенія.

Глаголы — былъ, были, буду, будутъ — могутъ стоять со всякимъ прилагательнымъ, напр. ученикъ былъ здоровъ, ученики будутъ прилежны, я буду внимателенъ. Сказуемымъ въ этихъ предложеніяхъ не одинъ глаголъ: былъ, будутъ, буду, а глаголъ вмѣстѣ съ прилагательнымъ: потому что этотъ глаголъ, присоединяясь ко всякому прилагательному, имѣетъ значеніе общее, не ясное, неопредѣленное, а сказуемое должно сказать о предметѣ что

нибудь опредѣленное, потому-то и соединяется здѣсь глаголъ былъ, буду, съ словомъ опредѣлительнымъ. Одно же прилагательное, безъ глагола, не можетъ быть сказуемымъ, потому что сказуемымъ всегда бываетъ глаголъ, стало быть прилагательныя: здоровъ, внимателенъ, соединенныя съ глаголомъ былъ, буду: былъ здоровъ, буду внимателенъ — перестаютъ быть прилагательными, и становятся глаголами. Я здоровъ, ты здоровъ, онъ здоровъ — также предложенія; это видно изъ того, что подлежащія личныя мѣстоименія — я, ты, онъ — могутъ стоять только съ глаголами, а глаголъ здѣсь пропущенъ: я есмь здоровъ, ты еси здоровъ, онъ есть здоровъ; есмь, еси, есть, есмы, есте, суть — настоящее время того же глагола, отъ котораго прошедшее — былъ, будущее — буду. Итакъ, здоровъ, какъ часть рѣчи, есть имя прилагательное, а, какъ часть предложенія, переходитъ въ глаголъ.

Учитель встрѣтилъ бы большое затрудненіе, если бы вздумалъ, прежде глагола, объяснить дѣтямъ прилагательное, какъ сказуемое: вопервыхъ потому, что дитя почтасъ смѣшаетъ сказуемое съ опредѣленіемъ; вовторыхъ, учитель долженъ или коверкать русскій языкъ, прибавляя — есть: книга есть полезна, — или на первомъ шагу затруднить ученика, расположовывая опущеніе связи; втретьихъ, беретъ сказуемое составное, въ которомъ кромѣ связи долженъ будетъ объяснить согласованіе, слѣд. развлечетъ вниманіе ученика рѣшеніемъ двухъ вопросовъ вмѣсто одного.

Значеніе падежей объяснишь на той же сказкѣ Пушкина. Старикъ ловилъ неводомъ рыбу, отпустилъ онъ рыбу золотую; если я скажу только: старикъ ловилъ.... старикъ отпустилъ.... вы незнаете кого, и тотчасъ спросите: кого, что ловилъ? кого, что отпустилъ? на вопросъ кого, что — говорится — рыб-у, рыбк-у, а на вопросъ кто, что — рыб-а, рыбк-а: какъ взмолится золотая рыбка. Такое измѣненіе въ окончаніи имени или мѣстоименія называется падежемъ: на вопросъ: кто, что — бываетъ падежъ: именительный; на вопросъ кого, что — винительный. Подлежащее бываетъ въ именительномъ падежѣ. Найдите въ этой сказкѣ именительные падежи. Винительный падежъ бываетъ при глаголѣ: старикъ ловилъ неводомъ рыбу, старуха пряла свою пряжу; глаголы, требующіе послѣ себя винительнаго падежа, называются дѣйствительными; слѣд. дѣйствительные глаголы въ этой сказкѣ: ловилъ, пряла, закинулъ и пр. Найди винительные падежи. Виниш. над. при глаголѣ дѣйствительномъ называется *дополненіемъ*. Окончанія на вопросы: кѣмъ, чѣмъ — называются творительнымъ падежемъ: старухой, неводомъ, голосомъ и пр.; кому, чему — дательнымъ: и сказалъ *ей* ласковое слово, т. е. рыбкѣ, твоего *мнѣ* откупа не надо, т. е. старику; воротился старикъ ко старухѣ; кого, чего — родительнымъ: у самаго синяго моря. Падежи дополняются особыми словами, стоящими *передъ* именами и мѣстоименіями, и потому называются они *предлогами*: твор. над.

старухой — стоитъ съ предлогомъ *съ*: съ своею старухой; род. моря — съ предлогомъ *у*; винит. море съ предлогомъ *въ*, и пр. У насъ есть одинъ такой падежъ, который бываетъ только съ предлогомъ, и потому называется предложнымъ: о рыбакѣ и рыбкѣ, въ вешхой землянкѣ. Такъ какъ въ разговорѣ намъ часто случается назвать того, съ кѣмъ говоримъ, то мы употребляемъ особый падежъ для имени того, къ кому обращаемся, или кого *зовемъ*: потому этотъ падежъ называется звательнымъ: отпусти ты, старче, меня въ море. Слово въ этомъ падежѣ не составляетъ части предложенія, потому и ставится въ запятыхъ. Прилагательное согласуется съ существительнымъ не только въ родѣ и числѣ, но и въ падежѣ. Отыскать прилагательныя съ существительными въ род., дат. и др. падежахъ. И для множественнаго числа именъ и мѣстоименій бываютъ тѣже самые падежи и познаются по тѣмъ же вопросамъ: отыскать въ сказкѣ Пушкина.

Измѣненіе словъ по числамъ и падежамъ называется склоненіемъ, а измѣненіе по лицамъ и временамъ — спряженіемъ: имена и мѣстоименія склоняются, глаголы спрягаются.

Такъ какъ прилагательное бываетъ и словомъ опредѣлительнымъ и сказуемымъ, т. е. собственно прилагательнымъ и глаголомъ: потому и надобно отличать прилагательное склоняемое — внимательный ученикъ, отъ спрягаемаго — ученикъ былъ вни-

мателенъ: первое бываетъ словомъ опредѣлительнымъ, второе — сказуемымъ.

Кромѣ прилагательныхъ опредѣлительными бываютъ еще нѣкоторыя слова, напр. въ тойже сказкѣ: жилъ старикъ съ *своею* старухой „у *самаго* синяго моря; надобно ей новое корыто; „*нашего* совсѣмъ раскололось. Слова: мой, твой, свой, нашъ, вашъ — мѣстоименія, потому что мой — что *мнѣ* принадлежитъ, твой — что *тебѣ* принадлежитъ и т. д. Всего лучше можно опредѣлить предметъ „о которомъ хочу говорить, — указавъ на него пальцемъ. Если я скажу — маленькая книжка, вы еще не знаете, которая книжка; но если я укажу пальцемъ, вы тотчасъ видите, о которой книжкѣ сказалъ я вамъ. Именно есть въ языкѣ такія слова, которыя такъ опредѣляютъ то, о чемъ хотимъ сказать, будто бы мы указываемъ пальцемъ: эта книжка, этотъ ученикъ, это перо; та книжка, тотъ ученикъ, то перо; иногда вмѣсто этотъ, эта, это — употребляется сей, сія, сіе. Этого еще мало: къ такому опредѣленію можемъ присовокупить еще другое, отъ чего наше указаніе на предметъ бываетъ еще опредѣленнѣе: этотъ самый ученикъ, эта самая книга. Всѣ эти указывающія и опредѣляющія слова, какъ часть предложенія, называются опредѣлительными и слѣд. согласуются съ своимъ именемъ, а, какъ часть рѣчи, суть мѣстоименія.

Кромѣ подлежащаго, сказуемаго, опредѣленія и дополненія, есть еще одна часть предложенія: по-

знается она по вопросамъ: какъ, гдѣ, куда, ошкуда, когда, какъ долго, сколько, чѣмъ и др.. и называется *обстоятельствами*. Найдемъ ихъ въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ: какъ жилъ старикъ, одинъ или съ кѣмъ нибудь: съ своей старухой — обстоят. Гдѣ онъ жилъ? у самаго синяго моря — обст. Они жили у моря въ чемъ, какъ, гдѣ? въ ветхой землянкѣ — обст. Какъ долго, сколько времени? ровно тридцать лѣтъ и три года — обст. Когда закидывалъ старикъ неводъ, сколько разъ? одинъ разъ, въ другой разъ, въ третій разъ — обст. Куда закидывалъ неводъ? въ море — обст. Ошкуда выходилъ неводъ, и ошкуда притащилъ онъ рыбку? изъ моря — обст. Какъ молила рыбка, какъ она молвила? голосомъ человѣчьимъ — обст. На вопросы гдѣ, куда, ошкуда бываютъ обстоятельства мѣста; на вопросы когда, какъ долго, сколько времени — обстоятельства времени; на вопросы какъ, съ кѣмъ, чѣмъ, какимъ образомъ — обстоятельства образа. Теперь видите, что обстоятельствами мы называемъ время, мѣсто, гдѣ и когда что дѣлается, образъ, т. е. какимъ образомъ что дѣлается. Теперь разберите, какими частями рѣчи выражаются исчисленныя нами въ сказкѣ обстоятельства. Видите, что всѣ они выражены именами существительными, прилагательными, мѣстоименіями, именами числительными. Но есть особенная часть рѣчи, которую мы употребляемъ только для обстоятельствъ: называется нарѣчіемъ. Нарѣчія времени, на вопросы: когда? вчера, нынѣ, сегодня, завтра;

съ котораго времени? смолоду, изстари, испоконъ вѣку; до котораго времени? до нынѣ, досихъ поръ, дозавтра. Нарѣчія мѣста, на вопросы: гдѣ? здѣсь, тамъ; куда? туда, сюда, домой; откуда? оттуда, отсюда. Нарѣчія образа, на вопросы: какъ, какимъ образомъ? учусь хорошо, дурно, прилежно, внимательно, много, мало.

Теперь вы знаете всѣ части предложенія, знаете, что во всякомъ предложеніи долженъ быть глаголъ, т. е. сказуемое; сказуемое съ подлежащимъ суть главныя части предложенія, а опредѣленіе, дополненіе и обстоятельство — второстепенныя. Отдѣлите же въ сказкѣ одно предложеніе отъ другаго:

1) жилъ старикъ съ своею старухой у самаго синяго моря;
2) они жили въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ и три года.
3) старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
4) старуха пряла свою пряжу.
5) разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
6) пришелъ неводъ съ одною тиной;
7) онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
8) пришелъ неводъ съ травой морской;
9) въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
10) пришелъ неводъ съ золотой рыбкою, съ непростой рыбкой, золотою.
11) какъ взмолится золотая рыбка,
12) голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
13) отпусти ты, старче, меня въ море,
14) дорогой за себя дамъ откупъ:
15) откуплюсь, 16) чѣмъ только пожелаешь.

17) удивился старикъ, 18) испугался:
19) онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
20) и не слыхивалъ, 21) чтобъ рыба говорила.
22) отпустилъ онъ рыбку золотую
23) и сказалъ ей ласковое слово:
24) Богъ съ тобою, золотая рыбка!
25) твоего мнѣ откупа не надо;
26) ступай себѣ въ синее море,
27) гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Теперь взгляните на конецъ каждаго предложенія, и увидите, что стоитъ какой нибудь знакъ: или запятая, или точка съ запятой, или двоеточіе, или точка. Стало быть одно предложеніе отдѣляется отъ другаго знакомъ *препинанія*, т. е. остановки, потому что, читая, мы нѣсколько останавливаемъ голосъ при окончаніи предложенія.

Учитель совершитъ уже бо́льшую половину труда, если покамѣстъ выучитъ дѣтей отдѣлять одно предложеніе отъ другаго только запятою. Впослѣдствіи, спустя полгода или и больше, легко можно будетъ расположить и другіе знаки. А главное, только что дѣти начнутъ писать, чтобы тотчасъ отдѣляли предложенія знакомъ: это вѣрное ручательство, что они понимаютъ предложеніе и связь его съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Упражненіе въ знакахъ препинанія должно идти постепенно. Умѣя отдѣлять предложенія запятыми, дѣти учатся отдѣлять запятыми же части предложенія: нѣсколько подлежащихъ, нѣсколько сказуемыхъ, нѣсколько дополненій или одинаковыхъ падежей, нѣсколько о раздѣлительныхъ, или прилага-

шельныхъ, отдѣляются запятыми; напр. въ 9 разсказѣ отдѣляются запятыми подлежащія: алмазы, золото, серебро, коровы, лошади. Впрочемъ, если опредѣленія не равносильны, а одно опредѣляетъ другое, то между ними запятой не ставится, напр. новое деревянное корыто, у самаго синяго моря. Такое соединеніе опредѣленій называется *включеніемъ*. Употребленіе двоеточія передъ вводною рѣчью весьма легко; потому объяснишь его прежде точки съ запятой, напр:

Голосомъ молвишь человѣчьимъ:

Здѣсь двоеточіе потому, что далѣе идутъ собственныя слова рыбки. Дальнѣйшее объясненіе знаковъ идетъ въ связи съ объясненіемъ предложеній сложныхъ.

Какъ знаки препинанія отдѣляютъ слова и предложенія, такъ есть особая часть рѣчи, соединяющая, связывающая слова и предложенія. Въ 1 разсказѣ предложенія: двѣ собаки гнались за зайцемъ, заяцъ обернулся назадъ — связываются словомъ *а*; искусалъ собакъ, прогналъ ихъ — связываются словами *да и*. Слова *а*, *да*, *и* называются *союзами*, потому что связываютъ слова и предложенія. Если *и* соединяетъ одну часть предложенія съ другой, т. е. подлежащее съ подлежащимъ, опредѣленіе съ опредѣленіемъ и пр., то передъ нимъ не ставится запятой; напр. въ 9 разсказѣ: золото, серебро, коровы, лошади *и* овцы. Если же *и* соединяетъ два предложенія, то передъ нимъ ставится запятая

(а иногда и точка съ запятой), напр. въ 7 разсказѣ: барашку очень захотѣлось ѣсть; *и* поэтому онъ убилъ волка.

Въ заключеніи о частяхъ рѣчи объяснить междометіе, въ связи съ знаками препинанія: т. е. они отдѣляются или запятыми или знакомъ восклицанія, и, точно такъ какъ звательный падежъ, не составляютъ части предложенія.

Общее значеніе частей предложенія и рѣчи составляетъ первую ступень грамматической пропедевтики. Теперь наступаетъ время къ объясненію утвердительнаго и отрицательнаго, общаго, частнаго и особеннаго, причины, цѣли, средства и т. п.

Вы уже знаете какія свойства противополагаются вотъ этимъ: новый — большой — высокій — толстый — богатый — холодный и пр. Назовите ихъ. Итакъ большому противоположно маленькій, высокому — низкій, богатому — бѣдный, холодному — жаркій. Но все ли равно что невысокій и низкій, небогатый и бѣдный, нехолодный и жаркій? вѣдь вы чувствуете, что здѣсь нехолодно, однако и не жарко; многіе изъ васъ не богаты, однако и не бѣдны. Стало быть небогатъ, нежарокъ не будутъ противоположны богатому, жаркому: эти слова означаютъ только, что, напр. такого-то человѣка не льзя назвать богатымъ, нынѣшній день не льзя назвать жаркимъ: такія слова называются *отрицательными* 1). Сила отрица-

1) Смотр. во 2-й части стр. 76.

нія находится въ частицѣ *не*, которая называется нарѣчіемъ отрицательнымъ. Если эта частица стоитъ передъ сказуемымъ, то предложеніе называется *отрицательнымъ*, напр. въ сказкѣ Пушкина: и *не* слыхивалъ, чтобы рыба говорила. Сія частица отъ глагола отдѣляется, т. е. пишется не слитно съ нимъ. Это небольшое слово такъ важно, что, прибавивъ или убавивъ его, весьма часто, вмѣсто правды, скажешь ложь. Напр. Богъ всемогущъ—великая правда; а если бы мы сказали Богъ *не* всемогущъ, то это было бы не только ложь, но и великій грѣхъ: видите, что ложь и неправда всегда ведутъ къ грѣху. Говорите же всегда правду. Вы что нибудь сшалили, васъ спрашиваютъ: за чѣмъ ты нашалилъ? Если вы скажете: виноватъ—сдѣлаете доброе дѣло, потому что раскаяшесь въ своемъ проступкѣ; если же скажете: *не* виноватъ,—то къ своей винѣ прибавите еще другую, бо́льшую. Теперь видите, какъ важно въ разговорѣ это отрицательное нарѣчіе *не!*

Припомните, что во 2 разсказѣ говорится только объ *одномъ* ручейкѣ, который текъ вверхъ, въ 3 разсказѣ только объ *одной* курицѣ, которая изъ яйца выводила двѣнадцать цыплятъ. Но вѣдь вы знаете, что *всѣ* ручьи текутъ внизъ; знаете также, что *всякая* курица можетъ вывесть изъ одного яйца только одного цыпленка. Если говорится что нибудь обо всѣхъ или обо всемъ, то предложеніе бываетъ *общимъ*: всѣ птицы летаютъ. Если же только о чемъ нибудь одномъ, то предложеніе

бываетъ *особеннымъ*: городъ Москва стоитъ на Москвѣ рѣкѣ. Если же говорится и не о всѣхъ, и не объ одномъ чемъ либо, а о нѣсколькихъ, о многихъ или немногихъ предметахъ, то предложеніе бываетъ *частнымъ*: напр. нѣкоторыя птицы пріятно поютъ. Но нельзя сказать, что всѣ птицы пріятно поютъ: потому что вороны, воробьи, кричатъ вовсе непріятно. Стало быть одно и тоже предложеніе, будучи общимъ, правильно; а измѣняясь въ частное, становится ложнымъ. И на оборотъ, истинное частное, становясь общимъ, переходитъ въ ложь. Напр. всѣ птицы созданы Богомъ—истина; нѣкоторыя птицы созданы Богомъ—ложь, и думать такъ грѣшно. Нѣкоторые люди воры—истина; всѣ люди воры—гадкая ложь, и думать такъ грѣшно и постыдно, потому что оскорбляешь ближняго. Видите, любезные дѣти, какъ часто сужденія наши бываютъ ложны; а потому, что мы приписываемъ что нибудь всѣмъ, что прилично только одному, или нѣкоторымъ. Особенно дѣти впадаютъ въ погрѣшность ложныхъ сужденій отъ того, что говорятъ много, а мало знаютъ. Итакъ говорите только то, что знаете дѣйствительно, что сами видѣли и слышали, и не говорите о предметѣ вообще прежде, нежели не узнаете всѣхъ частей его. Слова, означающія общее, частное и особенное, т. е. *весь, вся, все, всѣ, всякій, каждый, нѣкоторый, нѣсколько, одинъ*, относятся къ мѣстоименіямъ.

Для чего старикъ закидывалъ неводъ въ море? чтобы наловить рыбы. То, для чего что нибудь

дѣлается, называется цѣлью 1). Для чего заговорила рыбка съ старикомъ? она хотѣла на свободу, это была ея цѣль. Неводъ же есть орудіе, инструментъ, которымъ ловятъ рыбу: орудіе, которымъ что нибудь добывается, называютъ средствомъ. Ружье есть орудіе, инструментъ: изъ него стрѣляютъ въ цѣль, такъ чтобы только до цѣли летѣла пуля и въ ней оставалась. Такъ точно и цѣль всякаго дѣла человѣческаго есть тотъ конецъ, для котораго оно дѣлается. А средство, какъ ружье, есть орудіе, которымъ достигается цѣль. Блаженство на томъ свѣтѣ есть цѣль нашей жизни; а достигается она добрыми дѣлами и молитвою; стало быть добрыя дѣла и молитва — средства, коими пріобрѣтаетъ человѣкъ блаженство. Средства бываютъ и добрыя и злыя для одной и той же цѣли. Напр. одни добываютъ деньги трудомъ, другіе воровствомъ: трудъ доброе средство, воровство — злое. Цѣль выражается въ языкѣ словами *за, для, для того чтобы*, а средство творит. надежемъ.

Почему испугался старикъ, когда заговорила рыбка? Потому что онъ никогда не слыхивалъ, чтобы рыбы говорили. Это была причина его испуга. Какая бываетъ причина наказанію ученика? —

---

1) Примѣняю методу Вильмсена къ чтенію писателя, смотр. Der Deutsche Kinderfreund, ein Lesebuch für Volksschulen.

Безъ причины ничего не дѣлается на свѣтѣ. Она выражается въ языкѣ словами *ибо, потому что.*

Когда мы разговариваемъ, то или спрашиваемъ, или же отвѣчаемъ: такъ въ баснѣ Крылова, Лисица и Сурокъ, сурокъ спрашиваетъ лису: *куда* такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки? а лиса отвѣчаетъ. Когда вы хотите узнать сколько часовъ, спрашиваете: *который* часъ? вы спрашиваете своего товарища: *откуда* идешь? *гдѣ* былъ? *когда* придешь ко мнѣ? *что* дѣлалъ ты дома? *кто* тамъ пришелъ? *какъ* тебя зовутъ? — слова, которыми спрашиваемъ, называются вопросительными: который, кто, что — вопросительныя мѣстоименія; откуда, куда, гдѣ, когда, какъ — вопросительныя нарѣчія. Кромѣ того мы спрашиваемъ еще вотъ какъ: знаешь *ли* ты урокъ? опустилъ *ли* старикъ рыбу? *ли* — союзъ вопросительный. Послѣ вопросительнаго предложенія ставится знакъ вопроса. А передъ вопросительнымъ предложеніемъ, если только не имъ начинается рѣчь, ставится запятая: въ этомъ случаѣ оно часто перестаетъ быть вопросительнымъ, напр. я знаю, куда ты идешь, гдѣ былъ; вижу, кто пришелъ; учитель любитъ ученика, который учится прилежно. Здѣсь слова: *куда, гдѣ, кто, который*—связываютъ два предложенія: и то предложеніе, въ которомъ они находятся, называется *придаточнымъ*; а къ которому прибавляется придаточное, называется *главнымъ*. Когда вопросительныя слова стоятъ въ придаточномъ предложеніи, тогда называются *относитель-*

ными, потому что относятся къ главному предложенію 1).

Вмѣсто — который учится прилежно — можно сказать: *учащійся* прилежно; который учился прилежно — *учившійся* прилежно; учащійся, учившійся — называются причастіями: они происходятъ отъ глагола, замѣняютъ глаголъ съ относительнымъ мѣстоименіемъ, и суть не что иное, какъ прилагательныя отглагольныя; отъ прилагательныхъ простыхъ отличаются тѣмъ, что имѣютъ времена: учащійся — настоящее, потому что вмѣсто: который учится; учившійся — прошедшее, потому что вмѣсто: который учился. Ясно, что предложеніе съ причастіемъ будетъ также придаточнымъ предложеніемъ. Кромѣ прилагательныхъ, отъ глаголовъ происходятъ и нарѣчія: учась, выучившись; отъ посмотрѣть — посмотря, отъ думать — думая. Предложеніе съ дѣепричастіемъ также бываетъ придаточнымъ. Предложеніе придаточное ставится въ запятыхъ.

Теперь разберемъ басню Крылова, Мальчикъ и Змѣя, и разставимъ знаки.

Мальчишка схватилъ змѣю — главное предлож.; думая поймать угря — придаточ. предлож.; главное соединяется съ слѣдующимъ главнымъ союзомъ *и*, стало быть передъ *и* запятая. Далѣе главное: и спалъ блѣденъ; придаточныя: возрившись отъ

1) Смотр. во 2-й части стр. 94.

страха, — какъ его рубаха. Стало быть знаки должны стоять такъ:

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ змѣю, и, возрившись отъ страха,
Спалъ блѣденъ, какъ его рубаха.

Далѣе: змѣя говоритъ — главн. предлож.; на мальчика спокойно посмотря — придаточное. Послушай — одно предложеніе; коль ты умнѣй не будешь — другое предлож.; по дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ — третье. Стало быть знаки:

Змѣя, на мальчика спокойно посмотря,
„Послушай," говоритъ: „коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.

Послѣ *говоритъ* стоитъ двоеточіе, потому что слѣдуютъ слова, которыя говоритъ змѣя. На сей разъ Богъ проститъ — главное предлож.; но берегись впередъ — другое главное предлож.; и знай — третье главное предлож.; съ кѣмъ шутишь — придаточное предлож. Замѣтьте, что передъ союзомъ *но* по большой части ставится точка съ запятой, въ противоположность союзу *а*, передъ коимъ по большой части ставится запятая. И такъ знаки:

На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!

Для яснаго понятія о придаточномъ предложеніи, слѣдуетъ объяснить придаточныя подлежащія, опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя предложенія. Т. е. придаточное предложеніе составляетъ главному: а) или подлежащее:

кто любитъ Бога и ближняго, награждается свыше — любящій Бога и ближняго награждается свыше; б) или опредѣленіе: ученикъ, *который прилежно учится*, достоинъ награды — прилежный ученикъ достоинъ награды; в) или дополненіе: учитель награждаетъ того, *кто прилежно учится* — учитель награждаетъ прилежно учащагося; г) или обстоятельство, и притомъ аа) времени: *когда сотворены были звѣзды*, восхвалили Господа всѣ Ангелы великимъ гласомъ; бб) мѣста: Рай находился тамъ, *гдѣ Тигръ и Ефратъ соединяются при Персидскомъ заливѣ*; вв) образа: на горѣ Ѳаворѣ одежда Спасителя стала бѣла, *какъ снѣгъ*, а ликъ сіялъ, *какъ солнце*; гг) причины: старикъ испугался, *потому что никогда не слыхивалъ говорящихъ рыбъ*; дд) цѣли: старикъ закинулъ въ море неводъ для того, *чтобы наловить рыбы*, и проч. Надобно предупредить, чтобы ученики не впали въ ошибку, опредѣляя придаточныя по внѣшнимъ признакамъ: такъ напр. не всякое предложеніе съ относительными *когда*, *гдѣ*, бываетъ обстоятельственнымъ, напр. никто не знаетъ, *когда придетъ страшный судъ*; человѣкъ не знаетъ, *гдѣ будетъ по смерти*: эти предложенія придаточныя дополнительныя, ибо глаголъ *знать* требуетъ дополненія; и стоятъ они вмѣсто дополненія *того*, т. е. никто не знаетъ *того*. . ., т. е. времени, когда . . . ., мѣста, гдѣ. . . .

Если союзы связываютъ два равныхъ предложенія, т. е. главное съ главнымъ или придаточное съ придаточнымъ, то называются *сочиняющими*;

если же соединяютъ главное съ придаточнымъ, или придаточное съ подчиненнымъ ему придаточнымъ, то называются *подчиняющими*. Въ первомъ случаѣ соединеніе предложеній называется *сочиненіемъ*, во второмъ *подчиненіемъ*. Для объясненія сочиненія и различныхъ степеней подчиненія полезенъ слѣдующаго роду разборъ, напр. басни Крылова, Волкъ и Пастухи:

А. Волкъ самъ молвилъ про себя

Б. 1) близко обходя 2) и видя 3) прочь уходя
пастушій дворъ сквозь заборъ въ досадѣ

В. 1) что спокойно 2) а псы смир-
пастухи барашка нехонько ле-
потрошатъ жатъ

Г. 1) выбравъ луч-
шаго себѣ барана
въ стадѣ.

А. главное предложеніе; при немъ Б. три придаточныхъ; при Б 2-мъ два придаточныхъ В.; при В 1-мъ одно придаточное Г. Б — придаточныя на первомъ планѣ, В — придаточныя на второмъ, Г — придаточное на третьемъ. *И* союзъ сочиняющій, ибо соединяетъ придаточное Б 1-е съ придаточн. Б 2-мъ. *Что* союзъ подчиняющій, ибо соединяетъ придаточное подчиненное В 1-е съ придаточнымъ подчиняющимъ Б 2-мъ. *А* союзъ сочиняющій, ибо

связываетъ два придаточныхъ односпепенныхъ, В 1-е съ В 2-мъ. — Послѣ такого разбора дѣти непремѣнно правильно опредѣлятъ предложенія знаками:

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ,
И видя сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно Пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ, и пр.

Первоначальная Граммашика, кромѣ уразумѣнія прочтеннаго, учитъ и правильному письму. Какъ на чтеніи дитя учится преимущественно синтаксису, такъ на письмѣ — этимологіи. Особенности склоненій, спряженій, образованія словъ объясняются на письмѣ. Такъ, напр. окончанія родит. муж. и сред. ед. прилаг. на — *аго*, — *его*, въ противоположность мѣстоименіямъ: тотъ, этотъ, одинъ, какой, такой, кончащимся на — *ого*. Творит. муж. и средн. ед. прилаг. на — *ымъ*, — *имъ*, въ противоположность предложному на — *омъ*, — *емъ*. Падежи именъ существит. на *ѣ*: здѣсь предупредить ошибку, чтобы не ставить *ѣ* въ винит., а именно отличить, напр.: иду въ поле, и хожу въ полѣ. Указать на творит. ед. мѣстоим. съ *ѣ*: кѣмъ, чѣмъ, всѣмъ, тѣмъ. Во множ. во всѣхъ падежахъ *ѣ* мѣстоим. тѣ, всѣ. Прилагат. множ. имен. муж. на — *е*, женск. и средн. на — *я*. *Ѣ* въ глаголахъ, кончащихся въ прошедшемъ на — *лъ*, въ настоящемъ на — *лю*; въ нарѣчіяхъ: гдѣ, здѣсь, кромѣ и проч., предупредивъ,

что *прежде* кончится на *е*; *ъ* въ сравнительной степени, и т. д. Когда попадется въ диктантѣ глаголъ, учитель объяснитъ, какого онъ спряженія, для того, чтобы правильно написать окончаніе: — *ешь*, или — *ишь*, *утъ*, — *ютъ*, или — *атъ*, — *ятъ*. Когда попадется предлогъ передъ глаголомъ, объяснитъ, почему пишется слитно: отдѣльно же онъ ставится когда управляетъ падежемъ, и т. п. Однимъ словомъ, случаевъ, неизвѣстныхъ дитяти въ отечественномъ правописаніи, весьма немного: надобно только укрѣпиться въ правилахъ на практикѣ; слѣд. никогда не должно заучивать ихъ въ учебникѣ, а постоянно примѣнять къ дѣлу на письмѣ.

Предложенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы видѣть, какъ дитя, хотя безъ *видимой* системы, однако *систематически* и *методически* приготовляется къ изученію Грамматики, какъ науки. Когда, такимъ образомъ въ продолженіи года, или даже и двухъ, ученики узнаютъ языкъ на практикѣ, на чтеніи и письмѣ: тогда, какъ повтореніе, можно предложить имъ систематическій сводъ отрывочнымъ и разрозненнымъ ихъ знаніямъ. Взыскательный учитель да не почтетъ недостаткомъ, что я опустилъ многія весьма важныя грамматическія положенія: моя цѣль показать методу, а не представить *полный* учебникъ; и она будетъ совершенно достигнута, если читатели увидятъ, что я умѣлъ соединить первоначальное грамматическое ученіе съ чтеніемъ и развитіемъ нравственныхъ способностей дѣтей.

2. Чтеніе Карамзина. 1)

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА.

(ТОМЪ I.)

Въ первомъ томѣ своей Исторіи Карамзинъ еще весьма недостаточно пользуется языкомъ лѣтописца. Возьмемъ лучшія мѣста Нестора—похвалу Ольгѣ, крещеніе Руси, и посмотримъ, какъ передалъ ихъ Карамзинъ.

»Наконецъ, сдѣлавшись ревностною христіанкою, Ольга—по выраженію Нестора, *денница и луна спасенія*—служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной Вѣры въ нашемъ отечествѣ.« (томъ 1, глава VII.)

Денницу спасенія еще можно понять, но *луна спасенія*—пустая, непонятная фраза. Въ Несторѣ такъ: »Си бысть предътекущия Крестьяньстѣй земли аки деньница предъ солнцемь и акі зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна въ нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся аки бисеръ в калѣ; кальни бо бѣша, грѣхъ неомовени крещеньемъ свящымъ.« Въ подлинникѣ ясные, полные образы и уподобленія, притомъ съ строгимъ синонимическимъ различіемъ денницы и зари: первая

1) Въ разборахъ цыфры указываютъ на страницы 2-й части О преподаваніи отечественнаго языка, гдѣ находятся объясненія разбираемаго.

предшествуетъ солнцу, вторая спутница всякаго свѣта (оттуда зарево). Ольга у Нестора не луна спасенія, а сіяетъ, какъ луна въ нощи, и соотвѣтствуетъ Владиміру, который называется солнцемъ (припомнишь въ древнихъ поэмахъ: Владиміръ красное солнышко): солнце, 216. Такимъ образомъ разобранное выраженіе Карамзина можетъ служить примѣромъ излишней краткости въ ущербъ ясности, смысла и изящества. Любопытно также замѣтить, что Карамзинъ не обратилъ здѣсь вниманія едвали не на самое лучшее мѣсто во всей Несторовой лѣтописи: »мы же рцѣмъ къ неи (т. е. къ Ольгѣ): радуися, Руское познанье къ Богу; начашокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сію бо хваляпъ Русшие сынове, аки началницю; ибо по смерши моляше Бога за Русь.« 245.

»Тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву:« Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ, дай имъ познать тебя, Бога истиннаго: утверди въ нихъ Вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!“ ... *Въ сей великій день*, говоритъ Лѣтописецъ, *земля и небо ликовали.*« (томъ I, глава IX.)

Подлинникъ: »Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье «го, възрѣвъ на небо, рече (проще, чѣмъ у Карамзина): Боже, створивыи небо и землю! призри (церковная, молитвенная фор-

ма, и сильнѣе и шире выражаетъ мысль, нежели *благослови*) на новыя люди сия (т. е. на людей обновленныхъ, перерожденныхъ, а не на новыхъ дѣтей, какъ у Карамзина), и дажь имъ, Господи, оувѣдѣвши тобе истиньнаго Бога, якоже оувѣдѣша страны Хрестьянскыя; оутверди и вѣру в нихъ праву и несоврашьну (прекрасное слово, къ сожалѣнію, пропущенное у Карамзина), и мнѣ помози (проще и сильнѣй, чѣмъ *будь помощію*), Господи, на супротивнаго врага (и проще, и осязательнѣе, и соотвѣтственнѣе тому вѣку, нежели: *въ искушеніяхъ зла*), да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его.« Что же касается до выраженія: *земля и небо ликовали*, будто бы сказаннаго лѣтописцемъ, то оно у Нестора иначе—и проще, и полнѣе, и понятнѣе: »и бяше си вѣдѣвши радость на небеси и на земли, *толико душь спасаемыхъ*.« Опустивъ сіи послѣднія слова, Карамзинъ лишилъ эту мысль высокаго нравственнаго значенія.

Удачнѣе переложилъ Карамзинъ рѣчь Святослава:

»Бѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но ляжемъ здѣсь костями: мертвымъ не стыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите!«

Сличивъ съ подлинникомъ, увидимъ ясно, какъ Карамзинъ Несторову связанную союзами рѣчь измѣнилъ въ отрывистую. Курсивомъ означены союзы и лишнія выраженія, пропущенныя Карамзинымъ.

»Оуже намъ нѣкамо ся дѣти! волею и неволею спати пропиву; *да* не посрамимъ земль Рускіѣ, но ляжемъ костьми; мертвыи *бо* срама не имамъ, *аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати* (опущено у Карамзина, какъ ослабляющее краткую рѣчь повтореніе и объясненіе): *но* станемъ крѣпко, *азъ же* предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, но промыслите собою.«

Въ подлинникѣ лучше, нежели у Карамзина: некуда дѣться; спать пропиву — неокончательное наклоненіе вмѣсто глагола съ вспомогательнымъ *должны*, 157; земля Руская вм. отечества сообразнѣе съ тѣмъ вѣкомъ. За то у Карамзина сильнѣе: мертвымъ не стыдно вм. срама не имамъ; при глаголѣ *иду* опущено мѣстоименіе 1-го лица. кость 240. честь 248.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

(томъ III, глава VII.)

1 Игорь, князь Сѣверскій, желая воинской сла-
вы, убѣждаетъ дружину ишти на Половцевъ и
2 говоритъ: »хочу преломить копіе свое на ихъ

2. „Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону.“ Копье 238. голова 240. шлемъ 239.

дальнѣйшихъ степяхъ, положить тамъ свою
3 голову или *шеломомъ испить Дону!* Многочислен-
4 ная рать собирается: кони ржутъ за Сулою,
гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ
Новѣгородѣ, знамена развѣваются въ Путивлѣ:
Игорь ждетъ милаго брата, Всеволода.»
5 Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ
6 витязей: »они подъ звукомъ трубъ повиты,
концемъ копья вскормлены; пути имъ свѣдомы,

4. „Комони ржуть за Сулою; звенить (новѣе, и болѣе поэзіи, чѣмъ гремитъ: звонъ славы напоминаетъ звонъ колокольный) слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.“—У Карамзина тотъ же порядокъ и построеніе словъ, что и въ подлинникѣ: доказательство, какъ близокъ къ нашей рѣчи текстъ Слова о П. И. Замѣтимъ мѣрныя дактилическія окончанія предложеній и у Карамзина и въ подлинникѣ: Сулою, Кіевѣ, Новѣгородѣ (Новѣградѣ). Комонь 22. трубы трубятъ 192, 212. милый 214.

6. „Подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, (пропущено у Карамзина это прекрасное выраженіе) конець копія въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени; сами скачуть, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ.“ У Карамзина почти слово въ слово: такъ родственень намъ языкъ Слова о П. И. Тѣже дактилическія окончанія предложеній: повиты, вскормлены, свѣдомы, знаемы, напряжены, отворены, нашчены, сѣрые, самимъ себе. Замѣчательно, что для двухъ послѣднихъ дактилей Карамзинъ намѣренно из-

овраги знаемы; луки у нихъ напянуты, колчаны опворены, сабли напочены; носятся въ полѣ какъ волки сѣрые; ищутъ чести самимъ себѣ, а князю славы. Игорь, *вступивъ въ златое стремя*, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы *клектомъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; пол-

мѣнилъ порядокъ словъ подлинника. Бытъ воинскій 237. яругы 358. сѣрый волкъ 268.

7. „Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше (Карамз. не выразилъ этаго поэтическаго олицетворенія солнца); нощь стонущи ему грозою птичь убуди (и этотъ поэтическій образъ у Кар. сглаженъ); свистъ звѣринъ въ сташби (свистъ звѣря придаетъ болѣе мрачный оттѣнокъ, чѣмъ ревъ)....Уже бо бѣды его (Игоря) пасетъ птиць (понятнѣе и короче: сила мысли зависитъ отъ глагола пасти); подобію влъци грозу въсрожатъ, по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ (картина опредѣленна и ярка; у Кар. вообще сказано: предвѣщаютъ ему гибель), лисицы брешутъ на чръленыя щиты.“ Изъ разбора этого мѣста очевидно выступаетъ поэтическое превосходство подлинника надъ прозаическимъ переложеніемъ Карамзина. Чудесное предзнаменованіе 256. орлы 263, 265. золотой 215. стремень 134.

8. „Съ заранія въ пятокъ потопташа (сильнѣе выражаетъ гибель враговъ, а сломлены—можетъ означать только: сдвинуты съ мѣста) поганыя плъкы Половецкыя, и рассушясь стрѣлами по полю (быстрота дѣй-

ки варваровъ сломлены, ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и шкани въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на боло-
9 тахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ. Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непрія-
10 тельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идутъ съ Юга черныя тучи или новыя полки варва-
11 ровъ: »вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ

ствія, не замѣченная Карамзинымъ), помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злата, и паволоки, и драгыя оксамиты.“ Въ подлинникѣ изображается самое дѣйствіе — помчаша, у Карамзина уже результатъ онаго – взяты въ плѣнъ, и потому не живописно; въ подлинникѣ вмѣстѣ съ дѣвицами влекутся и злато и проч., Карамзинъ быстроту дѣйствія вовсе останавливаетъ, хладнокровно раздѣляя, что было взято въ плѣнъ и что въ добычу.—„Орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорьчьи Половѣцкыми.“ Исчисленіе видовъ (орьтмы, япончицы, кожухи) гораздо картиннѣе общей суммы ихъ или рода (одежды и наряды, какъ у Кар.). Мосты мостятъ — дѣйствіе, теперь совершающееся, живописнѣе результата онаго: лежатъ вмѣсто мостовъ. Красный 214. мосты мостить 192, 212.

9. „Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святьславличю.“ Опущеніе глагола съ дательнымъ падежемъ сильнѣе и быстрѣе выражаетъ дѣйствіе.

10. „Чрьныя тучи съ моря идутъ.“ Объясненіемъ *или* . . . Карамзинъ разрушилъ поэтическій образъ.

11. „Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы.“ Се—для живѣйшаго представленія въ настоящемъ. Съ моря—и шире

12 моря стрѣлами на воиновъ Игоревыхъ.« Всево-
лодъ впереди съ своею дружиною: »сыплетъ
на враговъ стрѣлы, гремятъ о шлемы ихъ ме-
13 чами булатными. Гдѣ сверкнетъ златый ши-
шакъ его, тамъ лежатъ головы Половецкія.«
14 Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная,

и далѣе, и пластичнѣе схватываетъ дѣйствіе, нежели *отъ* моря. Стрибогъ 62. вѣтеръ 119.

12. „Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши (сыплетъ — менѣе силы и быстроты) на вои стрѣлами (твориш. вм. винительнаго: сыпать стрѣлы и сыпать стрѣлами), гремлеши о шеломы мечи харалужными.“ У Карамзина двусмыслiе: о шлемы *ихъ* мечами: къ чему относится *ихъ*, къ шлемы, или мечами? Туръ 216.

13. „Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкая“ Тоже правильное построеніе періода, что и у Карамзина: слѣд. въ древнихъ памятникахъ нашей литературы можно учиться и періоду. „Посвѣчивая“ шишаку приличнѣе, нежели „сверкнетъ:“ и приставка *по* означаетъ уже умѣренное качество: „сверкнетъ“ слишкомъ много. Замѣтимъ, что и 12 и 13 періоды оканчиваются у Кар. и въ подлинникѣ дактилемъ: булáтными (харалýжными), половéцкія. У Кар. разсказъ, въ подлинникѣ же поэтическое обращеніе къ Всеволоду.

14. „Чрна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по Руской земли.“ Изъ близкаго, послѣдовательнаго сравненія съ нивою Кар. сдѣлалъ фразу: ибо „*по*сѣяна“ и „*по*лита,“ употребляющіяся для расширенія, измѣнилъ въ болѣе общія понятія „*у*сѣяна“ и „*о*блита:“ слѣд. замѣтимъ силу предлоговъ. Притомъ, сначала земля вспахана (подъ копытами), потомъ посѣяна, далѣе полита и наконецъ

страшная: »земля облита кровію, усѣяна ко-
15 стями. Въ третій день пали наши знамена:
кроваваго вина не достало; кончили пиръ свой
храбрые Россіяне, напоили гостей и легли за
16 отечество.« Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ: По-
ловцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ,
и дѣвицы ихъ »поютъ веселыя пѣсни на берегу
17 синяго моря, звеня Русскимъ золотомъ.« Сочи-
нитель молитъ всѣхъ Князей соединиться для
наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III:
»ты можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ
18 вычерпать шлемами« — Рюрику и Давиду: »ваши

уже взошла; Кар. обрубилъ начало и конецъ полнаго сравненія и переставилъ порядокъ глаголовъ неестественно. Сравненіе съ пѣснями 210.

15. „Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую.“ — Словами „гостей“ и „отечество“ Кар. подновилъ подлинникъ. Сравненіе съ пѣснями 211. родственное выраженіе 251.

16 „Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускимъ златомъ.“ Строеніе предложеній тоже самое, что и у Кар. Дактилич. окончаніе: зо́лѹтѹмъ. Красный 214.

17. „Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.“ Хотя у Кар. измѣненъ порядокъ словъ, но соотношеніе между словами симметрическое тоже, что и въ Словѣ: у Кар. оба глагола въ срединѣ, въ Словѣ оба на концѣ; и у Кар. и въ Словѣ дактилич. окончаніе: шле́мӑмй, вы́льятй. Шлемъ 239.

18. „Ты, буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злаченыи шеломы по крови плаваша (обагряются—мало)? не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ (опредѣленное дѣй-

шлемы позлащенные издавна обагряются кровію; ваши мужественные витязи ярятся какъ дикіе волы, уязвленные саблями каленными.« — 19 Роману и Мстиславу Волынскимъ: »Литва, Ятвяги и Половцы, бросая на землю свои копья, склоняютъ головы подъ ваши мечи булатные« — 20 Сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: »о вы, славнаго гнѣзда шестокрыльцы; заградите поле врагу

ствіе, ярятся—болѣе общее, слѣд. менѣе изобразительное) акы тури, ранены (у Кар. точнѣе, ранить можно и пулею и камнемъ) саблями каленными, на полѣ незнаемѣ?“ Замѣчательно, что и подлинникъ и переложеніе раздѣляются на двѣ части, оканчивающіяся дактилемъ: плáвашá, не знáемѣ; крóвію, калéными. Такимъ образомъ самые памятники литературы нашей частію воспитали въ Карамзинѣ мѣрную прозу. Въ послѣдствіи Карамзинъ исправился отъ недостатковъ ея. тури 216. дружина рыкаютъ 143. каленый 215.

19. „Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.“ Дактилическое окончаніе и въ подлинникѣ и переложеніи.

20. „Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, нехуда гнѣзда шестокрилци!....Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!“ На концѣ Кар. измѣнилъ порядокъ словъ, поставивъ прилагательное на конецъ, для того, чтобы придать дактилическое окончаніе предложенію: острыми. Въ подлинникѣ дактилемъ оканчиваются далѣе два слѣдующія выраженія: рýсскýю. и — Святъслáвличá.

21 стрѣлами острыми.« Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *осмомысломъ*, прибавляя: »сидя высоко на престолѣ злашкованномъ, шы *подпираешь* горы Карпатскія *желѣзными* своими полками, заштворяешь врата Дуная, отверзаешь путь къ Кіеву, пускаешь стрѣлы въ земли отдаленныя.«
22 Въ тожь время сочинитель оплакиваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: »дружину твою, Князь, птицы хищныя пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея полизали.
23 Ты самъ выронилъ *жемчужную* душу свою изъ
24 мощнаго тѣла чрезъ златое ожерелье.« Въ опи-

21. „Галичкы Осмомыслѣ Ярославе, высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, заворивъ Дунаю ворота, меча беремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями.« Въ первомъ предложеніи Кар. поставилъ на концѣ „златокóванномъ“ для дакшиля. Въ подлинникѣ „своими желѣзными“ у Кар. „желѣзными своими“ мѣстоименіе послѣ прилагательнаго, слѣд. и тотъ и другой порядокъ словъ равно употребительны; окончаніе періода: отдалéнныя—дакшиль. Золотой 215. суды рядя 192, 212.

22. „Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша.«

23. „Единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе.« Въ 22 и 33 періодахъ близость переложенія къ подлиннику. Душа 119, 181.

24. „На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ живота кладутъ

саніи несчастнаго междоусобія Владѣтелей Россійскихъ и битвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: »на берегахъ Нѣмана спѣлошъ они снопы головами, молотяшъ цѣпами булатными, вѣютъ душу отъ тѣла... .. О времена бѣдственныя! Для чего не льзя было *пригвоздить* стараго Владиміра къ горамъ Кіевскимъ« (или сдѣлать безсмертнымъ!)... Между тѣмъ супруга плѣненнаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ городской стѣны смотря на чистое поле: »Для чего, о вѣтеръ сильный! легкими крылами своими навѣялъ ты стрѣлы Ханскія на воиновъ моего друга? Развѣ мало тебѣ волноватъ синее море *и лелѣять* корабли на зы-

(выпустивъ это, Кар. испортилъ подробное, обстоятельное сравненіе), вѣютъ душу отъ тѣла.« Видя такую близость подлинника къ языку Карамзина, ученики заохотятся читать древніе памятники.

25. „Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ.“

26. Пѣсня Ярославны въ подлинникѣ начинается игривою прелюдіею: „полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.“ Далѣе вся пѣсня дѣлится на три куплета, изъ коихъ передъ каждымъ повторяется: „Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи.“ А у Карамзина эти слова являются не поэтическимъ раздѣленіемъ куплетовъ, а разсказомъ историческимъ, и потому стоятъ только въ началѣ пѣсни. Зегзица 110. Дунай 117, 276. пѣсни 258, 259.

27. „О вѣтрѣ! вѣтрило! чему, Господине, насильно вѣеши? Чему мычеши (сильнѣе, нежели навѣялъ) Хиновь-

28 бяхъ его?... О Днѣпръ славный! ты пробилъ
горы каменныя, спремяся въ землю Половецкую;
ты несъ на себѣ ладіи Святославовы до стана
Кобякова: принеси же и ко мнѣ друга милаго,
да не шлю къ нему упреннихъ слезъ моихъ въ
29 синее море!... О солнце свѣтлое! ты для всѣхъ
тепло и красно: почто же знойными лучами сво-
ими изнурило ты воиновъ моего друга въ пу-

скыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бѣшенъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?« Напрасно не оставилъ Кар. дѣепричастія „лелѣючи,« а измѣнилъ придаточное предложеніе въ главное. Въ Словѣ о П. И., точно такъ, какъ въ народной нашей поэзіи, обыкновенно заключается періодъ придаточными предложеніями съ дѣепричастіями на *-ши*.—Жаль, что Кар. не удержалъ слѣдующихъ за тѣмъ прекрасныхъ словъ: „чему, Господине, мое веселіе по ковылію развѣя?«—Зыбя́хъ его: дакшилическое окончаніе. Олицетвореніе вѣтра 119.

28. „Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи:« о Днепре словушицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ (для чего „спремяся« у Карамзина?) землю Половецкую (тотъ же порядокъ словъ и дакшилич. окончаніе, какъ и у Кар.), ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова (одинаковое дакшилич. окончаніе и въ подлинникѣ и у Кар.): възлелѣй (Кар. ослабилъ и лишилъ поэзіи, измѣнивъ въ „принеси“), господине, мою ладу ко мнѣ, а бихъ не слала къ нему слезъ на море рано.« Забрало 130. насадъ 127. Лада 275.

29. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:« свѣтлое и пресвѣтлое слънце! всѣмъ (для

30 спынѣ безводной? . . .« Но Игорь уже свободенъ:
обманувъ стражу, онъ летитъ на борзомъ конѣ
къ предѣламъ отечества, стрѣляя гусей и ле-
31 бедей для своей пищи. Упомивъ коня, садится
32 на ладію и плыветъ Донцемъ въ Россію. Сочи-
нитель, мысленно одушевляя сію рѣку, застав-
33 ляетъ оную привѣтствовать Князя: »Не мало
тебѣ, Игорь, величія, Хану Кончаку досады,
а Русской землѣ веселія.« Князь отвѣтствуетъ:
34 »Не мало тебѣ, Донецъ, величія, когда ты ле-
лѣешь Игоря на волнахъ своихъ, стелешь мнѣ
траву мягкую на берегалъ *сребряныхъ*, одѣва-
ешь меня теплыми мглами подъ сѣнію древа
зеленаго, охраняешь гоголями на водѣ, чайками

чего Кар. измѣнилъ въ »для всѣхъ?) тепло и красно
еси: чему, Господине, простре горячюю свою лучю на
ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже,
тугою имъ тули затче.« Олицетвореніе солнца 106.

30. »(Князь Игорь) връжеся на бръзъ комонь, и
скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебе-
ди, завтроку и обѣду и ужинѣ.« Эти сверхъестественные подвиги, разсказанные въ поэтическихъ образахъ, Кар. передаетъ съ положительностію и хладнокровіемъ историка. Волкъ 268, 269. соколъ 110. сравненіе съ пѣснями 212.

33. »Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа.« За исключеніемъ слова »нелюбіе,« все остальное у Кар. слово въ слово. Дакшилич. окончаніе. Олицетвореніе и разговоръ 218, 219.

34. »О Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влънахъ, (у Кар. волна́хъ свои́хъ—для дакшиля)

35 на струяхъ, черпещьми на вѣтрахъ.« Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго во храмъ Пирогощей Богоматери, и сочинитель, повторивъ слова Бояновы: »худо головѣ безъ плечъ, худо плечамъ безъ головы,« восклицаетъ: »счастлива земля и веселъ народъ, шор-
36 жествуя спасеніе Игорево. Слава Князьямъ и дружинѣ.

сплавшу ему зелѣну траву (Кар. поставилъ прилагательное позади существительнаго) на своихъ сребреныхъ брезѣхъ (у Кар. опять прилагательное позади: въ подлинникѣ проще, менѣе вычурной переставновки), одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу (у Кар. дактиль и опять прилагат. позади); стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ!« Сличивъ этотъ періодъ съ переложеніемъ, ученикъ удивится близости языка Слова о П. И. къ слогу Карамзина, и съ убѣжденіемъ примется изучать старинные памятники нашей словесности, какъ матеріалъ вѣчно неизмѣнный для языка и слога рускаго. Серебряный 215.

35 и 36. „Тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря.« Жаль, что Кар. опустилъ послѣднее предложеніе, ибо стройность и красота этого періода состоитъ въ томъ, что къ пословицѣ, какъ къ главной мысли, прилагается частный случай, какъ меньшая посылка умозаключенія.— „Страны ради, гради весели.« „Князем слава, и дружинѣ.« Пословица 293. о шеченіи орашорской рѣчи въ Сл. о П. И. 299. о примѣтахъ 261 — 264.

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

(томъ v, глава iv).

1 Князь Владиміръ такъ говоритъ Димитрію: Воеводы наши крѣпки, вишязи Русскіе славны, кони ихъ борзы, доспѣхи шверды, щиты червленые, копья злаченыя, сабли булатныя, *курды* Ляцкія, колчаны Фряжскіе, сулицы Нѣмецкія; всѣ пути знакомы имъ, берега Оки свѣдомы.
2 Хотятъ вишязи положить свои головы за Вѣру Христіанскую и за обиду Великаго Князя Ди-

1. и 2. „И говоритъ Князь Владимеръ Анъдрѣевичь: Господие Князь Димитреі Ивановичь, воеводы оу насъ велми крѣпцы, а Рускіе оудалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ (повтореніе одного и того же неудачнаго глагола портитъ рѣчь) велми шверды, злаченные коланшыри и булатныя байданы, и колчары Фряйския, корды Ляцкіе, сулицы Немецкіе, щиты червеныя, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, берези имъ по Оцѣ изгоповлены, хотятъ головы своя сложити (живописнѣе, нежели у Кар. „положитъ“) за вѣру Христіянскую и за швою обиду Государя Великаго Князя.“ Сочинитель Побоища подражалъ Слову о П. И. смотр. періодъ 6-й. Въ Словѣ о П. И. болѣе сжатости, силы и упругости, въ Побоищѣ — растянуто. Карамзинъ все это мѣсто передалъ столь искуственной мѣрной прозою, что его переложеніе можно прочесть слѣдующими стихами. Сначала идутъ хореическія окончанія, потомъ дактилическія:

Воеводы наши крѣ́пкй,
вишязи Русскіе сла́вны̆,

3 митрія... Великая Княгиня Евдокія съ женами Воеводскими сидитъ печально въ злаповерхомъ теремѣ, подъ окнами южными, смотритъ въ слѣдъ супругу милому, льетъ слезы ручьями, и при-
4 ложивъ руки къ персямъ, такъ вѣщаетъ: Бо-

Кони ихъ бо́рзы,
доспѣхи пве́рды,
щиты черлёные,
копья злаче́ныя,
сабли була́шныя,
курды Ля́цкія,
колчаны Фря́жскіе,
сулицы Нѣме́цкія;
всѣ пути знако́мы имъ,
берега Оки свѣ́домы.
хотятъ ви́тязи,
положитъ свой го́ловы
за Вѣру Христіа́нскую
и за обиду Вели́каго
Князя Дими́трія.

3. „Княгини же Великая Евдокѣя съ своею снохою (снохи тогда у ней еще не было, потому опущено у Кар.) и иными княгинями и с воевотскими женами възыде на златоверхіи свой теремъ в набережный и сядѣ подъ южными окны ... А въ слезахъ не можетъ словеси рещи; слезы бо от очію льются аки рѣчныя быстрины. Воздохнувъ печално и шибъ руцѣ свои к персемъ, и рече:« Подлинникъ предложилъ Карамзину не слишкомъ связный матеріалъ, изъ коего онъ искусно округлилъ періодъ.

4. Плачь Евдокіи есть подражаніе пѣснѣ Ярославниной въ Словѣ о П. И. смотр. отъ 26 до 29 періо-

же великій! умоляю Тебя смиренно. сподоби
меня еще видѣть моего друга, славнаго между
людьми, Князя Димитрія! Помоги ему на вра-
говъ рукою крѣпкою! Да не падутъ Христіане
отъ Мамая невѣрнаго, какъ пали нѣкогда отъ
злаго Батыя! Да спасется остатокъ ихъ и да
5 славитъ имя Твое Святое! Уныла земля Рус-
ская: только на Тебя уповаемъ, Око Всевидя-
6 щее! Имѣю двухъ младенцевъ беззащитныхъ:
кому закрыть ихъ отъ вѣтра бурнаго, отъ

да. Въ Словѣ поэтическій романсъ въ трехъ куплетахъ съ прелюдіями, въ Побоищѣ — ораторская рѣчь; въ пѣснѣ Ярославны — нѣжное чувство жены, въ плачѣ Евдокіи — реторика самого сочинителя; въ первой съ поэзіею перепутаны остатки язычества въ обращеніи къ вѣтру и солнцу; во второмъ съ реторическими прикрасами историческіе факты и чувство христіанское. — „Господи Боже великіи, призри на мя смиренную, сподоби мя еще Государя своего (моего друга — какъ у Кар. приличнѣе женѣ) видѣти славнаго во человѣцѣхъ Великаго Князя Димитрея Ивановича. Дай же, Господи, ему помощь отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ противныя своя! (у Кар. все это выражено вдвое короче) не сотвори, Господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рецѣ на Калкѣ Христіяномъ съ Татары отъ злаго Батыя (историч. ошибка). Отъ таковыя же беды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погибнути оставшему христіянству.“ Растянуто.

5. „Отъ тое бо рати Руская земля оуныла. (Кар. измѣнилъ порядокъ словъ для дактиля) Ни на кого же бо надежи не имамъ, токмо на тебя всевидящаго Бога.“

6. „Азъ же оунылая имѣю двѣ отрасли, Князя Василія, да Юрія, но еще и тѣ мали сутъ. Егда похи-

зноя палящаго? Возвраши имъ отца, да царствуетъ во вѣки!...

7 Славный Волынецъ, мужъ исполненный ратной мудрости, на канунѣ битвы, въ глубокую ночь, зоветъ Великаго Князя въ чистое поле,
8 да узнаетъ шамъ судьбу отечества. Впереди
9 станъ Мамаевъ: за ними Россійскій. *Внимай!* сказалъ Волынецъ.... и Димитрій, обратяся къ Мамаеву стану, слышитъ стукъ и кличъ, подобный шуму многолюднаго торжища, или созидаемаго града, или звуку трубъ безчисленныхъ.

зитъ ихъ вѣтръ с оуга или з запада (не разумѣются ли здѣсь Ташары и Литовцы?): то не могу терпѣти, ни на что же опираяся; ихъ или зной поразитъ, шако же имъ погибнути (Карамзинъ сжалъ въ одно предложеніе съ двумя дакшилями, для того и прилагат. послѣ существительныхъ); а противу сему что сотворятъ? Возвраши имъ, Господи, отца ихъ по здорову (народное руское выраженіе): то и земля ихъ по здорову будетъ, и онѣ во вѣки царствуютъ.«

7. и 8. „И бысть же теплота и тихость в нощи той и мрацы ронися (въ другихъ спискахъ: росніи, розни) являшеся. По истинѣ бо рече: нощь не свѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе. Рече же Димитрей Волынецъ Великому Князю примѣту: Войску оуже бо вечерняя заря потухла. Димитрей же сядѣ на конь свой, поимъ съ собою Великаго Князя, выехавъ на поле Куликово и ставъ посреде обоихъ полковъ..." У Карамзина сжатая передѣлка.

9. „Обратився на полки Ташарскіе, слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки шорзи снимаются, аки городы ставятъ, аки трубы гласяще.« Въ подлинникѣ сравненіе

10 Далѣе грозно воютъ звѣри и кричатъ вороны; гуси и лебеди плещутъ крылами по рѣкѣ Непрядвѣ и предвѣщаютъ грозу необычайную.
11 *Обратися къ стану Русскому!* говоритъ Волынецъ — *что слышишь?... Все тихо*, отвѣтствуетъ Димитрій: *вижу только сліяніе огней*

живописнѣе, ибо глаголы (снимаются, ставятъ, гласяще) выражаютъ совершающееся дѣйствіе, а прилагательныя (многолюднаго, созидаемаго, безчисленныхъ) — свойство предмета, слѣд. болѣе дѣйствуютъ на судительную силу, чѣмъ на воображеніе.

10. „И бысть же назади Татарскихъ полковъ (у Кар.« далѣе „неопредѣленно) волцы воютъ вельми грозно, по правой же странѣ ихъ вороны и галицы безпрестанно кричаше«—въ подлинникѣ очевиднѣе изображена мѣстность, слѣд. живѣе описаніе: „прошиву же имъ на рецѣ на Непрядве гуси и лебеди и оушяпа крилами плещутъ необычно и велику грозу подаютъ.« Кар. не выразилъ мысли: въ подлинникѣ ясно, что птицы подаютъ грозу тѣмъ, что крыльями плещутъ *необычайно*; а Кар. прибавилъ это послѣднее слово къ *грозѣ*. Гаданіе по птицамъ 260.

11. „И рече Волынецъ: обратижеся, Князь же, на полки Рускія! *і* якоже обратишася и бысть тихость велика. Волынецъ же рече Великому Князю: что еси, Господине, слышалъ? Онъ же рече: ничто же, браше, слышахъ, но токмо видѣхомъ, отъ множества огней зари имашася.« Мысль понятна и изящна: такъ много разложено огней, что отъ нихъ занимается заря: у Карамзина непонятная фраза, ибо *сліяніе огней небесныхъ съ блестящими зарями* ничего не значитъ.

12 *небесныхъ съ блестящими зарями*... Волынецъ сходитъ съ коня; ухомъ приникаетъ къ землѣ; слушаетъ долго; вспаетъ и безмолвствуетъ.
13 и 14 Великій Князь требуетъ отповѣди. *Добро и зло ожидаетъ насъ*, говоритъ ему сей мудрый вищязь: *плачутъ обѣ страны, единая какъ вдовица, другая какъ дѣва жалобнымъ гласомъ свирѣли. Ты побѣдишь, Димитрій; но много, много падетъ нашихъ!* Димитрій пролилъ слезы ...
17 и 18 Сходятся рати подъ густою мглою. Знамена Христіанскія воспрянули: кони подъ всадниками присмирѣли; звучатъ трубы наши гром-

12. „Сшедъ съ коня, и паде на землю на правое оухо, предлежа на долгъ часъ и сшавъ, абие пониче.“ Языческая примѣта—слушать землю.

13. „И рече ему Князь Великій: что есть, браше, примѣта?“ О примѣтахъ 260.

14. „Една ти есть на ползу, а другая скорбная: слышахъ землю плачущуся на двое (прекрасное выраженіе; Кар. не ясно представилъ гаданія землею), една страна, аки нѣкая жена плачющеся чадъ своихъ Еллинскимъ языкомъ (слѣд. примѣта дурная, языческая, елленская: у Кар.“ вдовица „ничего не значитъ), другая же страна, аки нѣкая дѣвица, просопѣ аки въ свирѣль, една плачевнымъ гласомъ.“

15 „Азъ чаю побѣды на поганыхъ, а крестіянъ множество падетъ.“ Повтореніе „много, много“ подновляетъ слогъ.

16. „Слышав же то Князь Великіи, прослѣзився“...

17. 18. „Бывъше же оутра того мгла: начаша гласы трубныя отъ обоихъ странъ снимашися. Ташарьскія же трубы аки онемѣша, Рускія же паче оутвердишася.“

19 ко, Тапарскія глухо. Стонетъ земля на Во-
20 стокъ до моря, на Западъ до рѣки Дуная. Поле
отъ тягости перегибается; воды изъ береговъ
21 и 22 выступаютъ.... Часъ настalъ. Каждый
воинъ, ударивъ по коню, воскликнулъ: *Господи!*
помози Христіанамъ! и быстро впередъ устре-
23 мился... Сразились, не только оружіемъ, но и
сами о себя избивая другъ друга; умирали подъ
ногами конскими; задыхались отъ тѣсноты на
24 полѣ Куликовѣ. Зари кровавыя блистаютъ отъ
сіянія мечей: лѣсъ копій трещитъ и ломается.

19. „Велми земля стонетъ, а ту грозу подаетъ (прекрасное выраженіе, пропущенное у Кар.) на востокъ до моря, на западъ же до Дуная.“

20. „Поле же Куликово прегибающеся,“ Кар. прибавилъ „отъ тягости,“ для ясности—„вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера (опредѣленнѣе и изобразительнѣе, чѣмъ воды) изъ мѣстъ своихъ выступиша.“

21. „Наставшу же второму часу дни“...

22. Оударища кождо по коню своему и крикнуша вси единогласно: Боже Крестьянскіи, помози намъ! Тапарове же скликнуша своими языки, и крѣпко ступишася.“

23. „Не токмо оружіемъ біющеся, но и сами о себя избивахуся и под конскими ногами оумираху, от великія тѣсноты задыхахуся, яко не мощно бѣ вмѣститися имъ.“ Послѣднее предложеніе, какъ лишнее, Кар. опустилъ.

24. „Трепетали силніи молніе от облистанія мечнаго и от саблей булатныхъ, и бысть яко громъ от копейнаго сломленія. „За молніею слѣдуетъ громъ: *молніи* отъ облистанія мечей, *громъ* отъ ломки копій—слѣд. сравненіе выдержано прекрасно. У Карамзина же сравне-

25 Удалые вишязи наши какъ величественная ду-
26 брова склонялись на землю. О чудо! разверзлось
небо надъ полками Димитрія; видимъ свѣтлое
облако, исполненное рукъ человѣческихъ, кото-
рыя держатъ лучезарные вѣнцы для побѣди-
27 телей.... И се воины Князя Владиміра рвутся
изъ засады на Мамая, какъ соколы на стадо гу-
синое, какъ гости на пиръ брачный; ударили, и
врагъ бѣжитъ, восклицая: *увы тебѣ, Мамай!*
вознесся до небесъ, и въ адъ нисходишь!

ніе случайное, фраза: ибо какимъ образомъ заря кровавая бываетъ отъ сіянія мечей? О копьяхъ и у Кар. хорошо: но не вяжется съ предыдущимъ, тогда какъ въ подлинникѣ обѣ части сравненія выражаютъ двѣ половины одного и того же дѣйствія — грозы.

25. „Руские оудалцы побіени сушь, аки сильніи древа сломишася.“ Сравненіе вѣрно, ибо сильный ломается, а не склоняется, какъ у Карамзина, который совершенно испортилъ мысль подлинника: притомъ не ясно, что значитъ“ величественная доброва склонялась? гнулась отъ вѣтра, или падала?

26. „Во шестую годину сего дни, видѣвъ надъ ними небо отверсто, изъ него же изыде облакъ, яко ранняя зоря, и надъ ними низко держащися и той же облакъ исполненъ рукъ человѣческихъ: каяждо рука держащи оружіе и отпустишася отъ облака того на главы христіански.“

27. „И выедоша из дубравы единомысленныя други, аки соколы испущени, и оударишася на стада жаравлина.“—„непрестанно порывающеся, аки званныи на бракъ сладкаго вина пити.“ „Бѣжаша же Татарове, глаголюще своими языки: Оувы и шебѣ, честный Царю Мамаю!

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ДИМИТРІЮ.

(томъ v, глава iv.)

1 Нѣкоторые люди заслуживаютъ похвалу въ юношествѣ, другіе въ лѣта среднія, или въ старости: Димитрій всю жизнь совершилъ во
2 благѣ. Принявъ власть отъ Бога, онъ съ Богомъ возвеличилъ землю Русскую, которая во дни его Княженія *воскипѣла* славою; былъ для отечества стѣною и швердію, а для враговъ огнемъ и мечемъ; кротко повелительнъ съ Князьями, тихъ, *увѣтливъ* съ Боярами; имѣлъ

высоко вознеслъся еси, и до ада зъшелъ еси!« У Кар. подновлено выраженіемъ »до небесъ.« Соколъ 110, 216.

1. »Инѣмъ бо человѣкомъ въ начадцѣхъ похваленіе бываетъ, инѣмъ бо въ средовѣчіе, другимъ же въ старость: сій же убо всь съ похвалою добродѣтели вся лѣта живота своего свръши.«

2. »Богомъ дарованную пріимъ власть, и съ Богомъ веліе царство съшвори« Кар. далъ искусную форму этимъ словамъ, намѣренно поставивъ ближе два раза »Богъ,« и соединивъ это предложеніе съ другимъ, не связывающимся съ предыдущимъ въ подлинникѣ: »и вскипѣ земля Русская въ дне княженіа его.« »Бываетъ же другомъ стѣна и *тверди* (Кар. этому слову въ такомъ значеніи далъ право гражданства и въ нашемъ языкѣ), прошивнымъ же мечь и огнь — Князи Рускыя въ области своей крѣпляще, но тихъ въ нарядѣ и Вельможамъ увѣтливъ бываше«—слѣд. увѣтливъ можно употреблять и съ дательн. падежемъ—»высокій умъ, смиренный смыслъ — красенъ бѣ взоромъ и чистъ душею« прилагат. съ

умъ высокій, сердце смиренное; взоръ красный, душу чистую; мало говорилъ, разумѣлъ много; когда же говорилъ, тогда Философамъ заграждалъ уста; благотворя всѣмъ, могъ назваться *окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, трубою спя-*
3 *щихъ въ опасности....* Когда же Великій *Царь* земли Русскія, Димитрій, заснулъ сномъ вѣчнымъ: тогда *аэръ* возмутился, *люди* ужасну-
4 лись. О день скорби и *туги*, день мрака и бѣдствія, вопля и захлипанія! Народъ вѣщалъ,
5 »*О горе намъ, братіе! Князь Князей преставился; звѣзда, сіяющая міру, склонилась къ Западу!*«

творительнымъ народнѣе, нежели у Кар. съ глаголомъ „имѣлъ.“ „Вмалѣ (не що, что мало) глаголаше, а много разумѣваше; предсѣданіемъ словесъ учитель препираше, и Философъ уста смотрѣніемъ заграждаше.... яко отецъ міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, труба спящимъ.“ Въ послѣднихъ выраженіяхъ дат. пад. лучше родительнаго. Кар. смягчилъ эту фигурную рѣчь, прибавивъ: „могъ назваться.“

3. „Егда же успе вѣчнымъ сномъ великій Царь Димитрій Рускыя земли, аэръ възмутишся, земля трясашеся и человѣци смятошася.“

4. „День той день скорби и туги, день тмы и мрака, день захлипанія и кричанія.“ Кар. внесъ въ Рускій языкъ слова *туга* и *захлипаніе*.

5. „Но токмо слышахъ народъ глаголющь: о горе намъ, брашье! Князь Княземъ (лучше и древнѣе, чѣмъ Князей) успе; звѣзда сіяющая всему міру къ западу грядешь!“

6 О супружеской взаимной любви Димитрія и
7 Великой Княгини Евдокіи сказано шакъ: »Оба жили единою душею въ двухъ шѣлахъ; оба жили единою добродѣпелію, какъ *златоперсистый* голубь и *сладкоглаголивая* ласшовица, съ умиленіемъ смошрясь въ чисшое зерцало совѣсши.....«

3. Чтеніе древняго памятника (*).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СКАЗАНІЯ О ВЗЯТІИ ПСКОВА. (ПСКОВСК. ЛѢТОП. СТР. 176 — 178. СЛИЧ. КАРАМЗИНА ИСТ. ГОС. РОС., ТОМЪ VII, ГЛАВА I.)

1 И Князь же Великой велѣлъ своимъ Бояромъ по своей думѣ шворишн, какъ себѣ здумали; и Бояромъ Псковскимъ и Посадникомъ и всякимъ жалобнымъ людѣмъ учали говорипш: Государь приказалъ вамъ всѣмъ копишися въ Царской дворъ свой исполна; а кой не будешъ, ино бо-

7. »Обѣма едина душа бѣ, двѣ шѣлѣ носяще, и единое обѣма добродѣшельное жишье, яко злашопрьсистый голубь и сладкоглаголивая ласшовица съ умиленіемъ смошряху своего спасенія въ чисшѣй совѣсши.« Смошрѣшь спасенія, находишь спасенія въ чисшѣй совѣсши—мысль просша и ясна: у Кар. же довольно наивная, вычурная каршина. Голубь и ласшовица 111. сладкоглаголивая 266.

1. Себѣ 101. жалобные люди, ш. е. пришедшіе съ жалобою 146. ино 163, 164. бы 164. *Государевы* прилаг. крашкое, склоняющееся какъ существишельныя.

(*) Цыфры въ объясненіяхъ указываюшъ на спраницы 2-й часши О преподаваніи опечественнаго языка.

лся бы Государевы казни; а Государь хочетъ
2 всѣмъ управу дати. И Посадники пошли на
3 Владычень дворъ съ воды. И Бояре спраши-
4 вали: ужели всѣ скопилися? Они же рекоша:
5 вси. И Посадниковъ и Бояръ и купцовъ ввели
въ полашу, а молодшія люди на дворѣ осталися.
6 И внидоша Великаго Князя Бояре, рекоша Пско-
вичамъ: поиманы есте Богомъ и Государемъ и
Великимъ Княземъ Васильемъ Иановичемъ всеа
7 Русіи. И ту посадиша Посадниковъ, а молодыхъ
людей переписавъ, подаваша Новгородцомъ по
улицамъ поити и кормити и беречи до управы.
8 И переняша Псковичи полоняную свою вѣсть
и горе отъ Филипа поповича, отъ купчины,
9 отъ Псковитина. А онъ ѣхалъ къ Новугороду и
спалъ у Веряжи, и услышавъ тую злую вѣсть,

2. *Съ воды*, потому что были на водокрещеніи.

3. *Спрашивали*—руская форма, образовавшаяся еллипсомъ изъ прошедшей описательной 153. *скопилися*, idem; зн. просто собрались; а существ. *скопъ* зн. заговоръ, собраніе заговорщиковъ, напр. Древн. Рос. Вивліоѳ. VIII, 62: также мнѣ самовольствомъ, скопомъ, заговоромъ ни на ково не приходити.

4. *рекоша*: окончаніе *-ша* 90. *вси*, отъ коего *всѣ* 89.

5. Полата 129. *молодшій* руская полногласная форма 22, нынѣшняя же *младшій* — церковнославянская.

6. У Карамз. „вы *поиманы* Богомъ и Государемъ Василіемъ Іоанновичемъ.“

8. Полоняная вѣсть 146. *отъ*, повтореніе предлоговъ 159.

9. *И*, повтореніе союзовъ 162.

и оставя товаръ и погонилъ къ Пскову, и сказалъ Псковичамъ, что Князь Великій челобит-
10 щиковъ Псковскихъ всѣхъ переималъ. И нападе нь (*на*) Псковичь страхъ и трепетъ, и пресхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли, якоже многажды приходиша Нѣмцы на нихъ и таковы имъ скорби и печали
11 не бывало тогда, яко же нынѣ. И собрашася на Вѣчи, начаша думати: ставити ли щитъ
12 противъ Царя и запиратися ли во градѣ? И воспомянувше крестное цѣлованіе, что не мощно на Государя руки подняти, ни воздвигнути
13 противъ Великого Князя. А Посадники и Бояре
14 и вси люди лучшіе у него. И послаша гонца Еѵстафія Сотцкаго бити челомъ со слезами отъ мала и до велика, чтобъ ты Государь нашъ Великій Князь Василей Ивановичь жаловалъ свою отчину старинную; а мы сироты твои преже

10. У Карамз. „отъ трепета и печали (говоритъ Лѣтописецъ) засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бѣдствія, язву и Нѣмцевъ передъ своими стѣнами; но никогда не бывали въ такомъ отчаяніи.“ *Таковы* родит. жен. ед. отъ краткой формы.

11. Щитъ 238. у Кар. „ставить ли щитъ противъ Государя? затвориться ли въ городѣ?“

12. Рука 240. на Государя руки подняти — ни воздвигнути противъ Великого Князя: синонимическій параллелизмъ 204.

14. бити челомъ 166. отъ мала и до велика 308. отчина 250. *преже* руская форма, церковнослав. *прежде* 45. людишки 252. у Кар. „бьемъ тебѣ челомъ

сего и нынѣ не отступны были отъ тебя Государя и не противны были тебѣ Государю; Богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами людишками своими. И прислалъ Князь Великій Діяка Третьяка Далматова съ жаловальнымъ сольстивымъ словомъ, и Псковичи обрадовались отъ Государя жалованья и старины, еже Третьякъ имъ на Вѣчи сказалъ первую и новую пошлину, поклонъ отъ Великаго Князя, что де и отчина моя, Псковичи, польке (sic) хотите въ старинѣ прожити, и выбъ есте двѣ воли мои изволили, чтобъ у васъ Вѣча не было, да и колоколъ бы Вѣчной сняли, а здѣсь быти двѣмъ Намѣстникомъ, а по пригородомъ по Намѣстнику же быти; и вы еще въ старинѣ про-

отъ мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и нынѣ были отъ тебя, Государя, *неотступны* и ни въ чемъ не противились. Богъ и ты воленъ въ своей отчинѣ.« Замѣтишь, что въ подлинникѣ болѣе рускаго складу, нежели у Карамзина; напр. для чего церковнославянская здѣсь форма: *да жалуешь*? Псковичи говорили, *чтобъ ты жаловалъ*.

15. *Третьякъ* языческое имя 64. старина 243. *есте изволили* церковнославянск. форма: вспомог. глаголъ не выпустился, вѣроятно, потому, что во 2-мъ, а не въ 3-мъ лицѣ 153. Вообще замѣтишь, какъ мѣшаются формы церковныя съ рускими. У Карамз. „чтобы они, если хотятъ жить *по старинѣ*, исполнили *двѣ воли* Государевы.« Въ подлинникѣ тавтологія въ звукахъ: изволили двѣ воли 193, 212. *быти* — неокончат. наклоненіе вм. изъявит. 157, 158. пригороды меньшіе города при главномъ.

16 живеше. А только тѣхъ двухъ воль не сотворише Государю и не изволише, ино какъ Богъ
по сердцу положитъ, ино у него много силы
готовой; и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ,
17 кто Государевы воли не сотворитъ. Да Государь нашъ хочетъ побывать на поклонъ къ
18 Троицы во Псковъ. Да отговоривъ то, да сѣлъ
19 на степени. И Псковичи ударили челомъ въ землю, и не могли пролитъ его отвѣта даши отъ
слезъ и туги сердечныя; и никого же несть, иже
бы тогда не плакалъ; токмо тые не испустили слезъ, иже младенцы ссущіи (сосущіе) мле-

16. Богъ по сердцу положитъ 247.

17. Троица вм. Пскова 246.

18. *да*, плеоназмъ въ союзѣ: такъ какъ *да* (соединит.) союзъ сочиняющій, слѣд. не можетъ связывать предложенія придаточнаго съ главнымъ, то второе *да* слѣдуетъ почесть не болѣе, какъ вставкою для благозвучія. Изъ этого мѣста видно, что вѣче было съ ступенями, кои назывались степенями; у Кар. также: сѣлъ на степени Вѣча.

19. *И*: обратитъ вниманіе, что старинные періоды обыкновенно начинались этимъ союзомъ, слич. періоды 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 19, 20, 21, 28, 29, 31, 32, 33. Изъ новыхъ писателей Жуковскій любитъ также начинать періоды; напр. въ Описаніи Мадонны: и такова сила той души.... и въ самомъ дѣлѣ, это не картина... и точно приходитъ на мысль... и Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя... и какъ мало средствъ... и Онъ, какъ царь земли и неба... и въ этомъ нахожу я главную красоту... *никого же нѣсть*— усиленное отрицаніе 77, 315. У Кар. „одни грудные

20 ко. И шокмо ему ошвѣщали: посолъ Государевъ, дастъ Богъ заупра и мы себѣ подумаемъ,
21 да шебѣ о всемъ скажемъ. И бѣ шогда во Псковѣ плачь и рыданіе и спонаніе во всѣхъ домѣхъ,
22 другъ друга обнимающе. Наутріяжъ освшающу дни недѣльному позвониша на Вѣче, и собрашася Посадники и всѣ Псковичи, и пріѣхъ Дьякъ Государевъ, и начаша ему шако говорити: шако у насъ написано въ лѣшописцехъ — съ прадѣды и дѣды и со ошцемъ его Государемъ крестное цѣлованіе съ Великими Князьями положено, что намъ Псковичамъ ошъ Государя своего и Великого Князя, кой ш будешъ на Московскомъ Государствѣ, а намъ ошъ него не ошъѣщи ни въ Липву ни въ Нѣмцы, а намъ

младенцы, по словамъ лѣшописи, не плакали шогда ошъ горести.“

21. У Кар. „на улицахъ, въ домахъ раздавалось спенаніе: всѣ обнимали другъ друга какъ въ послѣдній часъ жизни.“ *Обнимающе* дѣеприч. насш. множ. числа.

22. *Освитающу дни недѣльному* — дашельн. самосшояш.; у новыхъ писашелей 306. день недѣльный — воскресенье; въ Малороссіи, какъ въ сшарину, недѣля — воскресенье: ошсюда понедѣльникъ, ш. е. день послѣ недѣли. Лѣшописецъ 242. Вошъ какъ Кар. переложилъ эшошъ и слѣдующій періодъ: „на разсвѣшѣ ударили въ Вѣчевый колоколъ; сей звукъ предсшавилъ гражданамъ мысль о погребеніи. Они собрались. Ждали Дьяка Московскаго. Долмашовъ пріѣхалъ. Ему сказали: Господинъ Посолъ! Лѣшописцы наши свидѣшельсшвуюшъ, что *добровольные* Псковишяне всегда присягали Великимъ Князьямъ въ вѣрносши: клялися непреложно имѣшь ихъ сво-

23 жити по старинѣ въ добровольи. А мы Псковичи отъидемъ отъ Великаго Князя въ Литву или въ Нѣмцы, или о себѣ станемъ жити, безъ Государя, ино на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и
24 огонь и потопъ и нашествіе поганыхъ. А Государь нашъ не учнетъ тое крестное цѣлованіе на себѣ держати, ино на него тотъ же обѣтъ,
25 коли насъ не учнетъ въ старинѣ держати. А нынѣ Богъ воленъ да Государь въ своей отчинѣ и дѣдинѣ во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ ко-
26 локолѣ нашемъ. А мы прежняго своего цѣлованія не хотимъ измѣнити, и мы на Государя своего руки подняти, и въ городѣ заперетися не

ими Государями, не соединяться съ Литвою и съ Нѣмцами; а въ случаѣ измѣны подвергали себя гнѣву Божію, гладу, огню, потопу и нашествію иноплеменниковъ.«

23. Въ первой части этого періода подразумѣвается условный союзъ *если*, коему соотвѣтствуетъ во второй *ино*. о себѣ 101.

24. Опять подразумѣвается союзъ *если*. Кромѣ *и* древніе періоды любили начинаться союзомъ *а*: слич періоды 9, 13, 16, 23, 24, 25, 26, 27; или союзомъ *да*, періоды 17, 18. У Кар. »но сей крестный обѣтъ былъ взаимнымъ: Великіе князья присягали не лишать насъ древней свободы; кляшва шаже, шаже и казнь преступнику.«

25. У Кар. »Нынѣ воленъ Богъ и Государь въ своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, въ насъ и въ нашемъ колоколѣ!«

26 У Кар. »По крайней мѣрѣ мы не хотимъ измѣнить крестному цѣлованію, не хотимъ поднять руки на Великаго Князя.«

27 хошимъ. А Государь нашъ хочетъ Живоначальныя Троицы помолишися, а въ своей отчинѣ побываши во Псковѣ, и мы его Государя своего ради всѣмъ сердцемъ, что насъ не погубилъ до
28 конца. И Генваря въ 13 день спустиша колоколъ Вѣчной у Святыя Троица, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли, и повезоша его на Снятогорской дворъ ко Іоанну Богослову.... (стр. 179)
29 И кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ?
30 О славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ,

27. Часши условнаго союза, вмѣсто союзовъ *если—то*, начинаются *а — и*. У Кар. „если угодно ему помолишься Живоначальной Троицѣ и видѣть свою отчину, да ѣдетъ во Псковъ: мы будемъ ему рады, благодаря его, что онъ не погубилъ насъ до конца!“

28. Колоколъ 246. У Кар. „Генваря 13 граждане сняли Вѣчевый колоколъ у Святой Троицы, и смотря на него, долго плакали о своей *старинѣ и волѣ*.“ Этимъ надстрочнымъ сличеніемъ съ Исторіею Гос. Рос. ученики въ конецъ убѣдятся въ необходимости изученія древнихъ памятниковъ, для того, чтобы самостоятельно усвоить себѣ слогъ Карамзина.

29. Замѣтишь древнее управленіе глагола *восплакать и возрыдать*.

30—31. Таже самая фигура олицетворенія и разговора попадается въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскихъ племенъ и въ нашей народной поэзіи 219; особенно обратишь вниманіе въ отвѣтѣ на частицу *како*, точно также употребляющуюся въ Судѣ Любуши и въ народныхъ пѣсняхъ. Замѣтишь управленіе глаголомъ *скорбѣти*.

31 почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего
32 опустѣнія! И прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крылъ львовыхъ ногтей, и взялъ отъ меня три кедра ливанова, и красоту мою и богатество и чада мои восхити, Богу попустившу за грѣхи наши, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя роскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ замешаша; и отецъ и брашію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо отцы и брашію нашу и други наша заведоша, и матери и сестры наша въ поруганіе даша.

32. *Исполнь*—прилагательное несклоняемое, относится къ *крылъ*: т. е. два крыла исполнены львовыхъ ногтей. Или же можно отнесть *исполнь* къ орлу, а *крылъ* виниц. греческій 316, 317. *взятъ* вм. *взя* прош. вр. Полногласная форма *богатество* вм. *богатство* попадается и въ народныхъ пѣсняхъ. *Богу попустившу* дат. самостоят. грѣхъ 172, 188. *люди* вм. *людей* церковнославян. виниц. множ.; точно также и *отцы* вм. *отцевъ заведоша*; а *отецъ разведоша* уже по новому т. е. родит. вм. винительнаго, хотя и въ древней формѣ, т. е. *отецъ* вм. *отцевъ*. Такъ постоянно смѣшиваются въ нашихъ лѣтописяхъ и грамотахъ формы церковныя съ рускими. *Торжище* слич. съ *торгъ* и *торжество*. Жаль, что Кар. уничтожилъ разговорную фигуру этого мѣста: „О градъ, нѣкогда великій! ты сѣтуешь въ опустѣніи. Прилетѣлъ на тебя орелъ многокрыльный съ когтями львиными, вырвалъ изъ нѣдръ твоихъ три кедра Ливанскіе: похи-

33 И мнози погда мужи и жены поспригошася во иноческій образъ, не хотяще ишти въ плѣнъ отъ своего града.

4. Чтеніе одъ Ломоносова.

Желая дать схоластической Реторикѣ историческій характеръ и педагогическую цѣнность, я примѣняю ее къ чтенію Ломоносова. Онъ написалъ лучшую у насъ Реторику, по которой, болѣе или менѣе, писаны всѣ прочія, и по преимуществу Кошанскаго, введенная въ нашихъ Гимназіяхъ. По своей Реторикѣ Ломоносовъ объяснялъ свои оды, приводя ихъ въ примѣръ правиламъ: слѣд. историческая и субъективная критика требуетъ объяснять стихотворенія Ломоносова схоластическою Реторикою. Разбросанные по его учебнику отрывки собираю въ одно, къ какой одъ какой отрывокъ принадлежитъ. Для большаго удобства нумерую порядокъ строфъ. Такъ какъ о многихъ строфахъ Ломоносовъ не говоритъ ничего въ Реторикѣ, то ихъ пропускаю: цыфра указываетъ, сколько ихъ опущено. Учитель въ классѣ будетъ читать, разу-

шилъ красоту, богатство и гражданъ; раскопалъ торжища, или замѣшалъ дрязгомъ; увлекъ нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, гдѣ небывали ни отцы ихъ, ни дѣды ни прадѣды.« Манерность карамзинскаго переложенія оказывается въ дакт. окончаніяхъ: опустѣвши — львиными — ливанскіе — дальнія — прадѣды

33. *Хотяще* дѣеприч. множ. — *итти* новая форма, вм. древней *ити*.

мѣется, всю оду сполна, и, кромѣ извлеченныхъ мною изъ Реторики, предложишъ и другія замѣчанія. Для переложеній изъ Псалмовъ прилагаю подлинникъ. Такъ какъ переложеніе изъ Іова Ломоносовъ не объясняетъ въ Реторикѣ, потому, къ сожалѣнію, не предлагаю здѣсь этого превосходнаго произведенія. Подъ каждой строфой выписываю варіанты изъ текста, помѣщеннаго въ Реторикѣ: они подаютъ весьма полезныя соображенія для Спилиспики, и, вѣроятно, современемъ внесутся въ изданія одъ Ломоносова. Въ объясненіяхъ означаются параграфы Реторики.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА. 14

1. Господи, кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?

=

2. Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно,
Какъ языкомъ говоритъ.

=

3. Кто устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

=

4. Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ Нимъ душею правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

=

5. Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ,
Кто такъ жить на свѣтѣ тщится,
Тотъ во вѣки не падетъ.

Строф. 1. стих. 4. Верьхъ священныхъ горнихъ мѣстъ.
2. 4. Какъ устами говоритъ.
3. 1. Кто языкомъ льстить не знаетъ.

Это преложеніе Ломоносовъ приводитъ въ примѣръ къ правилу о жизненныхъ свойствахъ: »къ одному животному приписаны быть могутъ многія жизненныя свойства.« § 59.

Въ выпискѣ славянскаго текста курсивомъ означаются мѣста, близкія къ переложенію. — *Господи, кто обитаетъ* въ жилищи твоемъ? или кто вселится во святую гору твою? *Ходяй непорочень*, и дѣлаяй правду, глаголяй истину въ сердцѣ своемъ: *Иже не ульсти языкомъ* своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріятъ на ближнія своя: Уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй, боящыяжеся Господа славитъ: кленыйся искреннему своему, и не отмѣнаяся: Сребра своего не даде в лихву, и мзды на неповинныхъ не пріятъ: творяй сія не подвижится во вѣкъ.

По славянскому тексту »Иже не ульсти языкомъ« слѣдуетъ удержать варіянтъ: »Кто языкомъ

льстишь не знаешь,« и слѣдовательно въ предыдущемъ стихѣ тоже возстановитъ текстъ по варіянту: »устами говоришь« вм. »языкомъ говоришь.« Замѣч. сильное переложеніе: Правду завсегда хранишь — Держится присяжныхъ словъ: въ этихъ стихахъ рускимъ складомъ Ломоносовъ рѣзко отдѣлился отъ подлинника. Буквальное сходство перваго стиха съ началомъ псалма указываетъ ясно, что размѣръ переложенія зависѣлъ отъ впечатлѣнія, произведеннаго началомъ псалма на Ломоносова.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 145.

1. Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дыхать.

=

2. Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть Князей земныхъ:
Ихъ тѣжъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

=

3. Когда съ душею разлучатся,
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ:
Высоки мысли разрушатся,
И гордость ихъ и власть минетъ.

=

4. Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ; —

=

5. Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту,
И непостижными дѣлами
Земли и моря широту; —

=

6. Творящаго на сильныхъ нищу
Поистинѣ въ обидахъ судъ;
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопіютъ.

=

7. Господь оковы разрѣшаетъ,
И умудряетъ онъ слѣпцовъ;
Господь упадшихъ возвышаетъ
И любитъ праведныхъ рабовъ.

=

8. Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ пріемлетъ и сиротъ.
Онъ дерзкій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сіонѣ будетъ въ родъ и родъ.

4, 2. Всесильному во всѣхъ дѣлахъ.

8. 3. Онъ грѣшныхъ дерзкій путь скончаетъ. Слѣдуетъ возстановить этотъ варіантъ въ текстѣ оды, ибо порядокъ словъ въ немъ лучше.

§ 272. Въ раздѣлительныхъ Силлогизмахъ равнымъ образомъ полагается какъ и въ другихъ, прежде всего первая посылка, и къ ней присовокупляется парафрастическое исполкованіе, либо доказательство или распространеніе изъ мѣстъ риторическихъ обѣихъ частей оныя посылки; потомъ

слѣдуетъ другая посылка съ риторическими изъясненіями, украшеніями или доказательствами; наконецъ заключеніемъ оканчивается соединеннымъ съ движеніемъ или уполеніемъ страсти къ матеріи приличной.

§ 273. Первая посылка раздѣлительнаго Силлогизма можетъ быть опущена, и вмѣсто оной положенъ быть краткій приступъ, какъ то видно въ Псалмѣ 145-мъ, который основанъ на слѣдующемъ раздѣлительномъ Силлогизмѣ: *Или уповать на Бога, или на Князей сыновъ человѣческихъ; но уповать на нихъ не надежно; слѣдовательно лучше уповать на Бога.*

Хвали душе моя Господа: Восхвалю Господа в животѣ моемъ, пою Богу моему дондеже есмь. Не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческія, в нихже нѣсть спасенія: Изыдетъ духъ его, и возвратится в землю свою: в той день погибнутъ вся помышленія его. Блаженъ, емуже Богъ Іаковль помощникъ его, упованіе его на Господа Бога своего, Сотворшаго небо и землю, море, и вся, яже в нихъ: хранящаго истину в вѣкъ, Творящаго судъ обидимымъ, дающаго пищу алчущымъ. Господь *рѣшитъ* окованныя: Господь *умудряетъ слѣпцы*: Господь возводитъ низверженныя: Господь любитъ праведники: *Господь хранитъ пришелцы, сира и вдову пріиметъ*: и путь грѣшныхъ погубитъ. Воцарится Господь во вѣкъ, Богъ твой Сіоне *в родъ и родъ.*

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ.

1. Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

1. 2. Поля покрыла *влажна* ночь.
1. 3. Взошла на горы чорна тѣнь.
1. 4. Лучи отъ насъ *проспала* прочь.

=

2. Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!

2. 5 и 6. Какъ перстъ между высокихъ горъ,
Такъ гибнетъ въ ней мой умъ и взоръ.

=

3. Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.

3. 3. Солнцы.
3. 6. Тамъ *таже* сила естества.

=

4. Но гдѣжъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ спранъ встаетъ заря!
Не солнцель ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдистыль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!

4. 6. Ночь.

=

5. О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятетъ?

5. 5 и 6. Вы знаете пути планетъ,
Скажите, что нашъ умъ мятетъ?

=

6. Что зыблетъ ясный нощью лучь?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучь
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

6. 1. Ночью.

—

7. Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,
Иль въ морѣ дутъ престалъ зефиръ
И гладки волны бьютъ въ эеиръ.

=

8. Сомнѣній полонъ вашъ ошвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ шварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

8. Кто жъ знаетъ, коль великъ Творецъ?

§ 268. Въ неполномъ Силлогизмѣ или Энтимемѣ полагается одна посылка, потомъ присовокупляется причина, что все заключается слѣдствіемъ. Такимъ образомъ расположена у Горація Ода 30 книги третьей, которая состоитъ въ слѣдующей Энтимемѣ: *я поставилъ знакъ безсмертной своей славы: за тѣмъ что первый сочинялъ въ Италіи Оды, какія писалъ Алцей, Эольскій стихотворецъ: того ради должна моя муза себя лавровымъ вѣнкомъ увѣнчать.* (§ 270.) Вмѣсто причины можно положить распространеніе какой нибудь идеи, которая имѣетъ принадлежность къ терминамъ, составляющимъ посылку, какъ въ сей Энтимемѣ: *Тварей изслѣдовать не можемъ, слѣдовательно и Творецъ есть непостижимъ*, распространить можно идеи о ночи, о мірѣ и о сѣверномъ сіяніи.

оды похвальныя.

ОДА 1.

На взятіе Хотина, 1739.

1. Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,

Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключь молчитъ,
Который завсегда журчитъ,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются шамъ вѣнцы,
И слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

1. 6 и 7. Что межъ травой въ лугу журчитъ
И внизъ съ холмовъ шумя стремится. — Лучше текста.

=

2. Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку;
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику,
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь шруды;
Умой росой Каспальской очи,
Чрезъ степь и го́ры взоръ простри,
И духъ свой къ шѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по шемной ночи.

=

10. Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ спѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ шакъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Гошескимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрый конь Его скакалъ,
Когда Онъ шѣ поля шоптпалъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

10. 3 — 7. Въ Иранскихъ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли Персы низложенны?
Онъ шакъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Онъ шакъ бросалъ за Белтъ свой громъ,
Онъ сильну шакъ взносилъ десницу.

1. 2. Въ разсужденіи реченій должно остерегаться, чтобы реченій не перемѣшать ненатуральнымъ порядкомъ, и тѣмъ не отнять ясность слова, напримѣръ: *горы ведетъ на верхъ высокой:* ибо лучше сказать: *ведетъ на верхъ горы высокой* (§ 175).

1. Вымыслъ, умягченный фигурою—мечтаніемъ. Умягчаются же вымыслы и въ косвенные обращаются тремя способами, *условіемъ, сомнѣніе значащими словами и фигурами* (§ 163).

2. Вымыслъ, умягченный фигурою— вопрошеніемъ (§ 163).

10. Отъ признаковъ можно распространить слова, ежели они будутъ состоять во многихъ дѣйствіяхъ, или имѣть будутъ разныя части, свойства или обстоятельства. Иногда самыя свойства и дѣйствія, какъ признаки предлагаются, будучи совокуплены съ нѣкоторымъ усумнѣніемъ (§ 68).

10. 5 — 7. Повтореніе есть многократное положеніе реченія въ предложеніяхъ. Иногда и два и больше реченій въ началѣ повторяютъ. (§ 203). Для этого правила слѣдуетъ въ текстѣ возстановить варіантъ.

ОДА 2.

НА ПРИБЫТІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1742.

1. Какой пріятный зе́фиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?

Мы славу Дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе ша сіяешъ къ намъ,
Мрачнѣе нощь грозишъ врагамъ.
Брега Невы руками плещутъ,
Брега Ботнійскихъ водъ трепещутъ.

1. 8. Ночь.

1. 10. Брега Балтійскихъ водъ трепещутъ.

=

5. Священный ужасъ мысль объемлетъ;
Отверзъ Олимпъ всесильный дверь,
Вся шварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Великихъ зря Монарховъ Дщерь,
Отъ вѣрныхъ всѣхъ сердецъ избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Стоящу предъ Его лицемъ,
Котору въ Свѣтѣ Онъ Своемъ
Прославивъ, щедро къ ней взираетъ,
Завѣтъ крѣпитъ и утѣшаетъ.

=

8. Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы,
И отъ меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчится роды
Добротъ твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить;
Господствуй утвержденна Мною,
Я буду завсегда съ тобою.

=

23. Такъ флотъ Россійскій въ Понтъ дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;
Надменна бездна уступаетъ,
Стена отъ тягости судовъ.

Во слѣдъ за скорыми кормами
Спѣшитъ сѣдая пѣна рвами.
Веселый шумъ, гребущихъ крикъ
Наносятъ Готѳамъ страхъ великъ;
Ужѐ надежду отвергаютъ,
И въ мглѣ свой флотъ и стыдъ скрываютъ.

23. 6. Бѣжитъ кипяща пѣна рвами. Въ текстѣ *сѣдая* живописнѣе.

=

32. Какъ люты мразъ она прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ;
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля́ цвѣтами кра́ситъ вновь!
Такъ нынѣ милость и любовь,
И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляетъ новой.

32. 1. Какъ люты мразъ *весна* прогнавши. — *Весна*—неслѣдуетъ считать варіантомъ, ибо стоитъ въ отрывочномъ примѣрѣ для ясности.

=

33. Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горитъ во мнѣ охота
Торжественный возвысить тонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И купно ясный день сіяетъ!
То сердце сильна власть страшитъ,
То кротость оное живитъ;
То бодрость страхъ, то страхъ ту клонитъ,
Пропивна страсть пропивну гонитъ!

33. 8. То кротость разумъ мой живитъ!

33. 10. Противна мысль противну гонитъ. — Здѣсь можно показать ученикамъ отличіе *мысли* отъ *страсти*, и тѣмъ опредѣлить, какое чтеніе вѣрнѣе.

=

36. Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
Война при Шведскихъ берегахъ
Съ ужаснымъ стономъ возрыдаетъ,
Въ угрюмыхъ кроется лѣсахъ.
Союзъ приходитъ вожделенный,
И гласъ возноситъ къ ней смиренный:
Престань прекрасный вѣкъ мрачить,
И Фински го́ры кровави́ть:
Се царствуетъ Елисавета,
Да миръ подастъ предѣламъ свѣта.

36. 1 — 6. Но рѣчь ихъ шумный гласъ скрываетъ:
Война при Готскихъ берегахъ
Съ угрюмымъ стономъ возрыдаетъ
И въ дикихъ кроется горахъ:
Союзъ возлюбленный приходитъ
И съ кротостью свой гласъ возводитъ.
Вариантъ чрезвычайно любопытный! онъ можетъ подать поводъ къ разсужденію, весьма полезному для учениковъ.

=

42. Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой;
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный въ храмѣ образъ Твой.
Чтожъ будущіе скажутъ роды?
Покрыты кораблями во́ды,
И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
Возвысятъ гласъ свой до небесъ:

Великій Петръ намъ далъ блаженство,
Елисавета — совершенство.

42. 1 — 4. Когда бы древни лѣта знали
Толику бодрость съ красотой,
То бъ храмы въ честь твою создали,
И жертвой чтили бъ образъ твой.
— Показать ученикамъ, почему связь текста правильнѣе этого варіанта.

=

43. Цѣлуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желалъ:
Ты паки зришь Императрицу,
Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
Не такъ поля росы желаютъ,
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ;
Не такъ способныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихій портъ плыветъ:
Какъ сердце наше къ ней пылало,
Чтобъ къ намъ лице Ея сіяло.

43. 7. Не такъ пособныхъ вѣтровъ ждетъ.
43. 9 и 10. Какъ сердце наше ожидало,
Чтобъ къ намъ лицо твое сіяло.
— Въ этомъ варіантѣ болѣе связи, чѣмъ въ текстѣ: *Ея* слѣдуетъ удержать.

=

1. 9 и 10. Дѣйствіе и страданіе випіеватыя рѣчи раждаютъ, 1) когда отъ чего производится противное дѣйствіе въ той же вещи, или въ двухъ подобныхъ (§ 136).

1. 9 и 10. Повтореніе есть многократное положеніе реченія въ предложеніяхъ, что бываетъ, 1) когда въ началѣ каждой части періода или въ

началѣ многихъ коротшихъ періодовъ одно слово повторяется. (§ 203.)

5. Восхищеніе есть, когда сочинитель представляетъ себя какъ изумленна въ мечтаніи, происходящемъ отъ весьма великаго, нечаяннаго или страннаго и чрезъестественнаго дѣла. Сія фигура совокупляется почти всегда съ вымысломъ, и больше употребительна у стихотворцевъ. (§ 239.)

8. 5 — 8. Сила въ украшеніи Риторическомъ есть такова, каковы суть пристойныя движенія, взгляды и рѣчи прекрасной особы, дорогимъ платьемъ и иными уборами украшенной. Ибо хотя она пригожествомъ и нарядами взоръ человѣческій къ себѣ привлекаетъ; однако безъ пристойныхъ движеній, взглядовъ и рѣчей вся красота и великолѣпіе какъ бездушны. Равнымъ образомъ слово Риторическое хотя будетъ чисто составлено, приличнымъ теченіемъ установлено, и украшено великолѣпно; но безъ пристойнаго движенія реченій и предложеній, живости въ немъ ни какой не будетъ. (§ 168). Сіе движеніе состоитъ въ обращеніи реченій или предложеній, которымъ слово отъ простаго отмѣняется. Таковыя движенія называются фигурами *рѣченій*. (§ 169.)

23. Изображеніе есть явственное и живое представленіе дѣйствія съ обстоятельствами, которыми оное въ умѣ, какъ самое дѣйствіе, воображается. (§ 236.)

32. Эту строфу Ломоносовъ относитъ къ періодамъ *зыблющимся*, т. е. къ такимъ, которыхъ

частіи и члены неравны, — въ противоположность періодамъ *круглымъ* или *умѣреннымъ*, члены и частіи коихъ мало разнятся величиною. Въ этой строфѣ двучленный періодъ съ первымъ членомъ много больше втораго. (§ 43.)

33. Восхищеніе. (§ 239.)

36. Заимословіе бываетъ, когда то, что самому автору или представляемому отъ него лицу говорить должно, отдается другому лицу живому, либо мертвому или и бездушной вещи. Почему сія фигура не мало надлежитъ до вымысловъ. (§ 219.)

42. Косвенные вымыслы имѣютъ въ себѣ оговорку, или какое нибудь умягченіе, чѣмъ они съ правдою сопрягаются, и къ ней ближе подходятъ. (§ 153.) Въ этой строфѣ по Ломоносову вымыселъ смягчается условіемъ.

43. 5 — 10. Великую силу, важность и пространство слову придаетъ уравненіе, когда уравняемая вещь, и то, съ чѣмъ она уравняется, или которое нибудь изъ нихъ обстоятельно предлагается. (§ 71.) Въ этой строфѣ, по Ломоносову, уравняемое больше, нежели то, съ чѣмъ оно уравняется.

ОДА 3.

НА ПРИБЫТІЕ ИЗЪ ГОЛСТИНІИ И НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА, 1742 ГОДА, ФЕВРАЛЯ 10.

5. О коль велика добродѣтель
Въ Петровыхъ дняхъ..... цвѣтетъ!
Коль славенъ сѣвера владѣтель
Въ Тебѣ, Россія, возрастетъ!

Онъ ради твоего блаженства
Даровъ достигнетъ совершенства,
И счастье бѣгъ остановитъ,
Любовью оныхъ восхищенно,
Союзъ съ тобою утвердитъ,
И вѣчно будетъ непремѣнно.

5. 2. Въ Петровыхъ нѣжныхъ дняхъ цвѣтетъ!
— Этотъ варіантъ непремѣнно долженъ быть возстановленъ въ испорченномъ текстѣ: удивительно, какъ до сихъ поръ никто не позаботился объ этомъ стихѣ.

5. 5 и 6. Уже для твоего блаженства
Добротъ въ немъ спѣютъ совершенства.

=

6. О плодъ отъ корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
Къ тебѣ горитъ ужѐ издáвна
Россіянъ искренняя любовь!
Петрополь по Тебѣ терзался,
Когда съ Тобою разлучался
Еще въ зачатіи Твоемъ.
Сердца желаньемъ закипѣли,
Когда подъ дерзкимъ кораблемъ
Балтійски волны побѣлѣли.

=

9. Коликой славой днесь блистаетъ
Сей градъ въ прибытіи Твоемъ!
Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданіи своемъ;
Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ, еслибъ нынѣ Россовъ всѣхъ

Къ тебѣ горяща мысль открылась;
Тобъ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
На вѣчный день перемѣнилась!

9. 3. Онъ всей отрады не вмѣщаетъ.

=

11. Но спѣшно толь куда восходитъ
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Видѣніе мой духъ возводитъ
Превыше Ѳессалійскихъ горъ!
Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
Рукою отрока держащу
И всѣ страны полночны съ нимъ.
Украшенна кругомъ звѣздами
Разитъ перуномъ внизъ своимъ,
Гоня противности съ бѣдами.

11. 3. Видѣніе мой умъ возводитъ.

—

5. Обращеніе съ удивленіемъ (§ 217).

6. 8 — 10. Емфазисъ есть, когда дѣйствіе или состояніе вещи не прямо изображается, но разумѣется изъ другаго, и чрезъ то великолѣпно возвышается. Побѣлѣніе волнъ есть обстоятельство бѣгущаго по морю корабля, чрезъ которое здѣсь скорое онаго теченіе разумѣется (§ 195).

9. Ипербола есть повышеніе или пониженіе слова невѣроятное (§ 196). Въ этой строфѣ она употреблена, по Ломоносову, для напряженія (въ противоположность послабленію).

11. Седьмой способъ къ составленію вымысловъ есть преложеніе съ мѣста на мѣсто, или

изъ одного времени въ другое (§ 161). Здѣсь съ мѣста на мѣсто.

ОДА 4.

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА, 1745.

1. Ужѐ врата отверзло лѣто.
Натура ставитъ общій пиръ.
Земля и сердце въ насъ нагрѣто.
Колеблетъ вѣтви тихъ зефиръ,
Объемлетъ мягкій лугъ крылами.
Крушится чистый токъ полями.
Брега́ питаетъ тучный илъ.
Древа и цвѣтъ покрылись мёдомъ.
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно ясный вождь свѣтилъ.

1. 8. *Листы* и цвѣтъ покрылись медомъ.
— Лучше текста.
1. 10. Поспѣшно *красный* вождь свѣтилъ.
— И это предпочитаю тексту.

=

5. Тебѣ Россія вся открыла,
Клянущись Вышняго рукой:
Я въ сердцѣ много лѣтъ таила,
Что мнѣ достóитъ жить Тобой;
Мнѣ полдень съ утромъ вдругъ вступаетъ,
Весна цвѣты и плодъ являетъ,
Въ возлюбленной душѣ Твоей.
Но грудь пронзитъ народовъ льстивыхъ
Ужасный лучь въ полкѝ строптивыхъ
Блистая изъ Своихъ очей.

5. 5 — 7. Намъ полдень съ утромъ вдругъ сіяетъ.
Весна плоды и цвѣтъ являетъ,
Въ дражайшей младости твоей.

=

9. Мой духъ течетъ къ предѣламъ свѣта,
Охотой храбрыхъ дѣлъ плѣненъ,
Въ восторгѣ зритъ грядущи лѣта
И грозный древнихъ видъ временъ:
Холмовъ Ливанскихъ верхъ дымится!
Тамъ Наввинъ, иль Сампсонъ стремится!
Текутъ струи Евфрански вспять!
Онъ Тигровъ челюсти терзаетъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
Велитъ лунѣ и солнцу стать.

9. 2. Любовью храбрыхъ дѣлъ плѣненъ.
9. 4. И древнихъ грозный видъ временъ.
Этотъ варіантъ въ сличеніи съ текстомъ подаетъ случай къ замѣчанію о порядкѣ словъ.

=

12. Въ брегахъ да льются тихо рѣки,
Не смѣя чрезъ предѣлъ ступить;
Да придутъ всѣ страны далеки
Съ концевъ земныхъ Тебѣ служить.
Воззри на свѣта шаръ пространный,
Воззри на Понтъ Тебѣ подстланный,
Воззри въ безмѣрный кругъ небесъ:
Онъ зыблется и помаваетъ
И славу зрѣть Твою желаетъ
Свѣтящихъ тьмами въ немъ очесъ.

12. 5. Воззри на кругъ земной пространный. — Варіантъ, можетъ быть, и лучше текста, но надобно удержать текстъ, чтобъ избѣжать повторенія *земной* въ двухъ стихахъ сряду.
12. 7. Воззри въ безмѣрный шаръ небесъ.

1. Рѣчь состоитъ изъ весьма коротшихъ и по большей части одночленныхъ періодовъ, въ кото-

рые могутъ перемѣнены быть долгіе чрезъ отъятіе союзовъ. Такіе періоды называются *отрывными.* (§ 44.) *Примѣч.* Потому-то по цитатѣ въ Реторикѣ измѣнилъ я пунктуацію этой строфы, поставивъ, вмѣсто точекъ съ запятою, точки.

5. 5—7. Отъ времени витіеватыя рѣчи раждаются, 1) когда противныя или разныя времена вмѣстѣ соединяются. (§ 137.)

9. Восхищеніе. (§ 239.)

12. 5—10. Указаніе есть, когда идея представляется, какъ бы она была въ самое то время въ дѣйствіи, и для большаго оной оживленія употребляются при томъ реченія указательныя, *се, вотъ, воззри, смотри, здѣсь, тамъ,* и проч. (§ 218.)

ОДА 5.

НА ДЕНЬ БРАЧНАГО СОЧЕТАНІЯ ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА И ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, 1745.

5. Какъ сладкій сонъ вливаетъ въ члены,
Во дни трудами изнуренны,
Отраду, легкость и покой,
Какъ мысль въ весельѣ утопаетъ!
О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ,
Являя видъ страны иной!
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Межъ бисерными облаками
Сіяетъ злато и лазурь.

5. 2. Чрезъ день. Въ издан.
5. 9. Между млечными. Въ издан.
5. 9. Надъ бисерными облаками.

=

6. Кристальны го́ры окружаютъ,
Струи прохладны обтекаютъ
Усыпанный цвѣтами лугъ.
Плоды румянцемъ испещренны,
И вѣшьви медомъ орошенны
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
Восторгъ всѣ чувства восхищаетъ!
Какая сладость льется въ кровь!
Въ пріятномъ мирѣ сердце таетъ;
Не тамъ ли царствуетъ любовь?

=

7. И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являютъ тамо власть.
Древа́ листами помаваютъ,
Другъ друга вѣшьми обнимаютъ,
Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
То гоняютъ, то себя манятъ,
То прямо другъ къ другу стремятся,
И слившись межъ собой журчатъ.

7. 6. Въ бездушныхъ зрю любовну страсть. Въ издан.

=

8. Нарциссъ надъ ясною водою,
Плѣненъ своею красотою,
Стоитъ, любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ ты по брегу дуешь,
Спокрашъ листки его цѣлуешь
И сладкой тѣ кропишь росой.

Зефиръ, сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранитель,
Куда свой правишь съ нихъ полетъ?
Зефиръ, кустовъ и рощь любитель,
Что прочь отъ нихъ тебя влечетъ?

19. Съ горящей, солнце, колесницы,
Низведъ пресвѣтлыя зѣницы,
Пространный видишь шаръ земной,
Въ Россійской ты державѣ всходишь,
Издъ нею днѣвный путь преводишь
И въ волны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидѣтель,
Ты зришь усердій нашихъ знакъ,
Что нынѣ намъ послалъ Содѣтель
Чрезъ сей благословенный бракъ.

5, 6, 7 и 8. Вымышленное описаніе царства любви. (§ 294.)

7. 4 — 10. Къ украшенію описаній и повѣствованій много способствуетъ оживленіе бездушныхъ вещей. (§ 313.)

19. Обращеніе съ засвидѣтельствованіемъ. (§ 217.)

ОДА 6.

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕЛИСАВЕТЫ, 1746.

1. На верхъ Парнасскихъ горъ прекрасный
Стремится мысленный мой взоръ,
Гдѣ воды протекаютъ ясны
И прохлаждаютъ Музъ соборъ.
Меня не жажда струй прозрачныхъ,

Но шумъ пріятный въ рощахъ злачныхъ
Поспѣшно радостна влечетъ:
Тамъ холмы и древа взываютъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ Елисавету.

1, 5 и 6. Мена *надежда* струй прозрачныхъ,
На шумъ пріятный въ рощахъ злачныхъ. —
Варіантъ чрезвычайно важный.

=

2. И се ужѐ рукой багряной
Врата отверзла въ міръ заря,
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяной
Въ поля̀, въ лѣса̀, во градъ, въ моря̀,
Велитъ ночнымъ лучамъ склониться
Предъ свѣтлымъ днемъ, и въ шверди скрыться,
И тѣмъ почтитъ его приходъ.
Онъ блескъ и радость изливаетъ
И въ красны лики созываетъ
Спасенный днесь Россійскій родъ.

=

3. Взирая на дѣла̀ Петровы,
На градъ, на флотъ и на полкѝ
И купно на свои оковы,
На сильну власть ружой руки,
Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ взывала
Къ Тебѣ, защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Петрово племя,
Утѣшь печаль Твоихъ людей.

=

9. Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ яростти своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля спенала отъ зыбей,

Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надутыя водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

=

10. Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злится исполинъ
Разсыпать земнородныхъ племя
И разрушить натуры чинъ!
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣстъ бугры хватаетъ,
И въ твёрдь сквозь облака разитъ.
Сиканскій какъ Вулканъ дымится,
Такъ мгла изъ челюстей куится
И помрачаетъ солнца видъ.

10. 8. Какъ Этна въ яросши дымится. Въ изд.

=

11. Но, о прекрасная планета,
Любезное свѣтило дней!
Ты нынѣ, чрезъ предѣлы свѣта
Простерши блескъ твоихъ лучей,
Спасенный сѣверъ освѣщаешь,
И къ намъ веселый видъ склоняешь,
Взирая на Елисавету,
И купно на ея доброты:
Отъ ней текутъ на всѣхъ щедроты,
Какъ твой повсюду ясный свѣтъ.

=

12. О, вы недремлющія очи,
Стрегущія небесный градъ!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,

Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину,
Петрову зрѣли Дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

=

13. Сладка плодамъ во время зною
Прохлада влажныя росы,
И сонъ подъ тѣнью древъ густою
Пріятенъ въ жаркіе часы;
Но вящшу радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаетъ
Россійскія отрады день.
Еще приходитъ плескъ во уши!
Плѣняюща сердца̀ и ду̀ши
Тогдашней но́щи зрится тѣнь!

=

14. По слогнамъ шумный гласъ несется
Елисавешиныхъ похвалъ,
Въ полкахъ стократно раздается:
Великій Петръ изъ мертвыхъ всталъ!
Мы про́йдемъ съ нимъ сквозь огнь и во́ды,
Предо́лимъ бури и погоды,
Поставимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзкій взоръ враговъ потупимъ,
На горды выи ихъ наступимъ,
На грозныхъ станемъ мы валахъ.

=

16. Что вы, о поздные потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?
Дѣла̀ Петровой Дщери громки
Представивъ въ мысленныхъ очахъ,

И видя зракъ изображенный,
Среди героевъ вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всякъ ли скажетъ быть чудесно,
Увидѣвъ мужество совмѣстно
Съ толикой купно красотой!

=

19. Хотя отъ смертныхъ сокровенно
Грядущихъ бытіе вещей;
Однако сердце просвѣщенно
Величествомъ богини сей
На будущіе дни взираетъ,
И больше счастье предвѣщаетъ.
Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ:
Что ради нашего блаженства
На верхъ поставитъ совершенства
Всходящій въ небо Петръ велѣлъ.

1. Восхищеніе. (§ 239.)

2. Второе (правило къ составленію чистыхъ вымысловъ) состоитъ въ приложеніи, когда части, свойства или дѣйствія вещамъ придаются отъ иныхъ, которыя суть другаго рода. Такимъ образомъ прилагается безсловеснымъ животнымъ слово и пр. (§ 156.)

2. 1 — 4. Указаніе. (§ 218.)

3. 1 — 5. Дѣепричастія съ своими падежами полагаются приличнѣе напереди. (§ 319.)

9. Вымыслъ, умягченный словами, сомнѣніе въ себѣ заключающими. (§ 163.)

10. Увеличеніе вещей къ составленію вымысловъ весьма способно, которыми стихотворцы осо-

бливо возвышаютъ Героическія поэмы, представляя вещи чрезвычайно великими, къ чему много силы придаютъ ужасныя дѣйствія и свойства. (§ 158.)

11. Вымыслъ, умягченный обращеніемъ. (§ 163.)

12. Вымыслъ, умягченный словами, сомнѣніе въ себѣ заключающими. (§ 163.)

13. Великую силу, важность и пространство слову придаетъ уравненіе, когда уравняемая вещь, и то, съ чѣмъ она уравняется, или которое нибудь изъ нихъ обстоятельно предлагается. Здѣсь уравняемое есть больше нежели то, съ чѣмъ оно уравняется. (§ 71.)

14. Заимословіе бываетъ, когда то, что самому автору или представляемому отъ него лицу говорить должно, отдается другому лицу живому, либо мертвому или и бездушной вещи. (§ 219.)

16. Отвѣтствованіе есть, когда сочинитель слова самъ себѣ на свой вопросъ отвѣщаетъ. (§ 215.)

19. 1 — 6. По союзамъ располагаются періоды такъ какъ сами союзы другъ другу натурально слѣдуютъ. (§ 322.)

ОДА 7.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, 1746. Г.

1. Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна!
Въ сей день отъ высоты святыя
Елисавепъ тебѣ дана,

Воздвигнувши Петра по смерти,
Гордыню сопостатовъ стерши
И въ ужасъ оныхъ привести,
Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавитъ,
Судьей надъ царствами поставитъ,
И выше облакъ вознести.

1 5. Воздвигнувъ намъ.
1 9. Судей.

=

3. Сквозь тучи бывшія печали,
Что лютый рокъ на насъ навелъ,
Какъ горы о Петрѣ рыдали
И понтъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ, войнами возмущенный,
Я вижу тотъ пресвѣтлый часъ:
Тамъ вкругъ младой Елисаветы
Сіяютъ счастливы планеты;
Я слышу тамъ натуры гласъ.

—

10. Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
Береговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ:
Своею сладкою водою
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою
Златой даетъ Египту вѣкъ.

10. 3. Безъ гнѣва,
10. 7—9. Но пользой больше прочихъ рѣкъ.
Своею тихою водою
Въ брегахъ зеленыхъ пролитою.

=

16. Парящей Поэзіи ревность
Дѣла Твои превознесетъ;
Ни гнѣвъ стихій, ни вѣтха древность
Похвалъ Твоихъ на пресѣчетъ.
Открыты естества уставы
Твоей умножатъ громкость славы.
Но все художество свое
Тебѣ Иппóкратъ посвящаетъ,
И усугубить тѣмъ желаетъ
И вѣкъ и здравіе Твое.
16. 10. Дражайше здравіе Твое.

=

17. Да будетъ твое невредимо,
Какъ верхъ высокія горы
Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредные пары;
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть:
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ.

=

I. Напряженіемъ или стеченіемъ называется сплесненіе многихъ важныхъ идей до одной матеріи надлежащихъ и въ одномъ періодѣ или членѣ періода включенныхъ. (§ 232.)

3. Седьмой способъ къ составленію вымысловъ есть преложеніе съ мѣста на мѣсто, или изъ одного времени въ другое. Здѣсь прошедшее время относится въ настоящее и изображается подъ видомъ мѣста. (§ 161.)

10. Уподобленіе служитъ къ распространенію слова: когда многія свойства, части или обстоятельства самой уподобляемой вещи и самаго подобія между собою прилично снесенныя предлагаются. (§ 69.)

16 и 17. Желаніе. (§ 234.)

ЗАКЛЮЧЕНІЕ И ПЕРЕХОДЪ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Пока не будетъ разработана отечественная Филологія во всей подробности, до тѣхъ поръ не будетъ и учебника для Гимназіи. А безъ учебника никоимъ образомъ не льзя опредѣлить, что́ и сколько должно проходиться въ томъ или другомъ классѣ. Для примѣра преподаванію я взялъ двѣ крайности — самую низшую и высшую, и этимъ частью уже обозначилъ, чему бы слѣдовало быть въ среднихъ классахъ. Разумѣется, что основательному изученію Карамзина и лѣтописей предшествуетъ изученіе библейскаго языка. Руководство къ тому Граммашика Добровскаго. — Вмѣстѣ съ чтеніемъ идетъ сравнительно-историческая Грамматика. Для логической стихіи въ языкѣ можно пользоваться сочиненіями Беккера, Герлинга, Шмитт-геннера. Опытъ раскрытія нравственнаго чувства учениковъ на изученіи языка предлагаю во 2-й части О препод. отеч. яз. стр. 173 — 190. Опытъ сравнительной Лингвистики ibid., въ статьяхъ:

о звукахъ, образованіе мѣстоименій, степени сравненія и пр. Исторической Лингвистики — въ исторіи рускихъ мѣстоименій, въ сложныхъ словахъ, съ синтаксическихъ замѣткахъ, въ исторіи народнаго языка. Съ одной стороны учащіеся вникаютъ въ живое значеніе буквы — въ статьяхъ: приставки и окончанія (между прочимъ, воспользоваться Филолог. наблюденіями Павскаго, во 2-й части: объ образованіи существительныхъ), образованіе мѣстоименій и мѣстоименныхъ нарѣчій и пр.; а съ другой стороны, на изученіи языка знакомятся со всѣмъ внутреннимъ бытомъ своего народа, начиная отъ Миѳологіи и повѣрій народныхъ до Поэзіи, Философіи и Христіянства — въ статьяхъ: роды именъ существительныхъ, Ономастика, архаизмы и пр.

Такъ какъ теоретическія изслѣдованія постоянно основываю на цитатахъ: то руководство теоріи при чтеніи писателя не представляетъ большихъ затрудненій. Сверхъ того для облегченія предлагаю краткій указатель нѣкоторымъ реченіямъ, объясненнымъ во 2-й части.

азъ 32, 79.
armbrust 129.
ашь 163.
бережистъ 58.
березозолъ 319.
бисеръ 324.
блаженство 189.
блудъ 188.
богъ 190, боги 278.
борзый 215.
братанъ, — а 250.
братучадъ, — о, — а 250.
братъ 41.
братъсестръ 250.
буйной 214.
буя палата 288.
быстрый 173.
бышь 41.

бѣлбогъ 63.
бѣсъ 106.
вельми 72.
верста 179.
весь 84.
весьма 72.
вещь 177.
вз — , воз — 161.
взводъ 340.
видѣть 184.
вкусъ 184, 337.
вліяніе 336.
вмѣсто, замѣсто 161.
внѣ 73.
вода 41, 172.
войскій 57.
волкъ 43, 109, 268.
wolf 108.
Волховъ 117.
воля 188.
вороногрaй 66, 262.
воскресить 182.
время 179.
всюду 86.
vulpes 108.
въ 159.
выну 72.
Вышеградъ 63.
вѣмь 90.
вѣра 187, 188.
вѣщій 174.
гдѣ 86.
heide 169.
hëll 172.
gentilis 169.
годъ, година 179.
gold 172.
голова 240, 241.
гораздо 75.
госпинецъ 340.
грабить 41.
громъ 107.
грѣхъ 172, 188.
гудьба 290.
гулебщикъ 343.
гусь 42,
д 86.
дажьбогъ 62.
дамь 90.
дверь 41.
двѣнадцать 68.
деисусъ 285.
день 106, 166.
десница 41.
дивъ 275.
днище 59.
доба 180.
долой 28, 71.
домой 28, 71.
досадникъ 54.
доспѣть 340.
Дунай 117, 276.
духовница 288.
душа 181, 247.
дщи 41.
дѣвый 53.
дѣдина, дѣдній 250.
еллинскій 274.
есмь 89.
желать 189.

жизнь 181.
жиловашъ 59.
заводь 52.
займище 341.
заревъ 319.
заступь 52.
звѣрь 108.
звѣряница 269.
зерно 42.
земля 107.
змѣй 112, 168. змѣиныя крылица 277.
золотой 215.
и 81.
изголовь 52.
изокъ 319.
имовитъ 59.
ино 163.
искусный 55.
искуство 184.
исполинъ 323.
истина 186.
к 82, 87.
каждый 85.
каленый 215.
калугеръ 297.
качество 185.
керелешь, корелесь 326.
ключница 288.
когда 86.
кой 82.
кокора 341.
коло 340.
каловрашный 172.
колымага 326.
кольми 72.
коляда 276.
конь 239.
копье 238.
корабль 124.
кость 240.
который 82, 99, 140, 305.
красный 214.
кромѣ 71.
куда 86.
кукушка 110.
кумысъ 326.
купало 275.
купальница 276.
курокликъ 66, 262.
кусподія 327.
лада 275.
ласточка 30, 110, 266,
лебедь 109.
лиса 267.
листопадъ 66 318.
лихорадка 131.
лицо 241.
лобъ 287, 322.
лукашь 168.
лупежъ 172.
lupus 172.
лѣкарь 176.
лѣто 180.
лѣтопись 242.
любовь 189.
любь 52.
люпый 269,
малолѣтокъ 343.
малый 139.

машерой 214.
медвѣдина 279.
медвяный 215.
медуша 288.
меченоша 53.
мечша 286
мечь 239.
милость 189
милый 214, 336.
мирникъ 54.
мірское или Княжее имя 64.
міръ 178.
Москва 123.
мужашая 58.
мьстьбогъ 67.
мѣстничество 242.
мѣсяцъ 106.
мѣхоноша 53.
мя 97.
на 159.
надъ 150, 160.
наизустъ 74.
намедни 74.
насъ 343,
наука 186.
наукъ 52.
небо 41.
невѣрникъ 55.
nein 77,
нелюбкы 53.
nemo 77.
нешій 250.
nihil 78.
низги 77.
nicht 77, 78.
новый 27.
non 77.
ночь 106, 172.
нѣ 85.
нѣкій 97.
нѣмецъ 326.
нѣсмь, нѣшь 77.
о, объ 160.
обловы 341.
обоняшь 183.
обръ 323.
огонь 107, 167.
однава 71.
окаянный 55.
океанъ 116.
око 42.
около 73.
омылка 341.
on 85.
оно 164.
онъ 81, 98.
опричь 73.
опышъ 185.
особа 101.
осязашь 184.
отній, отечній 250.
отчаянный 55.
паганый 169.
pas 78.
payen 169.
пекельница 288.
первый, второй и пр. 140.
Переяславль 63.
personne 78.
печальникъ 54.

плавня 343.
плакашься 150.
плеча 288.
плугъ 121.
по 160.
побоище 60.
побѣдище 59.
повалуша 288.
поводъ 52.
подъ 160.
point 78.
покрай 160.
пол — 69.
полный 41.
полчище 59.
поняшіе 183.
поперекъ 74.
пора 180.
порокъ 188.
посаженикъ 54, 143.
пошибъ 289.
поясъ 286.
правда, праведникъ 187.
прежде 86.
прелесшный 55.
пресловушый, преслову-
щій 56.
признакъ 185.
промыслъ 190.
просинецъ 318.
пшаха, пшица 41, 109,
purus, πῦρ 167.
пуща 341.
пѣсни 259.
пяшница 289.
пяшьдесяшъ 68.
ради 161.
радигосшъ 63, 64.
рало 122.
развишіе 337.
разумъ 182.
распалишься 340.
rien 78.
рипида 285.
ролейный 341.
рокъ 190.
рука 240, 241.
рыба 111.
рюенъ 318.
самъ 84.
сваповишъ 63.
свобода 165, 166.
свойсшво 185.
свычай 343.
свѣсшь 249.
свѣшъ 177.
Св. Софія 246.
Св. Спасъ 246.
Св. Троица 246.
себя 101.
сей 83.
серебряный 215.
сесшреничь 250.
сидѣшь 41.
силлогизмъ 322.
симаргла 273.
синій 215.
сквозь 160, 161.
слава 248, 276.
слово 183.

слонъ 172.
слухъ 183.
соколъ 110.
soleil 254.
солнце 106, 167, 254.
соловей 111.
солома 264.
сочиненіе 186.
спашь 41.
старина 243.
стрибогъ 62.
стрый 250.
стрѣла 129.
стрѣлище 59.
стрѣляшь 168.
студеный 318.
судьба 190.
сужденіе 183.
сухой 319.
счастіе 189.
съ 159.
сыновецъ 250.
сырой 215.
сышиврашъ 63.
сышь 52.
сѣнь 285.
сѣченъ 319.
ся 80.
ш 82.
шамъ 86.
шворки 53, 132.
шеперь 74.
шогда 86.
шонокъ 41.
шопъ 52, 226.
шошъ 83, 97.
шочію 72.
шравенъ 319.
шрагедія 315, 322.
шри 41.
шридцашь 68.
шугой 215.
шурій рогъ 217.
шуры 130.
шы 80.
шьма 172.
шѣ 97.
шябло 286.
шяну 41.
удалой, удашный 213.
ужикъ 249.
уй 250.
умъ 182.
уразъ 52.
feind, freund 142.
foras, foris 72.
хворостъ 40.
хладъ 42.
хорсъ 273.
хошѣшь 189.
художество 184.
царь—огонь, царь — водица 270.
цѣловашь кресшъ 151.
цяпа 285.
часъ 179.
челомъ бишь 166.
червенъ 319.

червонный 184.
черта 336.
честь 248.
чортъ 176.
шипъ 52, 226.
шлемъ 130, 239.
щитъ 238.
эшотъ 83.
яйцо 111.
ямь 90.
ясный 214.
яровой 180.
япровь 249.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОПРАВКИ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПОГРѢШНОСТЕЙ ВО 2-Й ЧАСТИ:

3, 14 Česco-Německý, 10, 27 рукопись 1377. 17, 6 въ придыханіе; 22, 15 Porata 45, 9 корень яд; 45, 26 д умяг- 58, 25 bala-wat 71, 23 *κομιδῇ* отъ *κομιδή* (cura). 82, 22 *κότερος* 88, 28 естествово 102, 29 1) Противъ Беккера. 125, 3 гривы 125, 15 означающее 134, 19 — 20 или даже — напр. (*выбросить*) 167, 28 Эйхгофа 171, 7 Русскихъ 179, 27 такъ 271, 29 выше, 273, 23 выше 288, 1 рѣлъ (*выбросить*) 345, 21 овыдень.

Маловажныя опечатки читатель благоволитъ исправить самъ.